КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. ШИШКОВА,

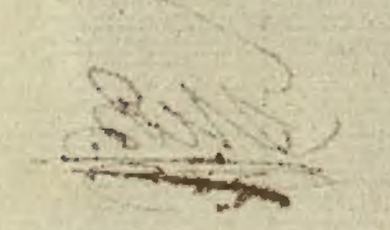
ВЕДЕННЫЯ

имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1831.



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

Дозволеніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА посвятить записки мои Высочайшему Имени ВАШЕМУ преисполнило меня величайшею радостію: оно обнадежило меня, что естьли бы описанія мои и не соотвѣтствовали толь важнымъ и знаменитымъ происшествіямъ, то сами происшествія сіи, украшенныя ВАШИМЪ, ГОСУДАРЬ, Высочайшимъ Именемъ, не смотря на слабость моего пера, обратятъ на себя вниманіе читателей до позднѣйшаго потомства.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Александръ Шишковъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Долго не имѣлъ я времени заняться сими на скорую руку писанными записками и привесть ихъ въ нѣкоторый порядокъ. Наконецъ сдѣлалъ это, и тогда, хотя ужѐ нѣсколько и поздо, разсудилось мнѣ издать ихъ въ свѣтъ, дабы многія тогдашнія приключенія и обстоятельства не остались для любопытнаго читателя въ совершенной неизвѣстности. Въ семъ намѣреніи препроводилъ я ихъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу при слѣдующемъ письмѣ:

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

Во время войны съ Французами находясь при Государѣ Императорѣ велъ я записки, не о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ, но о тѣхъ Монаршихъ повелѣніяхъ, которыхъ изложеніе возлагалось на меня, и о тѣхъ случаяхъ и приключеніяхъ, которымъ былъ я очевидецъ. Блаженныя памяти Государь Императоръ, безсомнѣнія въ томъ предположеніи, что я не оставлю сего знаменитаго путешествія безъ нѣкотораго описанія, отдавалъ мнѣ всѣ подносимыя Ему бумаги. Записки сіи долго хранились у меня въ рукописи. Наконецъ думая, что онѣ, писанныя въ толь достопамятное время, могутъ быть довольно любопытны,

вознамѣрился издать ихъ въ свѣтъ. Для сего отдалъ въ Цензуру, которая хотя и одобрила ихъ; но я не хочу приступить къ напечатанію оныхъ, доколѣ, испрашивая Высочайшаго позволенія, не повергну ихъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, что въ хлопотливыя нынѣшнія времена осмѣливаюсь утруждать Васъ сею всеподданнѣйшею моею прозбою. Я оставилъ бы это до удобнѣйшаго времени, но изнуренныя силы и болѣзни мои не велятъ мнѣ много надѣяться на продолженіе моей жизни. Не дерзаю испрашивать милостиваго позволенія украсить записки сіи посвященіемъ Высочайшему Имени Вашему, но былъ бы при старости и немощахъ моихъ таковымъ, Государь, благоволеніемъ Вашимъ весьма осчастливленъ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданный

Александръ Шишковъ.

Мая 17 дня
1831 года.

На сію прозбу мою благоугодно было Государю Императору удостоить меня слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ:

Александръ Семеновичъ. Одобряя намѣреніе ваше издать въ свѣтъ записки, веденныя вами во время послѣдней войны съ Французами, когда вы находились при любезнѣйшемъ Братѣ Моемъ въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, Я, по желанію вашему, дозволяю вамъ книгу сію посвятить Моему Имени, и изъявляя вамъ за труды ваши Мою признательность, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

НИКОЛАЙ.

Въ Петергофѣ
22 Мая 1831.

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ,

ВЕДЕННЫЯ ВЪ БЫВШУЮ СЪ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812-МЪ И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ГОДАХЪ ВОЙНУ.

Я не описываю въ подробности всѣхъ происходившихъ въ сіе время обстоятельствъ, не вхожу ни въ политическія, ни въ военныя дѣйствія, безъ меня извѣстныя; но только воспоминаю кратко о случившихся со мною приключеніяхъ, и о тѣхъ происшествіяхъ, которымъ я былъ очевидный свидѣтель. Можетъ быть сіе, хотя краткое и недостаточное о прошедшемъ воспоминаніе, принесетъ однакожъ нѣкоторое удовольствіе благосклоннымъ читателямъ.

Весною въ 1812 году Государь призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: „Я читалъ разсужденіе твое о любви къ Отечеству *). Имѣя таковыя чувства ты можешь ему быть полезенъ. Кажется у насъ не обойдется безъ

*) См. чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова, книжка пятая.

войны съ Французами; нужно сдѣлать рекрутской наборъ; Я бы желалъ, чтобы ты написалъ о томъ Манифестъ.“ Отвѣтъ мой былъ: „Государь! я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ; это будетъ первый мой опытъ, а потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе; попытаюсь, но притомъ осмѣлюсь спросить: какъ скоро это надобно?“ „сегодня или завтра“ (сказалъ Онъ).—„Приложу всякое мое стараніе (отвѣчалъ я), но долженъ донести Вашему Величеству о моихъ припадкахъ: я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются, что лежу безъ движенія въ постелѣ. Проснувшись сего дня съ сею болью, я опасаюсь, чтобъ она умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости Ваше повелѣніе.“ „Ежели не можешь скоро (отвѣчалъ Онъ мнѣ); то хотя дни черезъ два или три.“ — Тутъ мы разстались. Я пріѣхалъ домой. По счастью къ вечеру головѣ моей стало легче. Я сѣлъ и написалъ Манифестъ.

На другой день пріѣзжаю къ Государю. Онъ встрѣтилъ меня сими словами: „ты скорѣе исполнилъ нежели обѣщалъ.“ Я прочиталъ Ему мою бумагу. Онъ приказалъ ее оставить у Себя, поблагодарилъ меня, и отпустилъ. Бумага сія состояла въ слѣдующихъ словахъ:

»Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ тре-»буетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, не-»усыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, »которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ об-»разомъ оградить Великую Имперію Нашу »отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непрі-»язненныхъ покушеній. Издавна сильный и хра-»брый народъ Россійскій любилъ со всѣми ок-»рестными народами пребывать въ мирѣ и ти-»шинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но »когда бурное дыханіе востающей на него вра-»жды понуждало его поднять мечь свой на за-»щиту Вѣры и Отечества, тогда не было вре-»мени, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣр-»ныхъ сыновъ Россіи во всѣхъ чинахъ и звані-»яхъ не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. »Нынѣ настоитъ необходимая надобность увели-»чить число войскъ Нашихъ новыми запасны-»ми войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія си-»лы Наши уже ополчены и устроены къ обо-»ронѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ все-»му свѣту извѣстны. Надежда престола и дер-»жавы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркій »духъ ихъ и любовь къ Намъ и къ Отечеству »да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя »числа силъ непріятельскихъ!

»Сего ради, хотя и съ Отеческимъ собо-»лѣзнованіемъ о новой народной тягости, но съ »тѣмъже Отеческимъ попеченіемъ пріемля все

*

»возможныя мѣры и предосторожности къ охра-
»ненію безопасности и благоденствія каждаго и
»всѣхъ, повелѣваемъ:“ — Государь, приказавъ прибавить къ сей бумагѣ правила, на какихъ должно было сдѣлать сей наборъ, подписалъ ее и въ тотъже день (23 Марта 1812) отослалъ въ Сенатъ.

Черезъ нѣсколько дней Александръ Дмитріевичъ Балашовъ увидясь со мною сказалъ мнѣ: „Императоръ сбирается съ войсками идти въ походъ, и думаю возметъ тебя съ собою.“ — На это отвѣчалъ я: „куда мнѣ въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ таскаться по походамъ.“ Этотъ разговоръ нашъ разнесся по городу съ обыкновенными прибавленіями, будто Государь предлагалъ мнѣ ѣхать съ Нимъ, но я отъ того отказался. Молва сія была мнѣ досадна: я опасался, что она дойдетъ до Государя, и можетъ подать Ему поводъ къ какому либо на меня неудовольствію. Между тѣмъ время проходило и Государь меня больше не спрашивалъ. Слухи объ опредѣленіи меня къ Нему умолкли, а наконецъ и день отъѣзда Его былъ назначенъ. Увѣрясь совершенно, что я по прежнему остаюсь дома, принялся я опять за мои обыкновенныя упражненія; но вдругъ поутру въ самой тотъ день, какъ Ему на-

длежало ѣхать, присылаетъ Онъ за мною. Я пріѣзжаю, вхожу. Онъ говоритъ мнѣ: „Я бы желалъ, чтобъ вы поѣхали со Мною. Можетъ быть для васъ это и тяжело, но для Отечества нужно.“ — „Государь! сказалъ я съ нѣкоторымъ жаромъ, силы и способности мои не отъ меня зависятъ, но въ ревности и усердіи служить Вашему Величеству я ни кому не уступлю: употребите меня какъ и куда угодно; я готовъ остальные дни мои посвятить Вамъ и Отечеству. Между тѣмъ однакожъ (примолвилъ я съ нѣкоторою улыбкою) позвольте, Государь, донести Вамъ о себѣ правду: я морской человѣкъ съ сухопутными войсками никогда не хаживалъ, плавалъ всегда на корабляхъ, и даже верьхомъ ѣздить не смогу и не умѣю. Вы будете имѣть во мнѣ худаго сопутника.“ — На это отвѣчалъ Онъ мнѣ также усмѣхнувшись: „мое дѣло употреблять тебя тамъ, гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности.“ — Тутъ подписалъ Онъ указъ, повелѣвающій мнѣ быть при Его Особѣ Государственнымъ Секретаремъ, и вскорѣ за симъ отправился въ путь, въ Вильну, дозволивъ мнѣ остаться послѣ себя дни два или три дома для приготовленія къ сему походу, о которомъ я до самаго сего времени не имѣлъ ни малѣйшаго помысла. Изъ Царскаго-села прислалъ Онъ повелѣніе дать мнѣ придворную коляску и съ лошадьми, которая бы всегда нахо-

дилась при мнѣ. На третій день, простясь, съ женою и домашними моими, отправился я вслѣдъ за Нимъ. При тогдашней распутицѣ не могъ я на однѣхъ и тѣхъже лошадяхъ скоро ѣхать; для того, опасаясь долго промешкать, оставя коляску, досталъ простую телѣгу, и поѣхалъ на перемѣнныхъ; но и въ томъ, по причинѣ замученныхъ на почтахъ лошадей, мало имѣлъ успѣха. Дотащась кое-какъ до селенія *Видзы* лошади мои такъ увязли въ грязи, что никакимъ образомъ не могли вытащить телѣги. Извощикъ и бывшій со мною человѣкъ побѣжали будить обывателей. Я въ темнотѣ остался одинъ, и слишкомъ часъ сидѣлъ, ожидая своего освобожденія. Тутъ принужденъ былъ ночевать, и какъ въ семъ мѣстечкѣ находился Его Высочество Великій Князь Константинъ Павловичъ, то я на минуту явился къ Нему, и потомъ спѣшилъ продолжать свой путь. Послѣднюю станцію отъ *Свенціянъ* до Вильны по безсилію лошадей долженъ я былъ почти всё идти пѣшкомъ. По пріѣздѣ моемъ Государь принялъ меня милостиво, изъявилъ сожалѣніе Свое о безпокойномъ путешествіи моемъ, и приказалъ для житья моего отвесть мнѣ двѣ комнаты въ томъ домѣ, гдѣ самъ изволилъ жить. Въ Вильнѣ находились при Немъ слѣдующія особы: Ихъ Высочества Принцы Олденбургскій и Виртембергскій; Главноначаль-

ствующій войсками Барклай-де-Толли; Генералъ Бенингсенъ; Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ; Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей; Графъ Николай Александровичъ Толстой; Александръ Дмитріевичъ Балашевъ; Князь Петръ Михайловичъ Волконской, Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ; да иностранцы: Шведскій Генералъ Армфельдъ, Пруской Фуль, и нѣкоторые другіе. Изъ числа давно знакомыхъ мнѣ пріятелей моихъ нашелъ я тутъ Генералъ-Лейтенанта Николая Алексѣевича Тучкова. Довольно долгое пребываніе наше въ Вильнѣ и препровожденіе времени въ разныхъ увеселеніяхъ привело почти въ забвеніе мысль о враждебномъ противъ насъ намѣреніи Французскаго Императора. Въ одинъ день (Іюня 13 числа), проводя вечеръ съ пріятностію, пришелъ я домой, и ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать, какъ вдругъ, въ два часа по полуночи, будятъ меня и говорятъ, что Государь прислалъ за мною. Удивясь сему необычайному зову, вскочилъ я съ торопливостію, одѣлся и побѣжалъ къ Нему. Онъ былъ ужè одѣтъ, и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ сказалъ Онъ мнѣ; „*надобно теперьже написать приказъ нашимъ войскамъ*, *и въ Петербургъ къ Фельдмаршалу Графу Салтыкову*, *о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы*, *и меж-*

ду прочилъ сказать, что Я не помирюсь, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ.« Я тужъ минуту бросился домой, и какъ ни встревоженъ былъ симъ неожидаемо полученнымъ извѣстіемъ, однакожъ сѣлъ и написалъ обѣ вышепомянутыя бумаги, принесъ къ Государю, прочиталъ Ему, и Онъ тутъже подписалъ ихъ. Бумаги сіи были слѣдующаго содержанія:

Приказъ нашимъ арміямъ.

»Изъ давнаго времени примѣчали мы не»пріязненные противъ Россіи поступки Фран»цускаго Императора, но всегда кроткими и »миролюбивыми способами надѣялись отклонить »оные. Наконецъ видя безпрестанное возобновле»ніе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ »желаніи сохранить тишину, принуждены Мы »были ополчиться и собрать войски Наши; но »и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, остава»лись въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нару»шая мира; а бывъ токмо готовыми къ оборо»нѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не »могли удержать желаемаго Нами спокойствія. »Французскій Императоръ нападеніемъ на войски »Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И »такъ видя его никакими средствами непреклон»наго къ миру, не остается Намъ ничего ина-

»го, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и За-
»щитника правды, Всемогущаго Творца небесъ,
»поставить силы Наши противу силъ непрія-
»тельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ,
»полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ дол-
»гѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ гром-
»кая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы за-
»щищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами.
»На зачинающаго Богъ.« Въ Вильнѣ. Іюня 13-го
1812.

(На подлинномъ подписано:)

АЛЕКСАНДРЪ.

Фельдмаршалу Графу Салтыкову.

»Графъ Николай Ивановичъ! Французскія
»войска вошли въ предѣлы Нашей Имперіи.
»Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ
»за строгое наблюденіе союза. Я для сохране-
»нія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя
»съ достоинствомъ Престола и пользою Моего
»народа. Всѣ старанія Мои были безуспѣшны.
»Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ поло-
»жилъ твердо, разорить Россію. Предложенія
»самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Не-
»запное нападеніе открыло явнымъ образомъ
»лживость подтверждаемыхъ въ недавномъ еще
»времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому
»не остается Мнѣ инаго, какъ поднять оружіе
»и употребить всѣ врученныя Мнѣ Провидѣ-

»ніемъ способы къ отраженію силы силою. Я »надѣюсь на усердіе Моего народа и храбрость »войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ »своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свой»ственною имъ твердостію и мужествомъ. Про»видѣніе благословитъ праведное Наше дѣло. »Оборона отечества, сохраненіе независимости и »чести народной принудило Насъ препоясаться »на брань. Я не положу оружія доколѣ ни еди»наго непріятельскаго воина не останется въ »Царствѣ Моемъ. Пребываю къ вамъ благо»склонный.« Вильна Іюня 13-го дня 1812 года.

(На подлинномъ подписано:)

АЛЕКСАНДРЪ.

Отъ сего времени пребываніе наше въ Вильнѣ сдѣлалось не безопасно: приближеніе непріятеля, шедшаго скорыми шагами, понудило насъ немедленно выступить изъ ней, и главная квартира *) отъѣхавъ верстъ около дватцати пяти, остановилась въ мѣстечкѣ, называемомъ Свенціаны. Читатель да проститъ мнѣ маловажность воспоминанія о непріятномъ положеніи моемъ въ семъ мѣстѣ. По недостатку жилищъ, и чтобъ быть ближе къ Государевой квартирѣ, отвели мнѣ въ тойже улицѣ Жидов-

---

*) Подъ симъ выраженіемъ разумѣется мѣсто пребыванія Государя Императора.

скую корчму, или по просту сказать кабакъ, состоящій изъ двухъ горницъ, изъ которыхъ одна была съ земленымъ поломъ, а другую почти всю занимала худая, вонючая кровать съ маленкимъ подлѣ ней окномъ и деревяннымъ столикомъ. Часу въ девятомъ послѣ обѣда Государь прислалъ ко мнѣ, для перевода, написанную Фулемъ на Нѣмецкомъ языкѣ бумагу, пространную, и такъ измаранную, что едва съ великимъ трудомъ можно было ее разобрать. Она предполагалась къ напечатанію въ Рускихъ Вѣдомостяхъ, и содержала въ себѣ увѣдомленіе о великой силѣ непріятельской, о расположеніи нашихъ армій, о причинахъ отступленія нашего, и проч.; вся сія бумага, а особливо нѣкоторыя въ ней мѣста показались мнѣ такими, которыя скорѣе могутъ приводить въ уныніе, нежели служить къ ободренію и надеждѣ. Я побѣжалъ къ Государю съ объясненіемъ о семъ. Онъ выслушавъ меня приказалъ однакожъ перевесть ее съ тѣмъ, чтобъ исключить или перемѣнить то, что я найду излишнимъ, или ненадобнымъ, примолвя при томъ, что Онъ сей часъ отправляетъ курьера, и не ляжетъ спать, покуда не получитъ сей бумаги. Я по грязной улицѣ и въ проливной дождь бросился скорѣе въ мою корчму, сѣлъ на деревянномъ треножномъ стулѣ за столикъ, на которомъ едва могла помѣститься чернилыница съ листомъ бумаги, и

при копеечной сальной свѣчкѣ принялся за работу. Крайнее поспѣшеніе мое сопряжено было еще съ посторонними предосадными обстоятельствами: къ окну моему поминутно приходили солдаты, стуча въ него, чтобъ ихъ пустили въ корчму, такъ что я всякой разъ принужденъ былъ кричать имъ: „поди прочь, здѣсь стоитъ Генералъ." Этова мало: съ верху на бумагу падали тараканы, которыхъ я безпрестанно долженъ былъ отщолкивать. Со всѣмъ тѣмъ я успѣлъ переводъ сей прежде полуночи окончить и отнесъ его къ Государю.

Наконецъ, послѣ долгаго отступленія, преслѣдуемые силами всей Европы, достигли мы до Дриссы, гдѣ на берегу рѣки Двины сдѣланъ былъ большой укрѣпленный лагерь, построенный поступившимъ въ нашу службу изъ Пруской арміи Генералъ-Маіоромъ Фулемъ, и гдѣ предполагалось остановиться и дать сраженіе съ Наполеономъ. Государь помѣстился въ маленькомъ домикѣ, при которомъ не было никакихъ иныхъ строеній, кромѣ нѣсколькихъ амбаровъ и житницъ. Главная часть бывшихъ при немъ Государственныхъ особъ, какъ то Графъ Румянцовъ и другіе, разъѣзжали въ отдаленіи отъ него по окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ. Мнѣ съ А. Д. Балашовымъ отведенъ былъ домъ по другую сторону рѣки, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ главной квар-

тиры. Скоро по пріѣздѣ нашемъ я сдѣлался боленъ и не могъ никуда выходить. Служа всегда въ морской службѣ я не имѣлъ достаточнаго понятія о выгодности или невыгодности нашего мѣстоположенія, но по разсужденіямъ и разговорамъ съ нѣкоторыми изъ господъ военныхъ начальниковъ видѣлъ, что надежда ихъ на малое число нашихъ войскъ и на безопасность сего мѣста, имѣющаго позади себя рѣку съ однимъ наведеннымъ черезъ нее плову́чимъ мостомъ, была весьма не велика. Обстоятельства сіи крайне меня тревожили. Грозное нашествіе врага, и уже занятіе имъ въ краткое время стольких городовъ и земель, представляло мнѣ Россію въ страхѣ и ужасѣ. При сихъ размышленіяхъ къ тѣлеснымъ страданіямъ моимъ присовокупилась еще и душевная скорбь съ печальнымъ воображеніемъ, что можетъ быть ожидаемое вскорѣ нападеніе принесетъ съ собою весьма худыя для насъ послѣдствія. Растревоженному сими мыслями пришло мнѣ въ голову написать къ Государю письмо, не разсудитъ ли Онъ за благо присутствіемъ Своимъ ободрить Москву и всю Россію, безсомнѣнія быстрымъ движеніемъ непріятеля устрашенную и унывающую? Восхищенный сею мыслію, не смотря на жестокую головную боль мою, вскочилъ я съ постели, сѣлъ, и написалъ сіе письмо. Но вдругъ остановился и

сказалъ самъ себѣ: какъ! ты покушаешся на дѣло чрезвычайной важности: предпріемлешь смутить, потревожить Государя; произвесть въ сердцѣ его борьбу съ самимъ собою! Хочешь сдѣлать невозможное: хочешь слабымъ голосомъ своимъ убѣдить Его, чтобъ Онъ оставилъ войска, при которыхъ всегда находился, всегда сопровождалъ ихъ, и чтобъ вопреки симъ дѣйствіямъ своимъ внезапно отъ нихъ удалился, и въ какое же время? въ самоважнѣйшее! кто ты, и по какому праву и надеждѣ на себя осмѣливаешся предлагать Ему о томъ? менше ли тебя знаетъ Онъ, какъ и что въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣлать должно? не сочтетъ ли Онъ поступка твоего не совмѣстнымъ и дерзновеннымъ? Мысль сія ужаснула меня, и я едва удержался отъ разорванія моего письма. Но потомъ опять подумалъ: нѣтъ! благость сердца Его мнѣ извѣстна; есть ли и не найдетъ Онъ объясненныхъ мною причинъ достаточными къ побужденію Его на сію перемѣну положенія нашего, то скорѣе припишетъ это воспламененному усердію моему, нежели какому-либо мечтательному и непозволительно-смѣлому умствованію. Можетъ быть устремленіе мыслей на одну сторону не допускаетъ Его взглянуть со вниманіемъ на другую, и Онъ проститъ мнѣ усердіе мое, подвигшее меня къ напоминанію о томъ. Да хотя

бы паче чаянія; и подвергся я гнѣву Его; то совѣсть моя при семъ несчастіи была бы спокойна, и скорѣе укоряла бы меня тогда, когда бы я, изъ опасенія лишиться собственныхъ моихъ выгодъ, не посмѣлъ представить Ему того, что по моимъ чувствамъ и соображеніямъ могло принести пользу Царю Моему и Отечеству. Сіе разсужденіе снова утвердило меня въ намѣреніи моемъ, и такъ успокоило, что я, увѣренный въ правотѣ моего поступка, скоро заснулъ. Поутру приходитъ ко мнѣ Флигель-Адъютантъ Чернышевъ; онъ принесъ напечатанный для образца листокъ, подъ заглавіемъ: *приказъ нашимъ войскамъ*, и сказалъ мнѣ: „Государь приказалъ отдать вамъ этотъ листокъ съ тѣмъ, чтобъ вы пересмотрѣли, нѣтъ ли тутъ чего поправить.“ Приказъ сей содержалъ въ себѣ ободрительное при наступающей битвѣ воззваніе къ войскамъ, и конецъ онаго состоялъ въ слѣдующихъ Государя Императора словахъ: *я всегда буду съ вами, и никогда отъ васъ не отлучусь.* Сіе выраженіе, толь ясно уничтожавшее всю мою надежду, привело меня въ отчаяніе. Но въ тоже время вдругъ воспламенился во мнѣ духъ твердости: я взялъ перо, подчеркнулъ сіи слова; и сказалъ Чернышеву: „донесите отъ меня Государю, что обѣщаніе сіе полагаю я не нужнымъ и притомъ не вѣрнымъ: будущаго мы не можемъ

знать; судьбы человѣческія въ рукахъ у Бога.“ Тутъ оставшись одинъ погрузился я въ крайнюю задумчивость, и хотя не отмѣнилъ моего намѣренія послать мое письмо, но въ успѣхѣ онаго не имѣлъ ужѐ никакой надежды. Въ сіе время вспомнилъ я, что Государь въ первые дни отступленія нашего сказалъ однажды Балашову: „вы бы трое (разумѣя подъ симъ его, Графа Аракчеева и меня) сходились иногда и что нибудь разсуждали и совѣтовали между собою.“ Это поселило во мнѣ мысль, что письмо, поданное ему отъ одного моего имени, не подѣйствуетъ надъ нимъ столько, сколько бы подѣйствовало, когда бы подписано было троими нами. Я увѣренъ былъ въ согласіи на то Балашова, но съ Графомъ Аракчеевымъ не былъ я въ такомъ знакомствѣ, чтобъ могъ преждевременно ему открыться. Для сего, не могши самъ еще выходить, просилъ я Балашова съѣздить въ главную квартиру, показать письмо Графу и спросить у него, согласенъ ли онъ съ нашимъ мнѣніемъ и подпишетъ ли письмо? также просилъ его привезть ко мнѣ *приказъ войскамъ*, естьли онъ ужѐ отданъ. Балашовъ возвратился и сказалъ мнѣ, что Графъ согласенъ подписать. Онъ привезъ ко мнѣ отданный приказъ, въ которомъ я съ радостію увидѣлъ, что подчеркнутыя мною слова были изъ него исключены. Тогда переписалъ я письмо свое отъ

общаго уже имени, подписался ниже, дабы оставить имъ мѣсто, и просилъ Балашова отдать его, когда они оба подпишутъ, Графу Аракчееву, съ тѣмъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе вручилъ оное Государю. Письмо сіе состояло въ слѣдующихъ словахъ:

„ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

»Вашему Императорскому Величеству »угодно было изъявить волю Свою, чтобъ мы »трое, нижеподписавшіеся, имѣли между собою »сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ »быть къ пользѣ Государя и Государства.

»Во исполненіе сего Высочайшаго намъ »порученія, входя обстоятельно во всѣ подроб»ности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, »мы по долгу присяги и по чувствамъ горяча»го усердія и любви къ Государю и Отече»ству разсуждаемъ слѣдующее:

»Государь и Отечество есть глава и тѣло: »едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, »ни цѣло, ни благополучно. А по сему сколько »во всякое время, а наипаче военное, нуженъ »Отечеству Царь, столько же Царю нужно Отече»ство. Утверждаясь на сей важной истинѣ почи»таемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ »обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ,

»аки вѣрные подданные, представить мнѣніе на-
»ше на Высочайшее усмотрѣніе.

»Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятель-
»ствахъ: войски Наши раздѣлены; непріятель,
»имѣя во власти своей всѣ Польскія Губерніи,
»приближается быстрыми стопами къ самому
»сердцу Россіи. Хотя и полагаемъ мы надежду,
»что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять;
»но желая сего, и даже надѣясь, было бы край-
»нею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣ-
»риться, и не брать ни какихъ мѣръ на случай
»несчастія, тѣмъ паче, что оное можетъ слу-
»читься весьма скоро, и естьли случится, то
»уже всякія тогда только начинаемыя мѣры
»будутъ поздны.

»Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйстви-
»тельныхъ происшествій, но напротивъ должно
»ихъ представлять худшими, нежели оныя въ
»самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ, и от-
»крывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоу-
»мѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ
»отъ безплоднаго раскаянія. И такъ при всей
»увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ
»нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю про-
»стирать далѣе стремленіе свое, нужно и долж-
»но подумать о томъ, что можетъ и противное
»тому воспослѣдовать. Счастіе у судьбы въ ру-
»кахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что
»непріятель стремится быстро внутрь царства,

»и вдругъ потрясенiемъ онаго какъ бы отдѣлить »войски наши отъ связи со внутренностiю Им»перiи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣренiе! »Сiя быстрота его естественно должна приво»дить въ смятенiе не только тѣ стороны, къ »которымъ онъ приближается, но даже и самыя »столицы. Когда сiе смятенiе нынѣ существуетъ »ужѐ, то конечно при малѣйшихъ его успѣхахъ »несравненно умножится, не столько отъ его дѣй»ствiй, сколько отъ того, что самая внутрен»ность Государства, лишенная присутствiя Госу»даря Своего, и не видя ни какихъ оборони»тельныхъ въ ней приуготовленiй, сочтетъ себя »какъ бы оставленною и впадетъ въ уныние и »разстройство, тогда, когда бы, видя съ собою »Монарха Своего, она имѣла сугубую надежду: »первое на войски, второе на внутреннiя силы, »которыя безъ всякаго сомнѣнiя мгновенно со»ставятся окрестъ Главы Отечества, Царя.

»При обстоятельствахъ, въ какихъ мы на»ходимся, необходимость требуетъ скораго и рѣ»шительнаго разсмотрѣнiя, какъ и что̀ дѣлать »надлежитъ; ибо малѣйшее пропущенiе времени »можетъ приключить невозвратное зло.

»Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованiе, гдѣ наи»болѣе нужно присутствiе Государя, при вой»скахъ ли или внутри Россiи? И такъ присту»пимъ къ разсмотрѣнiю сего.

*

»Первое: Государь Императоръ находясь »при войскахъ не предводительствуетъ ими, но »предоставляетъ начальство надъ оными военно»му Министру, который хотя и называется Глав»нокомандующимъ, но въ присутствіи Его Ве»личества не беретъ на себя въ полной силѣ »быть таковымъ съ полною отвѣтственностію.

»Второе: присутствіе Императора при »войскахъ хотя и служитъ къ нѣкоторому обо»дренію оныхъ; но они защищаютъ вѣру, сво»боду, честь, Государя, Отечество, семейства, »домы свои: довольно для нихъ причинъ къ »ободренію; притомъ же имя Его всегда съ ни»ми.

»Третіе: примѣры Государей, предводи»тельствовавшихъ войсками своими, не служатъ »образцами для царствующаго нынѣ Государя »Императора; ибо не тѣ были побудительныя »причины. Петръ Великій, Фридрихъ вторый, »и нынѣшній нашъ непріятель Наполеонъ, дол»жны были дѣлать то: первый по тому, что за»водилъ регулярныя войска; вторый по тому, »что все Королевство его было, такъ сказать, »обращено въ воинскія силы; третій по тому, »что не рожденіемъ, но случаемъ и счастіемъ »взошелъ на Престолъ. Всѣ сіи причины не су»ществуютъ для Александра перваго.

»Четвертое: храбрость безспорно есть до»стоинство, приносящее славу; но часто она же

»самая служить къ помраченію славы того, кто
»ей излишно повинуется. Храбрость въ про-
»стомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во вся-
»комъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣ-
»лому воинству. Храбрость въ полководцѣ, под-
»вергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опа-
»сности, предосудительна; ибо онъ, для сниска-
»нія личной себѣ похвалы, забываетъ, что по-
»печенію его ввѣрены войски. Храбрость въ Ца-
»рѣ тѣмъ предосудительнѣе, чѣмъ цѣлое Госу-
»дарство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ
»убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то Государство,
»сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, до-
»рого заплатитъ за привязанность его къ лич-
»ной своей славѣ. Представимъ себѣ двухъ Ца-
»рей, изъ которыхъ одинъ внутри Государства
»своего, окруженный вельможами, распоряжаетъ
»обороною предѣловъ своихъ; другой послѣдуетъ
»всюду за своими войсками. Какую бы первый
»изъ нихъ ни велъ несчастную войну, сколько
»бы ни потерялъ провинцій, оставшіяся земли
»его составляютъ еще Царство, и онъ въ нихъ
»Царь посреди народа своего. Побѣдитель, всту-
»пая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ въ
»немъ Царя. Но ежели войски втораго будутъ
»разбиты, тогда что останется ему дѣлать? Уй-
»ти внутрь земли своей; но онъ найдетъ уже ее
»въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ
»нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и

»требовать помощи у народа; но съ какимъ ду»хомъ и скоро ли устрашенный, унылый на»родъ, не видя его посреди себя, будетъ соби»рать сію помощь, и кто приведетъ ее въ дол»жное устройство? Между тѣмъ торжествующій »побѣдитель, продолжая отдѣлять войски отъ »Царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ »самаго Царя захватить въ плѣнъ: тогда безсла»віемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣди»теля, и спрое царство его принуждено будетъ »упасть передъ врагомъ своимъ, и ожидать отъ »воли его горькой своей участи.

»Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: »первое, что нѣтъ Государю славы, ни Госу»дарству пользы, чтобъ Глава Его присоедини»лась къ одной только части войскъ, оставляя »всѣ прочія силы и части Государственнаго »управленія другимъ. Особливо же въ обстоятель»ствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необхо»димо нужно ему избирать пункты пребыванія »своего такимъ образомъ, что бы какъ всѣмъ »частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ Государствен»нымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ »могъ онъ подавать нужныя пособія, и пове»лѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ »оживлять тѣ, которыя въ вящщую дѣятель»ность приводить должно. Второе, что и лич»ная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣ»тается: исторія не похваляетъ никогда по-

»ступки и царствованіе Карла XII, Короля »Шведскаго. Өеофанъ о Петрѣ первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: *вострепетала Россія единаго смертію »вся умрети боящеся.* Ежели прямой долгъ Царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ »имъ народовъ, то едва ли похвально допускать »въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

»Соображая все сіе и находя притомъ, что »нынѣшнее наше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія и скорой рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднесть Его Императорскому Величеству мнѣніе наше, какое »долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ »Нему и къ Отечеству въ насъ влагаетъ.

»Естьли Государю Императору угодно »будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное распоряженіе Главнокомандующаго и Самому отбыть »отъ оныхъ ближе къ Столицамъ для воззванія »къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ »войскъ, которыя бы внутри Государства подъ »назначеннымъ Предводителемъ составили вторыя отпорныя силы, то нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ »восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ Его »народъ воздвигнется весь съ неслыханнымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ »войскъ, хотя бы онѣ и не могли преодолѣть

»врага, не подвергнетъ царства опасности, и не-
»пріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе,
»хотя бы и одерживалъ успѣхи, но истощенный
»и разстроенный страшился бы всегда новыхъ
»силъ въ переди. Единственная надежда Его, при-
»весть скоро къ окончанію войну, была бы со-
»вершенно отнята.

»Мы отбытіе отселѣ Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нуж-
»нымъ, что во первыхъ время не терпитъ, и
»каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій
»перевѣсъ въ дѣлахъ; во вторыхъ, есть ли не-
»пріятель нечаянно настигнетъ, и чего Боже со-
»храни, одержитъ знатную поверхность, тогда
»по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что
»нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ радо-
»сти и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзо-
»ветъ отселѣ Государя должное попеченіе о
»Государствѣ, превосходящее долгъ попеченія о
»части войскъ, ввѣренныхъ военачальнику; но
»тогда отъѣздъ Его покажется принужденнымъ,
»страхъ разсѣется уже по всей Россіи, прибы-
»тіе Его будетъ меньше вожделѣнно, воззваніе
»къ народу меньше дѣйствительно, и способы къ
»приготовленію новыхъ силъ несравненно труд-
»нѣе. Непріятель выиграетъ время, шаги его бу-
»дутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть ус-
»пѣетъ онъ уничтожить всѣ поздо предпріемле-
»мыя противъ него мѣры.

»Всемилостивѣйшій Государь! сіе мнѣніе »наше основано на вѣрности и любви къ свя»щенной Твоей Особѣ. Обрати, Надежда Рос»сіи! обрати вниманіе Своё на него. Молимъ »Тебя со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ »гласъ и моленіе предъ Твоимъ престоломъ »есть гласъ всего Отечества, всѣхъ вѣрныхъ »Твоихъ подданныхъ, и готовы въ томъ под»писаться кровью.

»ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

»Вѣрноподданные.“

(Подлинное письмо подписано Графомъ Аракчеевымъ, Балашовымъ и мною. На Двинѣ близь Дриссы Іюня 30 дня 1812 года).

Между тѣмъ, какъ сіи мои пересылки и переговоры съ Графомъ Аракчеевымъ продолжались, время день за день текло, слухи о приближеніи непріятеля отчасу больше носились, и я въ безпрестанномъ былъ страхѣ, что сжели онъ вдругъ появится и начнется движеніе войскъ и приготовленіе къ бою, то бумага наша опоздаетъ и сдѣлается безполезною. Въ семъ страхѣ, не упуская времени просилъ я снова А. Д. Балашова побывать въ главной квартирѣ и спросить у Графа Аракчеева, отдалъ ли онъ письмо. Я ожидалъ возвращенія его съ нетерпѣніемъ, но онъ не принесъ

мнѣ радостной вѣсти: Графъ сказалъ ему, что въ этотъ день пріѣзжалъ къ Государю Его Высочество Великій Князь Константинъ Павловичъ, что онъ долго у него пробылъ, и что Государь послѣ того былъ очень скученъ и растревоженъ: по сей причинѣ Графъ счелъ время сіе неудобнымъ, а хотѣлъ ночью, когда Государь пойдетъ почивать, положить бумагу сію на письменный его столикъ, дабы проснувшись поутру прочиталъ онъ ее съ свѣжими мыслями. На другой день просилъ я опять Балашова идти навѣдаться. Онъ принесъ мнѣ отвѣтъ, что письмо было положено, и что Графъ сегодня видѣлъ Государя, но что Онъ сказалъ ему только: „Я читалъ вашу бумагу", и больше ничего съ нимъ не говорилъ. Балашовъ тожъ ходилъ съ бумагами къ Государю, но Онъ также ничего ему не сказалъ. Я, чувствуя ужé себя гораздо лучше, одѣлся, взялъ съ собою для доклада нѣкоторыя бумаги и пошелъ къ Его Величеству съ тѣмъ намѣреніемъ, что, какъ слогъ и рука моя Ему извѣстны, то не войдетъ ли Онъ со мною хотя въ нѣкоторый о томъ разговоръ. Доложили обо мнѣ, онъ приказалъ меня позвать, принялъ ласково, разговаривалъ со мною милостиво, спрашивалъ о моей болѣзни, совѣтовалъ беречься, но о письмѣ не сказалъ ни слова. Изъ сего увидѣлъ я только, что Онъ на меня не гнѣвенъ,

но далѣе ничего проникнуть не могъ. На другой день, горя нетерпѣніемъ узнать что нибудь, пошелъ я въ главную квартиру и услышалъ, что Государь поѣхалъ верхомъ къ Барклаю, которой находился отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Тутъ подошелъ ко мнѣ Оберъ-Гофъ-Маршалъ Графъ Толстой, отвелъ меня въ сторону и тихонько шепнулъ мнѣ на ухо: „знаешь ли что? къ ночи велѣно приготовить коляски, ѣхать въ Москву." Едва могъ я словамъ его повѣрить. Радость моя была неописанна. Теплѣйшая молитва пролилась изъ устъ моихъ къ подателю всѣхъ благъ Творцу Небесному. Государь вскорѣ возвращается, и къ ночи получаю я повелѣніе написать двѣ бумаги: воззваніе къ Москвѣ и Манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Я бѣгу безъ ума отъ восхищенія, беру перо, излагаю обѣ сіи бумаги и не самъ отношу, но препровождаю ихъ (какъ мнѣ приказано было) къ Государю. Онъ подписываетъ ихъ и отправляетъ съ Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Трубецкимъ въ Москву, послѣдуя въ тужe ночь и Самъ за нимъ. Бумаги сіи были слѣдующаго содержанія:

Первопрестольной Столицѣ Нашей Москвѣ.

»Непріятель вошелъ съ великими силами »въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять лю-

»безное Наше Отечество. Хотя пылающее му-»жествомъ ополченное Россійское воинство го-»тово встрѣтить и низложить дерзость его и зло-»мысліе; однакожъ, по Отеческому сердоболію »и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ На-»шихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить »безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ »опасности: да не возникнетъ изъ неосторожно-»сти Нашей преимущество врагу. Того ради »имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, »собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе об-»ращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ »Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою »прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала »всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на вра-»говъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ »окрестностей текли къ ней, наподобіе крови »къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. »Никогда не настояло въ томъ вящшей надоб-»ности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, Престола, »царства, того требуютъ. И такъ да распростра-»нится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства На-»шего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той »праведной брани, какую благословляетъ Богъ »и православная наша церковь; да составитъ и »нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, »и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во »всей обширной Россіи! Мы неумедлимъ Сами »стать посреди народа своего въ сей Столицѣ

»и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, »для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными, »на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ »онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя »Россіи.

(На подлинномъ подписано: АЛЕКСАНДРЪ.
Іюля 6 дня 1812. Въ главной квартирѣ близъ Полоцка.)

Высочайшій Манифестъ.

»Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши »и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть »спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу Ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ »онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду »ему войски Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется не »истребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. »Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что »собранныя имъ разнодержавныя силы велики, »и что отважность его требуетъ неусыпнаго

»противъ нее бодрствованія. Сего ради при всей »твердой надеждѣ на храброе Наше воинство »полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать »внутри Государства новыя силы, которыя, на»нося новый ужасъ врагу, составляли бы вто»рую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ за»щиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

»Мы уже воззвали къ первопрестольному »Граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко »всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ со»словіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, »приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ »и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу »всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да »найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ »Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и »силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и »обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ Дво»рянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Па»лицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Бла»городное дворянское Сословіе! Ты во всѣ време»на было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Си»нодъ и духовенство! вы всегда теплыми молит»вами своими призывали благодать на главу Рос»сіи; народъ Руской! Храброе потомство храб»рыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зу»бы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; »соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ

»оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣче-»скія васъ не одолѣютъ.

»Для первоначальнаго составленія предназна-»чаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ Губер-»ніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими »для защиты Отечества людей, избирая изъ сре-»ды самихъ себя Начальника надъ оными, и давая »о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ бу-»детъ Главный надъ всѣми Предводитель.«

(На подлинномъ подписано: АЛЕКСАНДРЪ.
Въ главной квартирѣ близъ Полоцка, 1812 года Іюля 6-го дня.)

Государь не останавливался нигдѣ, кромѣ Смоленска, и то на нѣсколько часовъ. Я вмѣстѣ съ Княземъ Волконскимъ поѣхалъ за Нимъ. Сначала проѣзжали мы многія деревни совершенно пустыя, въ которыхъ не только людей, даже никакихъ животныхъ не видали; это погрузило меня въ мрачныя мысли и уныніе — потомъ стало становиться нѣсколько живѣе. Духъ мой сталъ ободряться. Напослѣдокъ по пріѣздѣ въ Смоленскъ, гдѣ мы нашли еще Государя, предстало очамъ нашимъ великое множество народа, и разныхъ чиновъ отставныхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе приходили ко мнѣ и говорили, что они всѣхъ крестьянъ своихъ вооружатъ, и сами пойдутъ съ ними на встрѣчу непріятелю. Тутъ, смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, воскресла во мнѣ изчезав-

шая надежда, и я въ восторгѣ души моей самъ себѣ сказалъ: нѣтъ! Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ.

Остальной путь нашъ до Москвы не представлялъ ужè ни пустоты деревень, ни бѣгства людей изъ жилищъ своихъ, но вездѣ сборищами и бодростію народа веселилъ меня и подкрѣплялъ мою надежду. Появленіе Государя въ Москвѣ произвело всеобщее воспламененіе чувствъ и сердецъ, разлившееся отъ ней по окрестностямъ ея и по всему пространству Россіи. Достопамятенъ и не будетъ никогда забвенъ благородный восторгъ и ревность, исторженная присутствіемъ Государя Императора, произнесшаго по прочтеніи воззванія краткую рѣчь въ многочисленномъ дворянскомъ собраніи: при первомъ изреченіи словъ Его о сборѣ людей и нужныхъ пособій для повсемѣстнаго ополченія противъ сильнаго врага, всѣ до единаго возопіяли: десятаго даемъ со всѣми потребными припасами, и есть ли дойдетъ до надобности, станемъ всѣ поголовно! таковъ былъ духъ усердія Московскаго, или лучше сказать Россійскаго дворянства, о которомъ по справедливости сказано: *вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа!* *)

---

*) См. Манифестъ 30 Августа 1814 года.

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ поручено мнѣ было написать слѣдующія бумаги: 1-я, Манифестъ о порядкѣ ополченія. 2-я, Главноначальствующему въ Москвѣ Генералу Графу Растопчину. 3-я Рескриптъ Московскому Митрополиту Платону. *) 4-я, Генералъ-Маіору Глухову. (См. въ собран. Манифест. стр. 17, 19, 20 и 21).

Въ исходѣ Іюля Государь отправился въ Петербургъ, и я за Нимъ. Онъ два дни пробылъ въ Твери, по причинѣ присутствія тутъ Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны. Изъ Твери поѣхалъ я также за Нимъ, но дорогою отсталъ отъ Него, и пріѣхалъ цѣлыми сутками позже въ Петербургъ. На пути видѣлъ я удивившее меня явленіе: день былъ ясенъ; на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ похоже было на дракона, какъ бы на бумагѣ нарисовано. Увидя ихъ я удивился такому ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Онѣ сближались одно съ другимъ,

*) Знаменитый сей Первосвященникъ прислалъ при письмѣ своемъ Государю образъ Преподобнаго Сергія. Онъ въ сіе время лежалъ уже на смертномъ одрѣ, и вскорѣ потомъ жизнь его прекратилась.

и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться, и облако потеряло прежній свой видъ. Казалось ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде, какъ минутъ черезъ пять и самъ разрушился. Сидя одинъ въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ, и кто драконъ? напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что *ракъ* означалъ *Россію*, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы *Р*, и эта мысль утѣшала меня во всю дорогу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ нашлось, что по силѣ Манифеста земское ополченіе для подкрѣпленія силъ Графа Витгенштейна было уже готово, и скоро отправилось въ походъ *). Приготовленіе онаго поручено было Графу Михаилу Илларіоновичу Голенищеву-Кутузову. Государь, будучи симъ доволенъ, приказалъ мнѣ написать двѣ бумаги; одну, чтобъ онъ сотрудникамъ своимъ объявилъ Монаршее благоволеніе, а другую Указъ Сенату о возведеніи его Графа Кутузова съ потомствомъ въ Княжеское Всероссійской Имперіи достоинство съ присвоеніемъ къ оному титула Свѣтлости. **) Когда бумаги сіи

---

*) Извѣстно съ какою храбростію ополченіе сіе сражалось подъ Полоцкомъ. Оно едва оторванное отъ сохи, и небывалое никогда въ походахъ и сраженіяхъ, столькоже страшно было непріятелю, какъ и благоустроенное воинство.

**) См. въ собран. Манифест. стран. 22 и 24.

были подписаны, то съ великою радостію повезъ я ихъ къ новопроизведенному Князю, и нашелъ его засѣдающаго въ Гражданской Палатѣ съ Гражданскими чиновниками, и съ такоюже ревностію пекущагося объ устроеніи ополченія, съ какою доселѣ на поляхъ брани повелѣвалъ и распоряжалъ ввѣренными ему войсками.

По полученіи отъ Барклая-де-Толли донесенія о соединеніи его со второю арміею (подъ предводительствомъ Князя Багратіона), посланъ былъ къ нему Рескриптъ, повелѣвающій ему дѣйствовать наступательно противъ непріятеля; *) но вскорѣ послѣ того получено извѣстіе, что Смоленскъ взятъ и войска наши отступаютъ къ Москвѣ. Извѣстіе сіе всѣхъ потревожило, такъ что стали помышлять о порученіи войскъ новому военачальнику. Никого не было въ виду опытнѣе и знаменитѣе Князя Кутузова. Государь предоставилъ избраніе полководца особо собранному на тотъ разъ совѣту. Совѣтъ ни мало не колеблясь общимъ гласомъ избралъ Кутузова, и Государь утвердилъ сіе избраніе. Кутузовъ, сопровождаемый народными о немъ мольбами, отправился принять главное надъ войсками начальство.

---

*) См. въ собран. Манифест. стран. 28.

Вскорѣ за симъ послѣдовала знаменитая Бородинская битва, упорная, кровопролитная. Въ ней многіе Генералы и Офицеры убиты, или смертельно раненые скоро потомъ лишились жизни. Изъ числа оныхъ былъ ученикъ Суворова Князь Багратіонъ *), Генералъ Тучковъ, молодой человѣкъ Кутайсовъ, подававшій о себѣ великую надежду, и многіе другіе съ честію и славою падшіе за Отечество. Французы отступили оставя насъ на мѣстѣ сраженія. У нихъ еще болѣе убито и ранено военачальниковъ, такъ что они сраженіе сіе прозвали *битвою Генераловъ*. Сколь ни знаменита была сія побѣда, за которую Князь Кутузовъ произведенъ въ Фельдмаршалы **); однакожъ она не могла совершенно ослабить многочисленную, почти изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ составленную Французскую армію. Наполеонъ собралъ, устроилъ ее снова, и продолжалъ стремленіе свое къ Москвѣ. Князь Кутузовъ расчелъ, что естьли дать ему вторичную подъ стѣнами Москвы битву, и буде битва сія при всей возможной храбрости, не сломитъ и не разрушитъ (чего и надѣяться было не возможно) всѣхъ силъ непріятельскихъ,

---

*) Онъ предводительствовалъ второю арміею, Державинъ изъ имени его *Багратіонъ* сдѣлалъ слова: *Богъ рати онъ*.

**) См. въ собран. Маниф. Рескриптъ къ нему Государя Императора. стран. 33.

то Москва равно не уцѣлѣетъ, какъ бы и уступленная ему безъ брани; но разность будетъ та, что онъ по вторичномъ сраженіи, естьли удастся ему превозмочь и разсѣять наши войска, войдетъ въ нее безъ опасенія отъ нихъ; напротивъ того, хотя и овладѣетъ онъ Москвою, но зная, что войски наши еще цѣлы и могутъ въ скорости быть пріумножены, не будетъ пребывать въ ней спокойно. Основавшись на сихъ размышленіяхъ Князь Кутузовъ рѣшился съ болѣзненнымъ сердцемъ для спасенія Россіи оставить первопрестольный градъ сей на жертву врагамъ. Онъ написалъ къ Государю: „Смоленскъ открылъ путь въ Москву; по взятіи его столица сія не могла быть спасена; но она не есть еще цѣлое царство.“ Предпринявъ сіе отступленіе, онъ прошелъ чрезъ вострепетавшую отъ ужаса Москву, и направилъ путь свой въ одну, а потомъ ночью тайно въ другую сторону къ селенію называемому Тарутино, такъ что Наполеонъ долго не зналъ, куда Россійское войско дѣвалось. *) Князь Кутузовъ избралъ сіе положеніе первое по тому, чтобъ собрать разсѣявшихся людей, дать отдохнуть войскамъ и умножить ихъ ожидаемыми съ Дону козаками; второе по тому, чтобъ заслонить богатѣйшія Губерніи отъ

---

*) Нѣкто сдѣлавъ на имя *Тарутинъ* Каламбуръ, сказалъ Кутузову: *Ta routine a derouté Napoleon.*

непріятеля, приготовясь отразить его, буде бы онъ путь свой предпринялъ въ сію сторону, и преслѣдовать его, естьли онъ пойдетъ обратно прежнимъ путемъ.

Наполеонъ, сопровождаемый знаменитѣйшими изъ своихъ приближенныхъ, въѣхалъ въ Москву на богато убранномъ конѣ. Онъ думалъ встрѣченъ быть первенствующими чинами, подносящими ему съ покорностію ключи Столицы. Надменный сими мыслями проѣзжаетъ улицу, другую, третію, достигаетъ Златоглаваго Кремля; вездѣ пусто. Въ обширномъ градѣ семъ, какъ бы въ нѣкоемъ гробѣ, одна глубокая тишина царствуетъ; однѣ открытыя окна и двери у домовъ, какъ бы нѣкія отверстыя гортани окаменѣлыхъ чудовищъ на него зіяютъ. Радость и торжество гордаго побѣдителя превращается въ мрачную задумчивость. Онъ увидѣлъ, что Россіянамъ Отечество свое драгоцѣннѣе, чѣмъ великолѣпныя жилища ихъ и сокровища. Онъ увидѣлъ, что Москва еще не Россія. Зловѣщее предчувствіе сказало ему, что легче было въ нее войти, нежели выдти изъ ней. Полчища его, забывшія Бога и вѣру, предаются всякаго рода неистовствамъ и мерзостямъ; терзаютъ единственныхъ, оставшихся въ жертву имъ, больныхъ и убогихъ; томимыя гладомъ питаются подобными себѣ хищными вранами, свирѣпствуютъ, грабятъ, жгутъ, оскверняютъ Боже-

ственные Храмы......Но накинемъ покрывало на сіи уничижающія человѣчество злодѣянія, и возвратимся къ тому, что происходило въ Петербургѣ.

Сраженія Графа Витгенштейна и побѣды его надъ Французскими полководцами, направлявшими движенія свои къ городамъ Пскову и Ригѣ, успокоивали съ сей стороны опасеніе народное. Псковское купечество поднесло ему образъ Гавріила Чудотворца съ надписью: *Защитнику Пскова.* Онъ писалъ къ Государю, прося позволенія о принятіи сего образа. Государь позволилъ, и приказалъ мнѣ заготовить къ нему рескриптъ. Вспомня, что въ одной изъ Псковскихъ церквей хранится Святаго Благовѣрнаго Князя Гавріила мечъ съ надписью: *чести моей ни кому не отдамъ*, я спросилъ у Государя, не прикажетъ ли Онъ сію надпись помѣстить въ рескриптѣ? Государь согласился. Графъ крайнѣ былъ тѣмъ доволенъ, и послѣ испросилъ позволеніе внести ее въ свой гербъ. *)

Между тѣмъ пришла вѣсть о взятіи Москвы. Сперва тихіе шопоты смутно о семъ распространились, а потомъ Государь призвавъ меня къ себѣ объявилъ мнѣ это, и приказалъ написать бумагу во всенародное о томъ извѣстіе. Услышавъ сіе пошелъ я домой съ сокру-

*) См. въ собран. Манифест. страп. 35.

шеннымъ сердцемъ. Пораженный глубокою горестію, я со слезами бралъ въ руки перо; но вдругъ чувства мои воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія и отчаянія, гордость и надежду. Я сѣлъ и написалъ слѣдующую бумагу:

Во всенародное извѣстіе, по Высочайшему повелѣнію.

»Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 3 числа *) вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего »великій народъ Россійскій. Напротивъ да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ »духомъ мужества, твердости и несомнѣнной на»дежды, что всякое наносимое намъ врагами зло »и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. »Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ »преодолѣлъ силы наши или ослабилъ ихъ. »Главнокомандующій по совѣту съ присутствую»щими Генералами нашелъ за полезное и нуж»ное уступить на время необходимости, дабы съ »надежнѣйшими и лучшими потомъ способами »превратить кратковременное торжество непрія»теля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни »болѣзненно всякому Рускому слышать, что

*) Онъ вошелъ Сентября 2, но въѣздъ Бонапарте былъ Сентября 3.

»первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ »себѣ враговъ Отечества своего, но она вмѣщаетъ »ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ со»кровищъ и жителей. Гордый завоеватель на»дѣялся вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ »всего Россійскаго царства и предписать ему »такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ »обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ »столицѣ сей не только способовъ господство»вать, ниже способовъ существовать. . . *) Со»бранныя и отчасу больше скопляющіяся силы »наши окрестъ Москвы не престанутъ прегraж»дать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него »для продовольствія отряды ежедневно истре»блять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его »на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была »тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ »отворять себѣ путь изъ нея силою оружія **).

*) Здѣсь нѣсколько словъ выпущено, о чемъ мы ниже сего скажемъ.

**) Сколь ни казались тогда многимъ слова́ сіи гадательными мечтаніями, но послѣдовавшія событія совершенно ихъ оправдали. Дѣйствительно взятіе Москвы, сожженіе оной, и всѣ Наполеоновы замыслы не только не привели окрестныхъ жителей ея въ уныніе и страхъ, но напротивъ возбудили въ нихъ необычайное мужество и мщеніе, такъ что они, присоединяясь къ военнымъ наѣздникамъ нашимъ, а часто и сами собою, всѣ посылаемые изъ Москвы для доставанія съѣстныхъ припасовъ непріятельскіе отряды ежедневно истребляли. Сіе было причиною, что Наполеонъ въ продолженіе безуспѣшнаго пребыванія своего въ опустошен-

»Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ »землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, »*) изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ »разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты »своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и »робости. Половина сей разнонародной арміи его »истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною »смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безсомнѣнія смѣлое или лучше сказать »дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, »и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему по»водъ тщеславиться и величаться; но конецъ »вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, »гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужа»сомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски »и народъ. Россія не привыкла покорствовать, »не потерпитъ порабощенія, не предастъ зако»новъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она »съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ »защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усер-

---

ной имъ столицѣ, видя силы свои часъ отъ часу умешающимися, наконецъ принужденъ былъ выдти изъ ней и пробиваться сквозь окружающія его войски наши.

*) Извѣстно, что сіе число въ послѣдствіи времени оказалось гораздо превосходнѣйшимъ, а именно почти вдвое.

»діе и ревность въ охотномъ и добровольномъ »противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество »наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ »своихъ сыновъ. И такъ да не унываетъ ни кто, »и въ такое ли время унывать можно, когда »всѣ состоянія государственныя дышутъ мужествомъ и твердостію? когда непріятель съ ос»таткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ »своихъ, удаленный отъ земли своей, находит»ся посреди многочисленнаго народа, окруженъ »арміями нашими, изъ которыхъ одна стои́тъ »противъ него, а другія три стараются пресѣ»кать ему возвратный путь и не допускать къ »нему ни какихъ новыхъ силъ? когда Гишпанія »не только свергла съ себя иго его, но и угро»жаетъ ему впаденіемъ въ его зе́мли? когда »большая часть изнуренной и расхищенной отъ »него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ »и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ кото»рую бы могла вырваться изъ подъ власти его »тяжкой и нестерпимой? когда собственная зем»ля его не видитъ конца проливаемой ею для »славолюбія его своей крови? — при толь бѣд»ственномъ состояніи всего рода человѣческаго »не прославится ли тотъ народъ, который, пере»неся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, на»конецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ »достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ

»самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, »но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и »даже тѣмъ самымъ, которые невольно вмѣстѣ »съ нимъ противъ насъ воюютъ? — пріятно и »свойственно доброму народу врагамъ своимъ за »зло воздавать добромъ. *) — Боже Всемогущій! »Обрати Милосердыя очи Твои на молящуюся »Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую цер»ковь. Даруй побораюощему по правдѣ вѣрному »народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими »да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, »да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ сво»боду и независимость царей и царствъ.« **) Сентября 8 дня 1812 года).

Я прочиталъ сію написанную мною бумагу нѣсколько разъ, и сомнѣвался въ утвержденіи оной; однакожъ, не перемѣня въ ней ни слова, понесъ къ Государю. Онъ выслушалъ ее, и приказалъ прочитать въ Комитетѣ Господъ Министровъ, давъ повелѣніе засѣдать мнѣ въ ономъ. Въ Комитетѣ выслушали меня безъ всякаго противурѣчія, выключая, что нѣкоторые Члены сказанное о Наполеоновомъ въ Моск-

*) Какъ ни отдаленными отъ сущности состоянія нашего казались тогда сіи предвѣщанія, но (благодареніе Всевышнему Творцу!) всѣ оныя въ точности сбылися.

**) Богъ услышалъ сію молитву православнаго Россійскаго Царя и всѣхъ его вѣрноподданныхъ.

вѣ пребываніи выраженіе: *онъ затворился въ гробъ, изъ котораго не выйдетъ живъ*, находили слишкомъ смѣлымъ и гадательнымъ. Я донесъ Государю о семъ ихъ замѣчаніи. Онъ отдалъ мнѣ на волю выпустить или не выпустить сіи слова. Я, находя и самъ ихъ таковыми, а болѣе, чтобъ не показать себя упрямымъ, исключилъ ихъ *).

Извѣстіе о взятіи Москвы подало поводъ къ разнымъ толкамъ, обвинявшимъ Фельдмаршала Князя Кутузова. Примѣтя, что и самъ Государь поставляетъ ему въ вину для чего не далъ онъ вторичнаго подъ Москвою сраженія, я осмѣлился спросить у Него не думаетъ ли Онъ смѣнить Кутузова? и очень обрадовался отвѣту Его: „нѣтъ, я отнюдь сего не думаю."

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ изъ Москвы нѣкто тамошній житель. Онъ вырвался изъ ней послѣ начавшихся тамъ пожаровъ, и былъ очевидцемъ многихъ происходившихъ внутри ея непріятельскихъ или лучше сказать злодѣйскихъ дѣйствій. Военный Губернаторъ Вязмитиновъ, чтобы преждевременно не разнеслись о томъ слухи, задержалъ его въ своемъ домѣ. Государь, по докладѣ о немъ, призвавъ меня, приказалъ мнѣ распросить у него о видѣнныхъ имъ происше-

*) См. сказанное выше сего на стран. 41 примѣчаніе.

ствіяхъ. Я услышалъ отъ него ужасы, поразившіе меня до глубины души. Пересказалъ ихъ Государю. Онъ велѣлъ мнѣ написать о томъ бумагу подъ названіемъ *извѣстіе изъ Москвы.* Я пошелъ отъ него съ мрачными мыслями, и написалъ слѣдующее:

ИЗВѢСТІЕ

Изъ Москвы отъ 17 *Октября.* *)

»Не долго былъ здѣсь непріятель: одинъ »мѣсяцъ и восемь дней; но оставилъ по себѣ »слѣды звѣрства и лютости, которые въ бытописаніяхъ народовъ покроютъ соотечественниковъ и потомковъ его вѣчнымъ стыдомъ и безчестіемъ. Смотря на богомерскія дѣла его въ

---

*) Бумага сія написана была ранѣе, а именно около половины Сентября, но Государь оставилъ ее у себя и не отдалъ мнѣ назадъ. Видя, что Онъ молчитъ о ней, я подумалъ что по какимъ нибудь обстоятельствамъ ему не угодно, чтобъ оная издана была въ свѣтъ. По прошествіи цѣлаго мѣсяца, когда уже Французы вышли изъ Москвы, я напомнилъ ему объ ней, сказавъ, что какъ она теперь уже болѣе ненадобно, то не прикажетъ ли Онъ ее изодрать?— „Нѣтъ, отвѣчалъ Онъ, я забылъ объ ней; возми и вели ее напечатать.“—Но теперь обстоятельства уже перемѣнились, сказалъ я, такъ не будетъ ли поздо?—„Нужды нѣтъ, отвѣчалъ Онъ, приправи только къ этому времени, и напечатай.“—Я перемѣнилъ начало, поставя вмѣсто пребыванія въ Москвѣ Наполеона, выходъ его изъ оной, и такъ издалъ, какъ она прежде была написана.

»Москвѣ, и слыша получаемыя отъ всѣхъ мѣстъ, »которыми онъ проходилъ, печальныя извѣстія, »водворяется въ сердцѣ каждаго нѣкоторый до»селѣ неизвѣстный степень гнусности и омер»зенія къ злодѣяніямъ человѣческимъ. Доброде»тельная душа содрогается и отвращаетъ взоры »свои отъ сего срамнаго позорища; она желаетъ »изгладить оное изъ памяти, дабы не осквер»нять имъ чистоты своихъ мыслей. Обозрѣвая »въ совокупности всѣ сіи ужасы, мы не можемъ »сказать, что *ведемъ войну съ непріятелемъ.* »Таковое выраженіе было бы весьма обыкновен»ное, далеко недостаточное къ изъявленію тѣхъ »неистовыхъ дѣлъ, которыя совершаются. Вся»кая война подвергаетъ неисчетнымъ бѣдствіямъ »родъ человѣческій; но покрайней мѣрѣ между »просвѣщенными народами зло сіе ограничива»лось нѣкоторыми правилами достоинства и »человѣколюбія. Гордость одной державы состя»залась съ гордостію другой; но и въ самой »пылкой брани съ обѣихъ сторонъ столькоже »пеклись о побѣдѣ и о славѣ оружія, сколько о »соблюденіи чести и добраго имени народа сво»его. Мечь покорялъ силу, честь побуждала ща»дить человѣчество и защищать слабость. За »крайній стыдъ и преступленіе почиталось вои»ну быть грабителемъ и разбойникомъ. Завоева»тель бралъ обороняющійся городъ, но вступя »въ него, охранялъ собственность и безопасность

»каждаго. Мирный поселянинъ лишался иногда »части своихъ припасовъ; но поля его, домъ, жена, дѣти, оставались цѣлы и здоровы. Въ вой»нахъ со Шведами Петръ Великій при взятіи »Нарвы обагрилъ мечь свой кровію своихъ под»данныхъ, дерзнувшихъ обезчеститься грабитель»ствомъ. При Екатеринѣ Второй нѣкоторому »изъ частныхъ начальниковъ нашихъ сдѣланъ »былъ строжайшій выговоръ за сожженіе одной »Шведской деревни. Равнымъ образомъ и Шве»ды, захватя иногда пожитки частнаго человѣка »присылали ихъ обратно къ намъ. Въ послѣд»нюю войну съ Англіею непріятели всегда пла»тили деньги за взятыя ими у частныхъ людей »вещи, и въ бытность свою у Наргина, увидя »на семъ острову пожаръ, послали тотчасъ съ »кораблей своихъ людей для потушенія онаго. »Таковъ есть образъ войны между Державами, »наблюдающими честь имени своего. Даже и ме»жду дикими народами, похожими больше на звѣ»рей нежели на человѣка, примѣчается только »жадность къ грабежу, а не жадность къ разру»шенію всего. Они нападаютъ на сосѣдей сво»ихъ, убиваютъ ихъ и грабятъ, но не истребля»ютъ того, чего взять съ собою не могутъ. Мы »въ просвѣщенныя нынѣшнія времена, отъ на»рода, славившагося нѣкогда пріятностію обще»житія, и который всегда пользовался въ землѣ »нашей гостепріимствомъ и дружбою, видимъ

»примѣры лютости и злобы, какихъ въ бытопи-
»саніяхъ самыхъ грубѣйшихъ Африканскихъ и Аме-
»риканскихъ обитателей тщетно будемъ искать:
»Одна Москва можетъ представить намъ плачев-
»ный образъ неслыханныхъ злодѣяній. Непрія-
»тель вошелъ въ нее безъ всякаго отъ войскъ
»нашихъ сопротивленія, безъ обороны отъ жи-
»телей, которые почти всѣ заблаговременно вы-
»ѣхали. Никакая текущая кровь его не подавала
»ему повода къ ярости и мщенію. Казалось бы
»при таковыхъ обстоятельствахъ одна честь име-
»ни народа своего долженствовала обязать его
»сохранить древнюю вѣками украшенную Сто-
»лицу; ибо никто, кромѣ поврежденнаго умомъ,
»не пожелаетъ искать славы Герострата. Но
»чтожъ оказалось? едва онъ успѣлъ войти въ
»нее, какъ неистовые солдаты его, Офицеры, и
»даже Генералы, пошли по домамъ грабить, и
»всѣ вещи, которыхъ не могли забрать къ себѣ,
»зеркала, хрусталь, фарфоръ, картины, подобно
»бѣшенымъ, старались разбить, разломать, раз-
»рубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Вино
»въ бочкахъ, которыхъ ни выпить, ни взять съ
»собою не могли, разливали по улицамъ. Книги
»рвали, раздирали и бросали. Сего не довольно:
»несчастная Москва, жертва лютости, вдругъ во
»многихъ мѣстахъ воспылала, многія великолѣп-
»ныя зданія превратились въ пепелъ, и тѣ са-
»мые домы, гдѣ недавно предъ симъ соотчичи

»ихъ, не взирая на военное время, мирно тор-»говали. И сего еще мало: стѣны разграблен-»ныхъ и уцѣлѣвшихъ отъ огня домовъ пушеч-»ными выстрѣлами усильно проламывать труди-»лись. Но и симъ звѣрство ихъ еще не насы-»тилось. Къ расхищенію и разрушенію присово-»купляли безчеловѣчіе и лютость: набравъ груду »вещей, возлагали бремя сіе на пойманнаго на »улицѣ стараго или увѣчнаго человѣка, принуж-»дая его нести оное въ ихъ станъ, и когда сей подъ »тяжестію изнемогалъ, то сзади обнаженными па-»лашами убивали его до смерти. Нѣкто изъ пожи-»лыхъ благородныхъ людей, будучи въ параличѣ, »не могъ выѣхать изъ Москвы, и оставался въ соб-»ственномъ своемъ домѣ. Къ нему вбѣжали нѣ-»сколько человѣкъ, и въ глазахъ у него разгра-»били и зажгли домъ его. Онъ съ трудомъ вы-»шелъ на улицу, гдѣ другая шайка тотчасъ на-»пала на него, содрала съ него сертукъ, все »платье, сапоги, чулки, и стала снимать послѣд-»нюю рубашку; несчастный больной въ знакъ »прозьбы прижалъ ее руками къ тѣлу, но по-»луча саблею ударъ по лицу растянулся нагъ и »окровавленъ безъ чувствъ на земли. Во многихъ »мѣстахъ лежали обруганныя, изувѣченныя и »мертвыя женщины. Индѣ могилы разрыты и »гробы растворены для похищенія корыстей съ »усопшихъ тѣлъ. Но и сихъ всѣхъ мерзостей и »неистовствъ еще не довольно: двери у храмовъ

»Божіихъ отбиты, иконы обнажены отъ окла-»довъ, ризы разодраны, иконостасы поломаны и »разбросаны по полу..... Но да закроются бого-»мерзкія дѣла сіи непроницаемою отъ очей на-»шихъ завѣсою! поруганіе Святыни есть самый »верхъ безумія и развращенія человѣческаго. »*Посрамятся дѣла нечестивыхъ*, *и путь ихъ* »*погибнетъ.* Онъ ужѐ и погибаетъ. Исполнилась »мѣра злодѣянія; воспаленные храмы и дымя-»щаяся кровь подвигли на гнѣвъ долготерпѣніе »Божіе. Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ »нашъ ужѐ не силами своими, прежде грозны-»ми, нынѣже истощенными, гладными и умираю-»щими, устрашаетъ, но дѣлами злобы и люто-»сти. Низверженный въ бездну отчаянія, видя »погибель свою, изрыгаетъ весь остатокъ ядо-»витой желчи своей, дабы еще единожды угрызть »и погибнуть съ шумомъ. Ужѐ не покушается »болѣе обманывать народъ нашъ лживыми воз-»вѣщеніями о безопасномъ подъ господствомъ »его пребываніи въ Москвѣ, ужѐ не хочетъ бо-»лѣе скрывать срамоту дѣлъ своихъ безстыдны-»ми увѣреніями, что не онъ, а сами Рускіе »жгутъ себя, грабятъ и терзаютъ; ужѐ всѣ сіи »клеветы и обманы отлагаетъ; но претерпя на »поляхъ брани сильное отъ войскъ нашихъ по-»раженіе, и видя себя изгоняемаго изъ Москвы, »предается всей своей ярости, и въ послѣдній »разъ силится излить оную подорваніемъ Крем-

»ля и храмовъ Божіихъ. Кто послѣ сего усум-
»нится, чтобъ онъ, естьли бы то въ возможно-
»сти его состояло, не подорвалъ всю Россію и
»можетъ быть всю землю, не исключая и са-
»мой Франціи? таковымъ оказалъ себя глава и
»предводитель враговъ нашихъ! но менѣе ли
»оказались свирѣпыми исполнители и слуги его
»и своихъ собственныхъ страстей? могъ ли бы
»онъ духъ ярости и злочестія своего вдохнуть
»въ миліоны сердецъ, естьли бы сердца сіи са-
»ми собою не были развращены и не дышали
»злоправіемъ? Хотя конечно во всякомъ и благо-
»честивомъ народѣ могутъ быть изверги; одна-
»коже когда сихъ извергов, грабителей, зажи-
»гателей, убійцъ невинности, оскорбителей чело-
»вѣчества, поругателей и оскорбителей самой
»Святыни, появится въ цѣломъ воинствѣ почти
»всякъ и каждый; то не возможно, чтобъ въ
»народѣ такой Державы были благіе нравы. Чело-
»ловѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и
»безбожною: она становится таковою мало по
»малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго
»го и долговременно разливающагося яда безвѣ-
»рія и развращенія. Сами Французскіе писатели
»изображали нравъ народа своего сліяніемъ тиг-
»ра съ обезьяною; и когда же не былъ онъ таковъ?
»Гдѣ, въ какой землѣ весь Царскій домъ каз-
»ненъ на плахѣ? Гдѣ въ какой землѣ столько
»поругана была Вѣра и Самъ Богъ? Гдѣ, въ ка-

»кой землѣ самыя гнусныя преступленія позво-
»лялись обычаями и законами? Взглянемъ на
»адскія изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудро-
»ванія, на распутство жизни, на ужасы револю-
»ціи, на кровь пролитую ими въ своей и чу-
»жихъ земляхъ: слыхано ли когда, чтобъ столѣ-
»тніе старцы и не рожденные еще младенцы
»осуждались на казнь и мученіе? Гдѣ человѣче-
»ство? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ
»какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему
»должны разсуждать, можетъ ли прекращена
»быть вражда между безбожіемъ и благоче-
»стіемъ, между порокомъ и добродѣтелію? Дол-
»го мы заблуждались, почитая народъ сей дос-
»тойнымъ нашей пріязни, содружества и даже
»подражанія. Мы любовались и прижимали къ
»груди нашей змѣю, которая терзая собствен-
»ную утробу свою проливала къ намъ ядъ
»свой, и наконецъ насъже за нашу къ ней
»привязанность и любовь беззлобнымъ жаломъ
»своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признать-
»ся въ нашей слабости. Похвальнѣе и спа-
»сительнѣе упасть, и возстать, нежели видѣть
»свою ошибку, и лежать подъ вреднымъ игомъ
»ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны раз-
»вратнаго народа чѣмъ вражда ихъ и оружіе.
»Возблагодаримъ Бога! Онъ и во гнѣвѣ Своемъ
»намъ Отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ. Про-
»видѣніе въ ниспосланіи на насъ бѣдствій яв-

»ляетъ намъ Свою милость. Лишеніе богатствъ »поправится умѣренностію роскоши, вознагра»дится трудолюбіемъ и сторицею со временемъ »умножится; но поврежденіе нравовъ, зараза »невѣрія и злочестія погубили бы насъ невоз»вратно. Очевидный, исполненный мерзостей, по»жарами Москвы осіянный, кровію и ранами »нашими запечатлѣнный примѣръ напослѣдокъ »долженъ намъ открыть глаза, и увѣрить насъ, »что мы одно изъ двухъ непремѣнно избрать »долженствуемъ: или продолжая питать склон»ность нашу къ злочестивому народу, быть зло»честивыми его рабами; или прервать съ нимъ »всѣ нравственныя связи, возвратиться къ чи»стотѣ и непорочности нашихъ нравовъ, и быть »именемъ и душею храбрыми и православными »Россіянами. Должно единождды рѣшиться между »зломъ и добромъ поставить стѣну, дабы зло не »прикоснулось къ намъ: тогда искусясь кровію »и бѣдами своими возстанемъ мы, купимъ не»ложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе по»томкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ »съ нами.«

Между тѣмъ, въ продолженіе сего времени, Наполеонъ, какъ будто заключенный въ темницу, сидѣлъ въ Москвѣ мраченъ и бездѣйственъ, лишаясь ежедневно изъ войскъ своихъ по нѣскольку сотъ человѣкъ, бродившихъ по ся окрестностямъ для доставанія себѣ продовольствія,

и вездѣ отъ наѣздниковъ и поселянъ нашихъ, вмѣсто пищи и добычей, находившихъ смерть и плѣнъ. Гордость и надменныя мысли о завоеніи Россіи стали въ умѣ Корсиканца исчезать. Онъ, сказываютъ, засылалъ съ переговорами о мирныхъ предложеніяхъ къ Фельдмаршалу, который, питая въ немъ сію надежду, увѣрилъ его, что онъ немедленно увѣдомитъ о семъ Дворъ свой, и безсомнѣнія въ скорости получитъ согласный на то отзывъ. Кутузову нужно было удерживать его въ столицѣ, дабы отчасу болѣе ослабѣвалъ онъ въ силахъ своихъ. Напослѣдокъ Наполеонъ видя, что надежда его на миръ была тщетная, покушался, не можетъ ли, пробившись сквозь войски Кутузова, открыть себѣ путь въ изобильнѣйшія области Россійскія, но въ сильныхъ сопротивленіяхъ претерпя важные уроны, и не усматривая никакой возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, спѣшитъ выдти изъ ней, насыщаетъ адскую злобу свою подорваніемъ Кремля, и возвращается чрезъ Смоленскъ *) и Виль-

---

*) Онъ такойже подрывъ сдѣлалъ и въ Смоленскѣ. Злая душа любитъ свирѣпствовать и разрушать. По возвращеніи своемъ въ Парижъ не столько безпокоился онъ о погибели всѣхъ войскъ своихъ, сколько утѣшался мыслями, хвастуя, что разоренная имъ Москва и во сто лѣтъ не поправится; но она чрезъ пять или шесть лѣтъ изгладила слѣды разрушенія, возобновилась и стала краше прежняго. О Фельдмаршалѣ Кутузовѣ напротивъ много сказываютъ, что какъ ни больно было ему оставить древнюю столицу

ну, по той дорогѣ, которую онъ, идучи въ Москву, ко вреду жителямъ и самому себѣ разорялъ и опустошалъ. Тамъ на пути сопровождаемаго мечемъ и огнемъ встрѣчаютъ его гладъ и мразы, истребившіе всѣ его силы и доставившіе въ руки побѣдителей всѣ воинскія его орудія, снаряды и припасы со всѣми награбленными въ Россіи добычами. Наполеонъ при переходѣ черезъ рѣку Березину былъ свидѣтелемъ ужаснаго бѣдствія войскъ своихъ, которыя оставя ускакалъ съ немногими Генералами своими, будучи личнымъ спасеніемъ своимъ обязанъ слѣпому счастію, что могъ избѣгнуть отъ плѣна, или отъ общей всѣхъ сопутниковъ своихъ участи лежать въ Руской сырой землѣ. Я не распространяюсь о подробностяхъ сего бѣгства его изъ Россіи, во многихъ сочиненіяхъ описанныхъ, и обращаюсь къ тому, что собственно со мною происходило.

По выходѣ изъ Москвы непріятеля и преслѣдованіи онаго нашими войсками изданъ слѣдующій манифестъ:

„Божіею милостію, и проч.

»Всему свѣту извѣстно какимъ образомъ »непріятель вступилъ въ предѣлы Нашей Им-

на жертву врагамъ, но помышляя единственно о спасеніи Россіи, когда возвѣстили ему, что Наполеонъ вошелъ въ Москву, то онъ съ нѣкоторымъ восторгомъ вскричалъ: „слава Богу! это его послѣднее торжество.“

»періи. Никакія пріемлемыя Нами мѣры къ »точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время »стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ »кровопролитной и разорительной войны не мо»гли остановить его упорнаго и ничѣмъ непре»клоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ »обѣщаніями не преставалъ онъ помышлять о »брани. Наконецъ приготовя сильное воинство и »пріумножа оное Австрійскими, Прускими, Сак»сонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вест»фальскими, Италіянскими, Гишпанскими, Пор»тугальскими и Польскими полками, угрозами »и страхомъ приневоленными, со всѣми сими »многочисленными силами и множествомъ ору»дій двинулся онъ внутрь земли Нашей. Убій»ства, пожары и опустошенія слѣдовали по сто»памъ его. Разграбленныя имущества, сожженные »города и селы, пылающая Москва, подорван»ный Кремль, поруганные храмы и Олтари Го»сподни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ не»истовства и лютости, открыли наконецъ »то самое въ дѣлахъ что въ глубинѣ мыслей его »долгое время таилось. Могущественное, изобиль»ное и благополучное Царство Россійское раж»дало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. »Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успо»коить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благо»денствовать. Исполненъ сею боязнію и глубо-

»кою независтію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, »устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя »средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея »страшный ударъ, богатству ея всеконечное ра- »зореніе, изобилію ея повсемѣстное опустоше- »ніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями »мнилъ потрясть вѣрность къ престолу, пору- »ганіемъ же святыни и храмовъ Божіихъ, поколе- »бать Вѣру, и правы народные заразить буй- »ствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ осно- »валъ онъ пагубные свои замыслы; и съ ними »на подобіе тлѣтворной и смертоносной бури »понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ »глаза на страждущее Наше Отечество; и съ »унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы »видѣть послѣдній день свободы своей, и неза- »висимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! »не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ »стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми На- »шими войсками и ополченіями, почувствовалъ »онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, »и что ни грозными силами своими, ни хитры- »ми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, муже- »ственныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить, и »отъ погибели своей избавиться не можетъ. По- »слѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя много- »численныя войски свои повсюду побитыя и »сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ »ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ

»стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ »уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщесла»віемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣ»житъ оставляя пушки, бросая обозы, подры»вая снаряды свои, и предавая въ жертву все »то, что за скорыми пятами его послѣдовать »не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно ва»лятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Бо»жій караетъ поругателей святыни Его! Внимая »съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ серд»цемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ »любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, въ на»чалѣ приносимъ Мы теплое и усердное благодаре»ніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ Всемогу»щему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего »отечества изъявляемъ признательность и благо»дарность Нашу всѣмъ Нашимъ вѣрноподдан»нымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Все»общимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены не»пріятельскія силы до крайняго истощенія и »главною частію или истреблены или въ полонъ »взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. »Храбрыя войски Наши вездѣ поражали и низ»лагали врага. Знаменитое дворянство не поща»дило ничего къ умноженію государственныхъ »силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя »всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, »мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты

»вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному »только Рускому народу свойственны. Они, »вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ »самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ »себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бра»нямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука »съ такоюже неустрашимостію расторгала пол»ки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ »тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля̀. Таковы»ми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ »другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новго»родскія дружины, отправленныя въ подкрѣпле»ніе войскъ, ввѣренныхъ Графу Витгенштейну. »Сверхъ того изъ донессеній Главнокомандующа»го и другихъ Генераловъ съ сердечнымъ удо»вольствіемъ видѣли Мы, что во многихъ Губер»ніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, »поселяне сами собою ополчались, избирали изъ »себя предводителей, и не только ни какими »прельщеніями враговъ не были уловлены, но »съ мученическою твердостію претерпѣвали на»носимые ими удары. Часто приставали къ по»сылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ »дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія »скрывали въ лѣса̀ семейства свои и малолѣт»нихъ дѣтей, а сами вооружась и поклявшись »предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ »друга, съ неимовѣрнымъ мужествомъ оборонн»лись и нападали на появляющагося непріятеля,

»такъ что многія тысячи онаго истреблены и »взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками »женщинъ, будучи жизнію своею обязаны чело»вѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили »жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколе»бимая твердость всего народа приносятъ ему »незабвенную славу, достойную сохраниться въ »памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ »его, Мы вмѣстѣ съ Православною Церковію и »Святѣйшимъ Синодомъ и духовенствомъ при»зывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, »что естьли неукротимый врагъ нашъ и пору»гатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ »руки Россіи, то покрайней мѣрѣ по глубо»кимъ ранамъ и текущей крови своей почув»ствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ »почитаемъ за долгъ и обязанность симъ На»шимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить »предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность Нашу, »и отдать должную справедливость храброму, »вѣрному и благочестивому народу Россійскому.« (Ноября 3 дня 1812 года).

Въ остальную бытность Государя Императора въ Петербургѣ по отъѣздъ Его въ Вильну (то есть Декабря по 6 число) написаны мною по повелѣнію Его слѣдующія бумаги: 1-я, Рескриптъ Фельдмаршалу Князю Кутузову о принятіи мѣръ къ отвращенію бродяжничества. 2-я, Приказъ войскамъ о томъже 3-я,

Извѣщеніе по Высочайшему повелѣнію о нѣкоторыхъ пріемлемыхъ въ Петербургѣ мѣрахъ предосторожности. 4-я, Объявленіе отъ Управы Благочинія. 5-я Объявленіе по Высочайшему повелѣнію отъ Министерства Полиціи. 6-я, грамота Фельдмаршалу Князю Кутузову на пожалованіе ему золотой съ лавровыми вѣнками шпаги, украшенной алмазами. 7-я, О заключеніи союза съ Королемъ Гишпанскимъ. 8-я, Рескриптъ Главнокомандующему въ Москвѣ Графу Растопчину о призрѣніи разоренныхъ Московскихъ жителей. 9-я, Емуже о собираніи въ Москву всѣхъ взятыхъ у непріятеля пушекъ, для сооруженія изъ нихъ памятника. 10-я, Емуже о торжественномъ принесеніи Господу Богу благодарственнаго молебствія за изгнаніе непріятеля и одержаніе надъ нимъ знаменитѣйшихъ побѣдъ. 11-я, Указъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи попечительнаго въ Санктпетербургѣ Сословія для вспомоществованія всѣмъ пострадавшимъ отъ непріятеля; такожъ и самое учрежденіе сего сословія. 12-я, Рескриптъ Гражданскимъ Губернаторамъ объ отобраніи у поселянъ отбитыхъ ими у непріятеля ружей и пистолетовъ. 13-я, Объявленіе для чтенія въ церквахъ о томъже. 14-я, Рескриптъ вдовѣ убитаго въ сраженіи Генералъ-Лейтенанта Баггавута. 15-я, О наборѣ рекрутъ. 16-я, Указъ Сенату о пожалованіи Фельдмаршалу Князю Кутузову титула: *Смо-*

ленскій. (См. въ собран. Манифест. страницы: 40, 41, 43, 45, 47, 59, 65, 67, 69, 71, 72, 81, 83, 85, 86, 90).

Въ началѣ Декабря Государь отправился въ Вильну, куда вскорѣ и мы (я и Князь Волконской) за нимъ послѣдовали. Доѣхавъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія и движенія, взорамъ моимъ представилися такія страшныя зрѣлища, которыя поразили душу мою неизвѣстными ей доселѣ мрачными чувствованіями. Дорога устлана была разбросанными подлѣ ней и на ней мертвыми тѣлами, такъ что сани наши часто стучали, проѣзжая по костямъ втоптанныхъ въ нее человѣческихъ труповъ. Отъ многихъ съ ужасомъ отвращалъ я свои глаза. Положеніе тѣлъ ихъ было нѣчто удивляющее и непостижимое. Иные изъ нихъ лежали полунагіе, или въ странныхъ случайно попавшихся имъ одѣяніяхъ, сгорбленные, исковерканные такъ сказать, какъ бы живомертвые. У иныхъ на лицахъ ихъ, на коихъ не успѣло еще водвориться спокойствіе вѣчнаго сна, изображалось нѣкое лютое, дикообразное отчаяніе. Смерть, по видимому, не давъ еще ни тѣлу ихъ протянуться, ни чувствамъ погаснуть, схватила ихъ хладною своей рукою, и въ тожъ мгновеніе окаменила, такъ что съ приподнятою головою, съ несомкнутыми глазами и разинутымъ ртомъ, казалось, говорятъ они: „смотрите, какъ

казнятся богоотступники, и на мертвыхъ лицахъ нашихъ читайте съ какимъ мученіемъ вылетала изъ насъ преступная и — о горе! — не умирающая душа наша.“ Нѣкоторые однакожъ, хотя и не многіе, лежали спокойно заснувшими на постланномъ подъ ними на снѣгу рубищѣ. Въѣхавъ въ одну деревню увидѣлъ я солдата съ шишакомъ на головѣ, хорошо обутаго и одѣтаго. Онъ, какъ живой, лежалъ простертый на улицѣ подлѣ избы, не обращая на себя ни чьего вниманія: до такой степени множество валяющихся тѣлъ пріучили жителей смотрѣть на нихъ съ хладнокровіемъ! невозможно исчислить и описать ни злочестивыхъ дѣлъ, ни бѣдствій, претерпѣнныхъ сею завлеченною Наполеономъ въ Россію громадою народовъ. Сперва блестящіе великолѣпіемъ, сильные числомъ всадниковъ и орудій, надменные гордостію, жадные грабители, свирѣпые зажигатели и убійцы, злочестивые богохульники, ругающіеся надъ Святынею; потомъ уничиженные, нищіе, голодные, бродящіе въ трескучіе морозы по лѣсамъ и болотамъ въ лохмотьяхъ и рубищахъ, пожирая другъ друга, или питаясь вранами и псами, приготовляя въ самихъ себѣ взаимную имъ пищу: таково напослѣдокъ было ихъ состояніе! Кто не познаетъ въ томъ праведнаго гнѣва Божія, карающаго смертныхъ, когда они, превзойдя беззаконіями своими мѣру милосердія Господня, ополчаютъ десницу Его гро-

момъ и молніями? По пріѣздѣ нашемъ въ Вильну чувства мои поражены были новыми ужасами: я увидѣлъ длинную толстую, высокую, необычайнаго образа стѣну. Спрашиваю: что это такое? Мнѣ отвѣчають, что это наваленныя однѣ на другія смерзшіяся вмѣстѣ мертвыя тѣла̀, за тѣмъ тутъ накиданныя, что выкапывать для зарыванія ихъ рвы, требовало бы, по причинѣ мерзлой земли, многаго труда и времени. Больницы въ Вильнѣ наполнены были изнуренными и ранеными такъ тѣсно, что находящіеся въ нихъ, не совсѣмъ еще ослабѣвшіе, для содѣланія себѣ больше простора, выбрасывали умирающихъ, но еще живыхъ товарищей своихъ изъ оконъ. Въ городѣ на улицахъ и при выходѣ изъ домовъ страшно было встрѣчаться съ оставшимися здѣсь Французами: они съ блѣдньімъ лицемъ и мутными глазами походили больше на мертвыхъ, нежели на живыхъ людей. Иные идучи вдругъ падали и умирали; иные казались въ нѣкоторомъ одуреніи, такъ что вытараща глаза хотѣли нѣчто сказать, но испускали одни только невнятные звуки. — Для прочищенія воздуха вездѣ по улицамъ расклàдены были зажженыя кучки навоза, курящіяся дымомъ. Многіе изъ насъ опрыскивали платье свое и носили съ собою чеснокъ и другія предохранительныя отъ зараженія вещи.

Нѣкоторые изъ Профессоровъ здѣшняго Университета, и другіе жители Вильны, также и другихъ провинцій, во время пребыванія здѣсь Наполеона и войскъ его, предались ему, вступали въ назначаемыя отъ него званія и должности, превозносили Францію и злословили Россію. Кроткій, немстительный Александръ, лишь только предсталъ я предъ него, приказалъ мнѣ написать всепростительный слѣдующаго содержанія Манифестъ:

„Божіею Милостію Мы, и проч. объявляемъ всенародно.

„Въ наступающую нынѣ съ Французами „войну главная часть жителей въ преждебывшихъ „Польскихъ, нынѣ же Россійскихъ областяхъ и „округахъ, пребыли Намъ вѣрны; почему и „раздѣляютъ со всѣми Нашими вѣрноподданны-„ми Нашу признательность и благоволеніе. Но „другіе различными образами навлекли на себя „праведный Нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи „непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устра-„шась насилія и принужденія, или мечтая спа-„сти имущества свои отъ разоренія и граби-„тельства, вступали въ налагаемыя отъ него зва-„нія и должности; другіе, которыхъ число мень-„ше, но преступленіе несравненно больше, при-„стали еще прежде нашествія на ихъ земли, къ „странѣ чуждаго для нихъ пришельца, и подъ-„емля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ Насъ,

„восхотѣли лучше быть постыдными его раба-
„ми, нежели Нашими вѣрноподданными. Сихъ
„послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ
„правосудія; но видя излившійся на нихъ гнѣвъ
„Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, кото-
„рыхъ владычеству они вѣроломно покорились,
„и уступая вопіющему въ Насъ гласу милосер-
„дія и жалости, объявляемъ всемилостивѣйшее
„Наше общее и частное прощеніе, предая все
„прошедшее вѣчному забвенію и глубокому мол-
„чанію, и запрещая впредь чинить какое-либо
„по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе, въ
„полной увѣренности, что сіи отпадшіе отъ насъ
„почувствуютъ кротость сихъ съ ними посту-
„покъ, и чрезъ два мѣсяца отъ сего числа воз-
„вратятся въ свои области. Когда же и послѣ
„сего останется кто изъ нихъ въ службѣ на-
„шихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею
„Нашею милостію, и продолжая и послѣ про-
„щенія пребывать въ томъ же преступленіи, та-
„ковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Рос-
„сія не приметъ ужѐ въ свои нѣдра, и всѣ иму-
„щества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные,
„взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъ-
„емлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ
„нарушенія справедливости не можемъ Мы по-
„слѣдовать движеніямъ Нашего сердца, доколѣ
„плѣнъ ихъ не разрѣшится окончаніемъ настоя-
„щей войны. Впрочемъ и они въ свое время

„вступять въ право сего Нашего всѣмъ и каж-„дому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во „всеобщей радости о совершенномъ истребленіи „и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и „да приносятъ съ неугнѣтеннымъ сердцемъ чи-„стѣйшее Всевышнему благодареніе! Между тѣмъ „надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по „единому подвигу милосердія содѣланное про-„щеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе „виновныхъ, и всѣмъ вообще областей сихъ „жителямъ докажетъ, что они, яко народъ „издревле единоязычный и единоплеменный съ „Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть „толико счастливы и безопасны, какъ въ со-„вершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могу-„щественною и великодушною Россіею.“

(На подлинномъ подписано:) АЛЕКСАНДРЪ.
Въ главной квартирѣ Вильно 12-го Декабря 1812.)

Сверхъ сего изданъ былъ еще слѣдующій Манифестъ:

„Божіею Милостію Мы, и проч., объявляемъ „всенародно:

„Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ ка-„кими желаніями и силами непріятель вступилъ „въ любезное наше отечество. Ничто не могло „отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. „Твердо надѣющійся на свои собственныя и со-„бранныя имъ противъ насъ почти со всѣхъ

„Европейскихъ Державъ страшныя силы, и под-„визаемый алчностію завоеванія и жаждою кро-„ви, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь „Великой Нашей Имперіи, дабы излить на нее „всѣ ужасы и бѣдствія не случайно порожден-„ной, но издавна уготованной имъ, всеопусто-„шительной войны. Предузнавая по извѣстному „изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и „наглости предпріятій его приготовляемую отъ „него намъ горькую чашу золъ, и видя ужè его „съ неукротимою яростію вступившаго въ На-„ши предѣлы, принуждены Мы были съ болѣз-„неннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ „на помощь Бога, обнажить мечъ свой и обѣ-„щать царству Нашему, что Мы не опустимъ „оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ „непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ „землѣ Нашей. Мы сіе обѣщаніе положили „твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую „доблесть Богомъ ввѣреннаго Намъ народа, въ „чемъ и не обманулись. Какой великой при-„мѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣ-„нія и твердости показала Россія! вломившійся „въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными сред-„ствами лютостей и неистовствъ не могъ до-„стигнуть до того, чтобы она хотя единожды „о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ „вздохнула. Казалось съ пролитіемъ крови ея „умножался въ ней духъ мужества, съ пожара-

„ми градовъ ея воспалялась любовь къ отече-
„ству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ
„Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало
„непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дво-
„рянство, духовенство, купечество, народъ, сло-
„вомъ всѣ Государственные чины и состоянія,
„не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, со-
„ставили единую душу, душу вмѣстѣ мужест-
„венную и благочестивую, толикоже пылаю-
„щую любовію къ отечеству, колико любовію
„къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усер-
„дія вскорѣ произошли слѣдствія едва ли имо-
„вѣрныя, едва ли когда слыханныя. Да пред-
„ставятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ
„и народовъ, подъ едино знамя соединенныя,
„ужасныя силы, съ какими властолюбивый, над-
„менный побѣдами, свирѣпый непріятель, во-
„шелъ въ Нашу землю. Полмилліона пѣшихъ и
„конныхъ воиновъ и около полутора тысячъ
„пушекъ слѣдовало за нимъ. Съ симъ толико
„огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ са-
„мую средину Россіи, распространяется, и на-
„чинаетъ повсюду разливать огнь и опустоше-
„ніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцовъ отъ
„вступленія его въ наши предѣлы, и гдѣ онъ?
„здѣсь прилично сказать слова Священнаго пѣсно-
„пѣвца: *видѣхъ нечестиваго, превозносящася и*
„*высящася, яко кедры Ливанскія, и мимои-*
„*дохъ, и се не бѣ! и взыскахъ его, и не обрѣ-*

„*теся мѣсто его.* По истинѣ сіе высокое из-
„рѣченіе совершилося во всей силѣ смысла сво-
„его надъ гордымъ и нечестивымъ нашимъ не-
„пріятелемъ. Гдѣ войски его, подобныя тучѣ
„нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? раз-
„сыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, на-
„поивъ кровію землю, лежитъ, покрывая про-
„странство Московскихъ, Калужскихъ, Смолен-
„скихъ, Бѣлорускихъ и Литовскихъ полей. Дру-
„гая великая часть въ разныхъ и частыхъ бит-
„вахъ взята со многими Военачальниками и пол-
„ководцами въ плѣнъ, и такимъ образомъ, что
„послѣ многократныхъ, и сильныхъ пораженій,
„напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ
„великодушію побѣдителей, оружіе свое, предъ
„ними преклоняли. Остальная, стольже великая
„часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ го-
„нимая побѣдоносными нашими войсками и
„встрѣчаемая мразами и гладомъ, устлала путь
„отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи, тру-
„пами, пушками, обозами, снарядами, такъ что
„оставшался отъ всей ихъ многочисленной силы,
„самомалѣйшая, ничтожная часть изнуренныхъ
„и безоружныхъ воиновъ, едва ли полумертвая
„можетъ придти въ страну свою, дабы къ вѣч-
„ному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ
„возвѣстить имъ, коль страшная казнь пости-
„гаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями
„вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Ны-

„нѣ съ сердечною радостію и горячею къ Богу „благодарностію объявляемъ Мы любезнымъ „Нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе прев- „зошло даже и самую надежду Нашу, и что „объявленное Нами при открытіи войны сей, „свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни едина- „го врага на лицѣ земли Нашей; или лучше „сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? мерт- „вые, раненые и плѣнные. Самъ гордый пове- „литель и предводитель ихъ едва съ главнѣй- „шими чиновниками своими отселѣ ускакать „могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ при- „везенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе „тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ „имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ на- „шихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроят- „но! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ „повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая „достойной славы ни у Главнокомандующаго „войсками Нашими знаменитаго полководца, „принесшаго безсмертныя Отечеству заслуги, „ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ „вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ „себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего „храбраго Нашего воинства, можемъ сказать, „что содѣланное ими есть превыше силъ чело- „вѣческихъ. И такъ да познаемъ въ великомъ „дѣлѣ семъ промыслъ Божій. Повергнемся предъ „Святымъ Его Престоломъ, и видя ясно руку

„его, покаравшую гордость и злочестіе, вмѣсто „тщеславія и кичиенія о побѣдахъ нашихъ, на„учимся изъ сего великаго и страшнаго примѣ„ра быть кроткими и смиренными законовъ и „воли его исполнителями, непохожими на сихъ „отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ „Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ „несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ „и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ ми„лостяхъ и во гнѣвѣ своемъ! пойдемъ благостію „дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій на„шихъ, единственнымъ ведущимъ къ Нему пу„темъ, въ храмъ Святости Его, и тамо увѣн„чанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ „за изліянныя на насъ щедроты, и припадемъ „къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ „милость Свою надъ нами и прекратя брани и „битвы ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду „желанный миръ и тишину.“

(На подлинномъ подписано:) АЛЕКСАНДРЪ.

Вильно 25 Декабря 1812).

По пріѣздѣ своемъ въ Вильну Государь Императоръ увѣнчалъ подвиги Князя Смоленскаго возложеніемъ на него ордена Св. Георгія первой степени. Вскорѣ послѣ того и мнѣ пожалованъ былъ орденъ Св. Александра Невскаго съ весьма лестнымъ для меня въ рескриптѣ изрѣченіемъ: *за примѣрную любовь къ Отечеству.*

—Въ одинъ день Фельдмаршалъ позвалъ всѣхъ къ себѣ на балъ, и просилъ Государя Императора удостоить его своимъ посѣщеніемъ. По вступленіи Его Величества въ домъ шелъ Онъ по разосланному подъ стопы Его ковру, составленному изъ отбитыхъ у непріятеля знаменъ.

Положа намѣреніе нести оружіе за предѣлы Россіи Государь приказалъ мнѣ написать слѣдующій приказъ войскамъ:

„Воины! храбрость и терпѣніе ваше вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста отъ сыновъ ко внукамъ „и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ „родовъ. Хвала Всевышнему! рука Господня съ „нами и насъ не оставитъ. Уже нѣтъ ни единаго непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по „трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ „Имперіи. Остается еще вамъ пройти за оные, „не для завоеванія, или внесенія войны въ земли сосѣдей Нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ свободу и независимость. Да будутъ они друзья ваши! отъ „поведенія вашего зависѣть будетъ ускореніе „мира. Вы Рускіе! вы Христіяне! нужно ли при „сихъ именахъ напоминать вамъ, что должность „воина есть: быть храбру въ бояхъ и кротку

„во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ „земляхъ. Я не угрожаю вамъ наказаніями; ибо „знаю, что никто изъ васъ не подвергнется „онымъ. Вы видѣли въ землѣ Нашей грабите-„лей, расхищавшихъ домы невинныхъ поселянъ. „Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ, и нака-„зали злодѣевъ. Ктожъ захочетъ имъ уподобить-„ся? Естьли же кто паче чаянія таковой сыщет-„ся, да не будетъ онъ Руской! да исторгнется „изъ среды васъ. Воины! сего требуютъ и ожи-„даютъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше „Отечество и царь вашъ.“

Сверхъ сего во время пребыванія въ Вильнѣ написаны мною еще слѣдующія бумаги: 1-я, провозвѣщеніе жителямъ Варшавскаго Герцогства, удостовѣряющее ихъ не въ мщеніи нашемъ, но въ покровительствѣ. 2-я, Манифестъ о намѣреніи въ память избавленія Россіи отъ враговъ воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Божій во имя Спасителя Христа. 3-я, Инженерному Генералу де-Воланту о принятіи въ свое вѣденіе дѣлъ, оставшихся послѣ кончины Принца Георгія Голштейнъ - Олденбургскаго (супруга Великой Нашей Княгини Екатерины Павловны). 4-я, Генералъ-Лейтенанту Бетанкуру о томъже. 5-я, Калужскому Гражданскому Губернатору Каверину о вспомоществованіи жителямъ Смоленской губерніи. 6-я Министру Финансовъ о томъ же. Всѣ сіи бумаги подписаны Государемъ

Декабря въ 25 день. (См. въ собран. Маниф. страницы: 101, 103, 105, 106, 107, 108).

Вскорѣ послѣ сего отправились мы въ пограничное мѣстечко Меричи, откуда посланъ къ Рижскому Военному Губернатору Паулуччи Рескриптъ, повелѣвающій объявить Курляндскимъ жителямъ благоволеніе, а нѣкоторымъ изъ нихъ виновнымъ прощеніе. (См. въ собраніи Маниф. стран. 110).

Въ 1-й день Генваря 1813 года, отслужа молебенъ, перешли мы черезъ рѣку *Неменъ* за границу. Путешествіе наше, или лучше сказать ежедневные верстъ по двадцати переѣзды съ войскомъ по Варшавскому Герцогству и Прускимъ мѣстечкамъ весьма мнѣ наскучивали. При безпрестанной перемѣнѣ жилищъ, будучи ни на мѣстѣ ни въ дорóгѣ, не льзя было ничѣмъ постоянно заняться. Сверхъ сего повсюду господствовавшая смерть и болѣзни наводили уныніе. Французы, гдѣ ни проходили, вездѣ заражали воздухъ; они не только огнемъ и оружіемъ, но и собственною своею погибелью губили людей. Вездѣ слышны были на нихъ страшныя жалобы. Въ одномъ Прускомъ селеніи читалъ я Нѣмецкіе стишки, которые о насильствахъ, какія Французы дѣлали обывателямъ, хотя и худымъ, ломанымъ языкомъ, но очень хорошо говорятъ:

Durch marschiren,
Einquartiren,

Alimentiren,

Requisiren,

Einscribiren,

Frau entfüren,

Haus ferliren,

Nicht resoniren,

Und doch illuminiren:

Das ist zum krepiren.

Переведемъ это какъ можно ближе такимиже стихами:

Мимо проходятъ,

Дай имъ постой,

Накорми да напой;

Тутъ тебя схватятъ,

Въ солдаты возмутъ,

Жену уведутъ,

Весь твой скарбъ и домъ

Опрокинутъ верхдномъ,

Согнутъ тебя въ дугу,

Все, все имъ въ горло суй,

Молчи, ни гугу,

И еще иллюминуй:

Ну право лучше смерть,

Чѣмъ это терпѣть!

По пріѣздѣ, Генваря 8, въ мѣстечко Ликъ, Государь приказалъ мнѣ написать рескриптъ

Графу Платову, изъявляющій похвалу и благоволеніе Его Величества всему Донскому воинству. (См. собран. Маниф. стран. 111). Въ Прускомъ городкѣ Филиппсбергѣ, куда прибыли мы Генваря 16, служащій при мнѣ чиновникъ Тимковскій приходилъ просить у меня нѣкоторыхъ переведенныхъ на Нѣмецкой и Французской языкъ нашихъ манифестовъ, сказывая, что онъ имѣлъ ихъ нѣсколько, но всѣ роздалъ пасто́рамъ, которые у него просили, и теперь еще просятъ ихъ, для чтенія въ собраніяхъ и церьквахъ. Я отдалъ ему послѣдніе, сколько имѣлъ, сожалѣя, что взялъ ихъ мало съ собою. Пруссаки дѣйствительно оказывали великую радость при появленіи нашемъ, хотя Король ихъ, видя еще многія крѣпости и самую столицу свою въ рукахъ у Французовъ, не смѣлъ гласнымъ образомъ соединиться съ нами. Въ Полякахъ, напротивъ, не примѣтно было никакихъ восторговъ; одни только Жиды собирались съ веселыми лицами къ домамъ, гдѣ останавливался Государь, и при выходахъ Его кричали: ура! Въ мѣстечкѣ Клодавѣ повелѣно мнѣ было написать слѣдующаго содержанія бумагу:

Войскамъ нашимъ.

„Воины! славный и достопамятный годъ, „въ который неслыханнымъ и безпримѣрнымъ „образомъ поразили и наказали вы дерзнувшаго

„вступить въ отечество наше лютаго и сильна-
„го врага, славный годъ сей минулъ; но не
„пройдутъ и не умолкнутъ никогда содѣяшныя
„въ немъ громкія дѣла и подвиги ваши. Потом-
„ство сохранитъ ихъ въ памяти своей. Вы кро-
„вію своею спасли отечество отъ многихъ со-
„вокупившихся противъ него народовъ и царствъ.
„Вы трудами, терпѣніемъ и ранами своими прі-
„обрѣли благодарность отъ своей и уваженіе
„отъ чужихъ державъ. Вы мужествомъ и храб-
„ростію своею показали свѣту, что гдѣ Богъ и
„вѣра въ сердцахъ народныхъ, тамъ, хотя бы
„вражескія силы подобны были волнамъ Океана,
„но всѣ онѣ о крѣпость ихъ, какъ о твердую
„непоколебимую гору, разсыпnются и сокру-
„шатся: изъ всей ярости и свирѣпства ихъ ос-
„танется одинъ только стонъ и шумъ погибели.
„Воины! въ ознаменованіе сихъ незабвенныхъ
„подвиговъ вашихъ повелѣли Мы выбить и освя-
„тить сребряную медаль, которая съ начерта-
„ніемъ на ней прошедшаго толь достопамятна-
„го 1812 года, долженствуетъ на голубой лен-
„тѣ украшать непреодолимый щитъ отечества
„грудь вашу. Всякъ изъ васъ достоинъ носить
„на себѣ сей достопочтенный знакъ, сіе свидѣ-
„тельство трудовъ, храбрости и участія въ сла-
„вѣ; ибо всѣ вы одинакую несли тяготу, и
„единодушнымъ мужествомъ дышали. Вы по
„справедливости можете гордиться симъ зна-

„комъ: онъ являетъ въ васъ благословляемыхъ „Богомъ истинныхъ сыновъ отечества. Враги „ваши видя его на груди вашей, да вострепе„щутъ, вѣдая, что подъ нимъ пылаетъ храб„рость, не на страхѣ или корыстолюбіи осно„ванная, но на любви къ вѣрѣ и Отечеству, и „слѣдовательно ни чѣмъ непобѣдимая."

(На подлинномъ подписано: АЛЕКСАНДРЪ.

Клодава 5 Февраля 1813 года).

Между тѣмъ, какъ мы переѣзжали изъ одного мѣстечка въ другое, останавливаясь въ иномъ одинъ, въ иномъ два дни и болѣе, передовыя войски наши выгоняли Французовъ и союзниковъ ихъ изъ Польскихъ и Прускихъ городовъ и крѣпостей. Уже Варшава, по выходѣ изъ ней Австрійскаго военачальника Князя Шварценберга отступилась отъ мнимыхъ защитниковъ и возстановителей своихъ Французовъ, и поднесла ключи свои полководцу нашему Милорадовичу. Пиллау, Познань, Люблинъ, Калишъ были также освобождены отъ непріятелей. Пруссія, такъ сказать, поднималась на ноги, ободрялась и начинала дышать прежнимъ своимъ мужествомъ.

Въ промежуткахъ сихъ короткихъ переѣздовъ, имѣя довольно свободнаго времени, занимался я чтеніемъ Священныхъ книгъ, и находя въ нихъ разныя описанія и выраженія, весьма

сходныя съ нынѣшнею нашею войною, сталъ я, не перемѣняя и не прибавляя къ нимъ ни слова, только выписывать и сближать ихъ одно съ другимъ. Изъ сего вышло полное, и какъ бы точно о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ сдѣланное повѣствованіе. Для любопытнаго читателя я здѣсь оное прилагаю.

Вшествіе врага въ царство и гордый помыслъ его.

»Кто есть той, иже яко рѣка восходитъ, и »яко рѣки воздвижутся волны его?—Сердце его »аки камень; окрестъ зубовъ его страхъ; очи го»рятъ яко угліе. *) Сей речетъ во умѣ своемъ: »на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ постав»лю престолъ мой, сяду на горахъ высокихъ, »яже къ Сѣверу; взыду выше облакъ, буду по»добенъ Вышнему. Азъ есмь Царь Царей! И »се азъ на тя, Соръ, **) и приведу на тя языки »многи, якоже восходитъ море волнами своими, »и обвалятъ стѣны градовъ твоихъ, и разорятъ »столпы твоя, и развѣю прахъ ихъ, и дамъ ихъ

*) Тексты сіи выбраны изъ Священнаго писанія, а именно изъ Пророковъ: Исаіи, Іезекіиля, Аввакума, Іереміи, Плача его; изъ книгъ Іудиѳы, Маккавейскихъ, Псалтири, и проч. Всѣ рѣченія и выраженія въ оныхъ безъ всякой перемѣны и прибавленія взяты изъ разныхъ мѣстъ, и только сдвинуты и приставлены одно къ другому.

**) Переставя слоги выходитъ *Росъ* или *Россъ*, то есть Россіянинъ.

»въ гладокъ камень.—Внiду съ коньми и колесницами и съ конниками и собранiемъ многихъ »языковъ зѣло. Сыны и дщери твоя на поли »мечемъ избiю, и приставлю на тя стражбу, и »огражду тя, и окопаю тя ровомъ, и сотворю »окрестъ тебе острогъ, и обставлю оружiемъ, и »копiя своя прямо тебѣ поставлю. — Отъ множества всадниковъ моихъ покрыетъ тя прахъ »ихъ, и отъ ржанiя коней моихъ и отъ колесъ »колесницъ моихъ потрясутся стѣны твоя. Копытами коней моихъ поперу вся стогны твоя, люди твоя мечемъ изсѣку, и составъ крѣпости »твоея на землю повергну, и плѣню силу твою, и »возьму имѣнiя твоя, и разсыплю стѣны твоя, »и домы твоя вождельнныя разорю, и древа твоя, »и каменiе твое, и перстъ твою средѣ моря ввержу, и упраздню множество мусикiй твоихъ, и »гласъ пѣвицъ твоихъ не услышится въ тебѣ. »Отъ гласа паденiя твоего, егда возстенутъ язвенiи твои, потрясутся вси прочiи земли и острови, и снидутъ со престолъ своихъ вси Князи, »и языкъ морскiй, и свергнутъ вѣнцы съ главъ »своихъ, и ризы своя испещренныя совлекутъ »съ себе, ужасомъ ужаснутся. На земли сядутъ »и убоятся погибели своея, и возстенутъ о тебѣ, »и прiимутъ о тебѣ плачъ, глаголюще: како погиблъ и разсыпался еси граде хвалимый, иже »былъ крѣпокъ на земли и на мори, ты и живущiе въ тебѣ, иже далъ еси страхъ твой

»всѣмъ обитающимъ на земли? и убоятся вси »отъ дне паденія твоего, и грады возстенаютъ »на суши, и смятутся острови въ мори. Та»ко глаголющь, яко потокъ наводняющій пото»пляетъ землю и исполненіе ея, грады и живу»щія въ нихъ; отъ шума устремленія его, отъ »оружія ногъ его, отъ гремѣнія колесницъ и отъ »звука колесъ его вострепета земля.

Разореніе Іерусалима.

»Горе тебѣ Іерусалиме! како единъ сѣ»диши, градъ умноженый людьми? бысть яко »вдовица во языцѣхъ владяй странами бысть »подъ властію! Путіе твои рыдаютъ, яко »нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ. Вся »врата твоя разорена, жерцы твоя воздыхаютъ, »дѣвицы ведомы, и самъ огорчеваемь въ себѣ. »Отъяся отъ тебе вся лѣпота твоя. Прост»ре врагъ руку свою, стужаяй на вся вожделѣн»ная твоя. — Вся красная твоя разори яро»стію своею; твердыни изверже на землю, и оск»верни храмы; возже огнь и пояде основанія »твоя. — Видѣхъ бо языки вшедшіе во святы»ню твою, имъже бы не подобало входити въ »церковь твою. Гласъ даша въ дому Господни, »яко въ день праздника. — Матеремъ реко»ша: гдѣ пшеница и вино? внегда разслабленнымъ »быти имъ, яко язвеннымъ на стогнахъ град-

»скихъ! Егда изливахуся въ лоно ихъ души младенцевъ ихъ! Кто тя спасетъ Іерусалиме? кто »тя утѣшитъ? яко возвеличися чаша сокрушенія твоего, кто тя исцѣлитъ? восплескаша рукама о тебѣ вси минующіи путемъ, позвиздаша »и покиваша главою своею, рекуще: сей ли градъ »вѣнецъ славы, веселіе всея земли! Не вѣроваша Царіе земстіи и вси живущіи во вселеннѣй, »яко внидетъ врагъ сквозѣ врата твоя.

Молитва Царева.

»Виждь, Господи, яко скорблю! утроба »моя смятеся во мнѣ, и превратися сердце мое, »яко горести исполнихся; отвнѣ обезчади мене »мечъ, аки смерть въ дому. — Пріиде врагъ »издалече, пріиде во тмахъ силы своея, ихже »множество загради источники, и конница ихъ »покры холмы. Рече пожещи предѣлы моя, и »юноши моя убити мечемъ, и ссущія моя положити въ помостъ, и младенцы моя дати въ расхищеніе, и дѣвы моя плѣнити. Господи Вседержителю! посли духа твоего, и нѣсть, иже »противостанетъ гласу твоему: горы бо отъ »основаній съ водами подвигнутся, каменіе же »отъ лица твоего яко воскъ растаетъ. — Святъ »храмъ твой. Дивенъ въ правдѣ; услыши ны, »Боже Спасителю нашъ! препоясанъ силою; смущаяй глубину морскую, шуму волнъ твоихъ

»кто постоитъ? Смятутся языцы, и убоятся живущіи въ концахъ земли отъ знаменій твоихъ. »Надъ боящимися тебе ты умилостивишися. »Да почіетъ на мнѣ и на воинствѣ и на всемъ »народѣ моемъ духъ твой, духъ премудрости и »разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія »и благочестія.—Живъ Господь! и благословенъ »Богъ! покоривый люди подъ мя, той избавитъ »мя отъ врагъ моихъ гнѣвливыхъ, отъ мужа не»праведна спасетъ и вознесетъ мя. — Богъ мой »помощникъ мой, и уповаю на него.

Гласъ съ небеси.

»Гряди во имя мое. Азъ избавлю тя отъ »сѣти ловчи, и отъ словесе мятежна: плещма »своима осѣню тя, и подъ крылѣ свои воспріиму. Оружіемъ обыдетъ тя истина моя. Не »убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ паденія бѣса полуденнаго.— »Очима твоима воздаяніе грѣшникамъ узриши. »Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ же зло не пріидетъ и рана »не приближится: яко Ангеламъ своимъ заповѣдаю о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ; на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши и поперєши льва и змія, яко »на мя упова.

Воззваніе Царя къ народу.

»Возмите, чада моя, оружіе и щиты, возся»дите на кони, и устройте колесницы, и наля»цающе лукъ изыдите на брань. Соберитеся, воз»глаголите, возгласите трубою: да услышится »гласъ вашъ. Да воздвигнется левъ отъ ложа »своего, и да изыдетъ отъ Сѣвера страхъ и тре»петъ и сотреніе велико. Возстанемъ за ис»требленіе людей нашихъ, и ополчимся за чадъ »нашихъ и за Святыню. Пожену враги моя, »и постигну я, и не возвращуся, дондеже скон»чаются. Да не грядутъ отселѣ во множествѣ »укоризны и беззаконія своего. Сей есть иже во»царися и состави брани многи, и одержа твер»дыни многи, и сверже Цари земскія, и прой»де даже до краевъ земли, и взя корысти мно»гихъ языковъ, и умолче земля предъ нимъ, и »возвысися, и вознесеся сердце его. И собра силу »крѣпку зѣло, и возначальствова надъ странами, »и покоришася ему вси Князи и владыки. Но »да не убоится сердце ваше того: не во множе»ствѣ воевъ одолѣніе есть, токмо отъ небесе крѣ»пость. Сіи грядутъ во злобѣ и нечестіи; мы же »ополчаемся за души наша, и законы наша. »День сей Господа Бога Вседержителя, день от»мщенія врагамъ, и пожретъ я мечъ Господень, »и насытится, и упіется кровію ихъ, яко жерт»ва Господу Вседержителю въ земли полунощ-

»ной. Крѣпокъ и силенъ побораяй по васъ: зем»ля потрясется отъ основаній своихъ въ день, »въ онь же пріидетъ ярость его. И будутъ остав»шія яко серна бѣжащая, и яко овца заблужд»шая, и не будетъ собираяй. Вы же паче орловъ »легцы явитеся, и паче львовъ крѣпцы: зане »ярость Господня на вся языки, и гнѣвъ на чи»сло ихъ, еже погубити ихъ и предати на закла»ніе: да взыдетъ отъ нихъ смрадъ и намокнутъ »горы кровію ихъ. Приступите языцы и услы»шите Князи; да слышитъ земля и живущія на »ней, вселенная и людіе, иже на ней: Вся»ка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко »цвѣтъ травный: изсше трава и цвѣтъ отпаде, »глаголъ же Бога нашего пребываетъ вовѣки.

Паденіе кипариса.

»Се кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отрасльми, »и высокъ величествомъ, и частъ покровомъ, и »средѣ облакъ бысть власть его. Вода воспита »его, бездна вознесе его, рѣки приведе окрестъ »кореній своихъ, и составы своя испусти во вся »древеса полевая. Сего ради вознесеся величе»ство его паче всѣхъ древесъ польныхъ, разши»ришася вѣтвія его, и вознесошася отрасли его »отъ воды многи, егда протяжеся. Сосны не »подобны отраслямъ его, и еліе не бысть по»добно вѣтвіямъ его; во отрасляхъ его возгнѣз-

»дишася вся птицы небесныя, и подъ вѣтвями »его раждахуся вси звѣріе польніи. Подъ сѣнію »его вселися все множество языковъ. И возгорде»ся величествомъ своимъ, и вознесеся сердце его, »и далъ власть свою въ средину облакъ.—Тогда »прогнѣвася на него Богъ, и преда его въ »руцѣ Князя, и сотвори ему пагубу, по нече»стію его, и погнаша, и потребиша его, »и повергоша на горахъ, и во всѣхъ дебрѣхъ па»доша вѣтви его, и сотрошася отрасли его на »всякомъ полѣ, и снидоша отъ покрова его вси »людіе языковъ, и разориша его. Въ паденіи его »почиша вся птицы небесныя, и на стебліяхъ »быша вси звѣри сельніи, яко да не возносятся »величествомъ своимъ вся древеса, яже въ водѣ, »и не дадятъ власти своея средѣ облакъ. Пла»кася о немъ бездна, и померче о немъ Ливанъ. »Отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая »подъ сѣнію его древеса, и сведошася во адъ яз»веніи отъ меча, и живущіи подъ покровомъ его »среди жизни своей погибоша. Тако возліяся на »него бездна, и покры его вода многа, яко пу»стыню вѣчную: да не населится, ниже возста»нетъ; да взыщется, и не обрящется во вѣкъ.

Пророчество.

»Господь воцарися: да радуется земля, да »веселятся острови мнози! облакъ и мракъ

»окрестъ его. Огнь предъ нимъ предыдетъ и по-
»палитъ враги. Освѣтиша молнія его вселенную,
»видѣ и подвижеся земля. Горы яко воскъ ра-
»стаяша отъ лица Господня, отъ лица Господа
»всея земли. Возвѣстиша небеса правду его, и
»видѣша вси людіе славу его. Да постыдятся вси
»кланяющіися истуканамъ, хвалящіися о идолѣхъ
»своихъ. — Господи! се воздвижеся солнце, и
»луна ста въ чинѣ своемъ, яко изшелъ еси въ
»блистаніи молній твоихъ во спасеніе людей, спа-
»сти помазанныя твоя. Вложилъ еси во гла-
»вы беззаконныхъ смерть, яко уста ихъ глагола-
»ша суету, и десница ихъ десница неправды. Ты
»же возстани, Іерусалиме, совлецы ризы плачев-
»ныя, и облецыся въ одежду правды, въ лѣпоту
»славы твоея. Забуди скорбь твою и возложи на
»главу твою вѣнецъ. Свѣтися, свѣтися, Іерусали-
»ме, пріиде бо твой свѣтъ, и слава Господня на
»тебѣ возсія. Се тьма покрыла землю и мракъ
»на языки; на тебѣ же явится Господь, и слава
»его на тебѣ узрится. И пойдутъ Царіе свѣтомъ
»твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею. Се пріидо-
»ша сынове твои издалече: возстани, Іерусалиме,
»и стани на высоцѣ, и поглядай, и виждь со-
»бранная чада твоя отъ Востокъ солнца до Запа-
»да. Враги твоя пріидоша къ тебѣ, въ багряни-
»цѣхъ и на конѣхъ, и изыдоша отъ тебе наги и
»пѣши; совѣща бо Господь смирится горѣ высо-
»цѣй, и пасти отъ руки твоея въ ровень съ юдо-

»ліемъ. — Возрадуйся, яко пріидуть къ тебѣ »вси раздражившіе тя, и поклонятся слѣдамъ »ногъ твоихъ, и нарѣчешися: *миръ правды и сла»ва благочестія.* — Возрадуйся, яко людіе твои »раскуютъ мечи свои на рала, и сулицы своя на »серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и »престанутъ воевати. — И почіетъ кійждо подъ »лозою своею, и кійждо подъ смоковницею сво»ею, и не будетъ устрашающаго. — Возрадуй»ся, яко приложится къ тебѣ богатство мор»ское, и пріидутъ къ тебѣ стада вельблюдъ, но»сяще злато и ливанъ и камень честенъ. Се ко»рабли Фарсійстіи аки облацы къ тебѣ летятъ, »и яко голуби со птенцы своими.—Бразды твоя »упоятся и жита твоя умножатся. — Поля »твоя исполнятся тука, овцы будутъ многопло»дни и волове твои толсти; удолія умножатъ »пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радо»стію препояшутся. — Не услышится неправ»да въ земли твоей, ни сокрушеніе, ни бѣдность »въ предѣлахъ твоихъ; но прозовутся забрала »твоя спасеніе, и врата твоя хвала. Не зайдетъ »бо солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ: бу»детъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный.«

Сблизивъ такимъ образомъ сіи тексты, выбранные изъ разныхъ мѣстъ Священнаго писанія, находилъ я ихъ толь ясно и подробно описующими всѣ происходившія съ нами приключенія, что бывши послѣ съ докладами у Госу-

даря, попросилъ я позволенія прочитать Ему сіи сдѣланныя мною выписки. Онъ согласился и я прочиталъ ихъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба съ Нимъ въ умиленіи сердца довольно поплакали.

По пріѣздѣ нашемъ изъ Клодавы въ Коло Графъ Толстóй показалъ мнѣ полученное имъ отъ Посланника нашего Барятинскаго письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ его, что Манифесты наши въ Нѣмецкихъ краяхъ съ жадностію читаются, возбуждаютъ духъ народный, и производятъ великое дѣйствіе надъ умами. Съ одного экземпляра присланнаго къ нему изъ Вильны послѣдняго Манифеста въ короткое время (продолжаетъ онъ) списано было пять сотъ экземпляровъ, и всѣ жалуются для чего не переводятъ и не присылаютъ ихъ больше. Пріѣхавшій сюда Пруской Офицеръ тожъ самое говорилъ Государю. Это принесло мнѣ великое удовольствіе. Можетъ быть обвинятъ меня, какъ излагателя сихъ повелѣній царскихъ, за упоминаніе о томъ въ моихъ запискахъ, и назовутъ это тщеславіемъ или самолюбіемъ; я не оправдываюсь и не утверждаю, чтобъ самолюбіе ни мало въ томъ не участвовало; но могу смѣло сказать, что радость моя происходила больше отъ благопріятности судьбы или случая, доставившаго мнѣ такое званіе, въ которомъ въ самонужнѣй-

шее время могъ я быть полезенъ моему Отечеству.

Февраля 11 дня пріѣхали мы въ Калишъ, городокъ Варшавскаго Герцогства. Съ недѣлю тому назадъ было здѣсь сраженіе. Войски наши разбили Саксонской корпусъ подъ начальствомъ Французскаго Генерала Ренье, котораго со многими офицерами и двумя тысячами рядовыхъ взяли въ плѣнъ. Мы въѣзжали въ городъ по той самой дорогѣ, на которой происходило сраженіе, и хотя сказываютъ тысячъ до трехъ было убитыхъ, однакожъ мы ни какихъ ужѐ слѣдовъ сей битвы не видали, выключая, что въ прекрасномъ здѣшнемъ паркѣ, по которому протекаютъ рѣки и простираются усаженныя высокими тополями дорожки, нѣкоторыя изъ сихъ деревъ повреждены ядрами. Въ Калишѣ остановились мы на нѣсколько дней. Прибытіе наше оживило городъ. Многіе сюда съѣхались. Завелись обѣды и балы; по правду сказать, сіи вечерніе увеселенія возмущались внутренними страхами и слухами о болѣзняхъ, а особливо домъ, въ которомъ мы жили съ Балашовымъ, отстоявшій не подалеку отъ церкви, много тому способствовалъ; ибо всякое утро мимо оконъ нашихъ провозили не меньше десятка гробовъ, такъ что по неволѣ вспомнишъ Латинскую пословицу: *memento mori* (помни смерть), не выходившую и при забавахъ изъ ума. По слухамъ

и въ Россіи много больныхъ и умирающихъ. Да и мудрено ли свирѣпствовать заразѣ? Недавно Министръ Полиціи получилъ донесеніе, что въ двухъ Губерніяхъ, Смоленской и Минской, собрано и сожжено девяносто семь тысячъ тѣлъ, и что многіе трупы еще и по сію пору валяются на поверхности земной.

На дняхъ случилось съ нами можно сказать и смѣшное и не очень смѣшное приключеніе: нѣкто здѣшній дворянинъ, живущій въ четырехъ или пяти верстахъ за городомъ, позвалъ насъ (меня и Балашова) къ себѣ на *чай съ танцами.* Мы отправились въ дорожной своей коляскѣ, но какъ люди наши не знали куда ѣхать, то и взяли мы съ собою одного живущаго здѣсь Нѣмца, которой увѣрилъ насъ, что знаетъ дорогу. Мы поѣхали ввечеру, когда ужѐ смерклось, и вскорѣ ночь сдѣлалась такъ темна̀, что ничего не видно. Отъѣхавъ версты двѣ или три отъ города, поворотили, по словамъ провожатаго, въ сторону, и потащились по какому-то неровному и едва протоптанному пути, такъ что коляска наша индѣ колыхалась, а индѣ лошади и она между двумя съ обѣихъ сторонъ возвышенностями едва протискиваться могли. Мы ужѐ не ѣхали, но такъ сказать ползли, и казалось отчасу становилось хуже. Напослѣдокъ въ переди себя услышали журчаніе воды, и провожатай нашъ вдругъ закричалъ: стой! — что такое?

—Я не по той дорогѣ поѣхалъ; здѣсь не льзя проѣхать. Остановились, пошли во кругъ себя не столько осматривать, сколько ощупывать дорогу. Въ передъ ѣхать не можно: течетъ рѣчка; и назадъ поворотить весьма трудно. Бились, бились, насилу кой-какъ между горами и холмами поворотили. Не до чаю. Какъ бы домой попасть. Ѣдемъ, зги не видя. Въ одномъ мѣстѣ бухъ съ коляскою на бокъ! Слава Богу упали на песокъ и не больно ушиблись. Пошли пѣшкомъ, и наконецъ едва около полуночи доплелись до своего дому. Поутру, лишь только я проснулся, говорятъ мнѣ: отъ Государя присланъ Фельдъегерь.—Позови сюда. За чемъ?—„Государь приказалъ спросить у васъ о здоровьѣ; Онъ слышалъ, что вы ночью ѣздили за городъ, и опрокинулись.“—Я крайнѣ удивился, какимъ образомъ сіе приключеніе съ нами могло такъ скоро дойти до Государя.

По полученіи извѣстія о изгнаніи Французовъ изъ Берлина и занятіи онаго нашими войсками, было здѣсь молебствіе. Государь послѣ сего отправился для свиданія съ Пруским Королемъ въ Бреслау, гдѣ принятъ былъ, какъ избавитель Прусіи съ чрезвычайною радостію и восторгами. Это показываетъ подъ какимъ игомъ стеналъ народъ. Вскорѣ по возвращеніи Государя пріѣхалъ сюда Пруской Король. Онъ пробылъ здѣсь только два дни. Въ бытность его

были парады, освѣщеніе го́рода, обѣды и балъ. Князь Михайло Ларивоновичъ Кутузовъ-Смоленскій получилъ отъ него орденъ Чернаго орла и богатую съ портретомъ Его Величества табакерку. Прусія вступила съ нами въ союзъ. По сему случаю приказано было мнѣ написать слѣдующую бумагу:

»*Приказъ Нашимъ войскамъ.*

»Воины! слава, увѣнчавшая васъ неувядаемы-»ми лаврами, вѣчнопамятное истребленіе вами »пришедшаго къ намъ врага, быстрое движеніе »ваше въ чужія зе́мли, не для покоренія, но для »защиты оныхъ, и наконецъ мирное и велико-»душное обращеніе ваше даже и съ тѣми наро-»дами, которые по слѣпотѣ разсудка своего на-»иболѣе намъ непріязнствовали; все сіе привлекло »къ намъ сердца сосѣдей нашихъ. Изъ числа »оныхъ Пруское Королевство, издревлѣ славное »и храброе, соединяетъ нынѣ длань свою съ на-»шею простертою къ нему дланью. Оно кипитъ »тѣмъ же, какъ и мы, духомъ народной чести и »достоинства, и подъемля оружіе свое, идетъ »вмѣстѣ съ нами положить конецъ сему нестер-»пимому кичешю, которое не смотря на соб-»ственную свою и другихъ земель пагубу, ал-»четъ рѣками крови и грудами костей человѣ-»ческихъ утверждать господство свое надъ всѣ-»ми Державами. Воины! отнынѣ взаимная друж-

»ба и общая польза да сопрягаетъ насъ тѣсно »съ благородными Прусаками. Вездѣ, гдѣ только »потребуетъ надобность, подавайте имъ, какъ »братьямъ, руку помощи. Они тоже будутъ дѣ»лать съ вами. Да составится изъ ихъ и наше»го усердія единая грудь. Дѣло наше общее и »праведное. Мы стои́мъ за вѣру противъ безвѣ»рія, за свободу противъ властолюбія, за чело»вѣчество противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу »правду. Онъ покоритъ подъ ноги наши горда»го врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду »человѣчества предъ нимъ рабовъ.«

(На подлинномъ подписано: АЛЕКСАНДРЪ.

Калишъ. 25 Марта 1813 дня).

Здѣсь вмѣстѣ съ ключами Дрездена получено извѣстіе, что городъ сей нашими и Прускими войсками взятъ и освобожденъ отъ Французовъ, которые вездѣ не перестаютъ выказывать похвальныхъ своихъ поступокъ, грабить и разрушать: Полководецъ ихъ Даву, при отступленіи изъ Дрездена, велѣлъ подорвать мостъ, бывшій нѣсколько вѣковъ украшеніемъ города. Саксонскій Король, какъ сказываютъ, писалъ къ нему письмо, просилъ, чтобъ онъ пощадилъ городъ, и особливо мостъ, увѣряя его, что самъ Наполеонъ ему, какъ вѣрному союзнику своему, это обѣщалъ; и сверхъ того, для лучшаго под-

крѣпленія прозбы своей послалъ къ нему рѣдкій и драгоцѣнный подарокъ. Даву подарокъ взялъ, а мостъ велѣлъ подорвать. Какъ не восхищаться такими прекрасными поступками Французовъ! какъ не удивляться ихъ просвѣщенію, не хотѣть, чтобъ дѣти наши обучались ихъ языку, обычаямъ, и правамъ! на этихъ дняхъ случилось мнѣ прочитать въ недавноизданной объ насъ Нѣмецкой книжкѣ, что на Дону посадили двухъ пріѣхавшихъ изъ арміи казаковъ подъ стражу за то, что одинъ изъ нихъ привезъ туда лорнетъ, а другой одѣлся также въ привезенное имъ съ собою Французское платье. Я спросилъ у Графа Платова правда ли это? и онъ мнѣ сказалъ: правда. Казаки съ Дона писали къ нему о сихъ двухъ молодыхъ людяхъ, и онъ велѣлъ ихъ наказать, чтобъ не вводили новизнъ въ ихъ станицы и тѣмъ не портили ихъ нравовъ и обычаевъ. Я поблагодарилъ Платова за такое его благоразумное рѣшеніе, и подумалъ: хорошо естьлибъ и мы послѣ сожженія Москвы опомнились и восхотѣли быть самими собою, а не обезьянами другихъ.

Мы пробыли въ Калишѣ около шести недѣль и 27 Марта отправились снова въ путь. Проводя Государя я спѣшилъ зайти домой, чтобъ тотчасъ ѣхать за нимъ, но нашелъ у се-

бя много бѣдныхъ, просящихъ милостыни. *) Я роздалъ имъ нѣкоторое число денегъ, и между прочими одной въ бѣдномъ рубищѣ жидовкѣ далъ талеръ; она взяла его и залилась горькими слезами. Это побудило меня узнать подробнѣе о ея обстоятельствахъ, и она расказала мнѣ, что мужъ ея нѣсколько дней тому назадъ посланъ былъ отъ насъ въ одну изъ крѣпостей, бывшихъ въ осадѣ, съ тѣмъ, чтобъ тайнымъ образомъ отнесъ туда письмо. Французъ, начальствовавшій надъ осажденными въ сей крѣпости разнодержавными людьми, поймалъ его

---

*) Во время путешествія до Калиша многіе при парадахъ подавали Государю просительныя бумаги, которыя онъ принималъ и отсылалъ ко мнѣ; но какъ при ежедневныхъ переѣздахъ нашихъ нѣкогда было ни Государю заниматься разсматриваніемъ сихъ прозбъ, ни мнѣ докладывать ему объ оныхъ, то челобитчики сіи, большою частію просившіе денегъ, оставались безъ отвѣта, и нѣкоторые изъ нихъ, въ надеждѣ получить что нибудь, ѣхали за нами отъ одного мѣста до другаго, и узнавъ, что прозбы ихъ хранятся у меня, приступали ко мнѣ съ требованіемъ рѣшенія, чего я, не имѣя отъ Государя позволенія приходить къ нему съ сими докладами, ни какимъ образомъ исполнить не могъ. По пріѣздѣ въ Калишъ я принесъ къ нему краткія выписки изъ сихъ оставшихся безъ всякаго удовлетворенія прозбъ, пересказалъ затрудненіе мое и предложилъ, не угодно ли будетъ ему приказать на подобные случаи отпускать мнѣ каждый разъ по тысячѣ рублей, которые когда всѣ выдутъ, тогда я представлю отчетъ съ требованіемъ другой тысячи, и такъ буду продолжать. Государь согласился, и съ тѣхъ поръ мелочная раздача денегъ по симъ прозбамъ отъ меня зависѣла.

съ симъ письмомъ, и велѣлъ повѣсить. Она безъ всякаго пропитанія осталась послѣ него вдовою съ десятерыми малолѣтными дѣтьми. Услышавъ это отъ ней, и справясь о достовѣрности сего происшествія, я далъ ей пятдесятъ червонцевъ, и увидѣлъ въ глазахъ ея, естьли не радость, то покрайней мѣрѣ нѣкоторое утѣшеніе.

При выѣздѣ нашемъ изъ Калиша погода сдѣлалась прекрасная. Хотя деревья не совсѣмъ еще распустились, однакожъ многіе кусты позеленѣли и трава съ первыми весенними цвѣтами показалась. Сіяніе солнца и теплота воздуха часто выманивали меня изъ коляски, чтобъ идучи пѣшкомъ лучше имъ наслаждаться и внимать пѣнію жаворонковъ.—Въ Кроточинѣ получили мы извѣстіе о побѣдѣ, одержанной нашими войсками подъ Линебургомъ (не далеко отъ Гамбурга): три тысячи пятьсотъ человѣкъ Французовъ разбиты и всѣ до единаго съ ихъ Генераломъ и двѣнатцатью пушками взяты въ плѣнъ. — На переѣздѣ изъ Кроточина въ Миличь, выступивъ изъ Варшавскаго Герцогства, вступили мы въ Силезію, гдѣ увидѣли недавно поставленный столбъ, на которомъ Рускими буквами написано было: *Пруская Граница.* Съ приближеніемъ къ предѣламъ Прусіи общее къ намъ уваженіе и любовь отчасу болѣе возрастали. Подъѣжая къ городку, называемому Сдуни, версты за полторы отъ онаго, увидѣли мы, что

весь народъ высыпалъ на встрѣчу Государю. Старшины и чиновники въ мундирахъ; а прочіе составили изъ себя разныя толпы, изъ коихъ каждая особеннымъ отъ другой образомъ приготовилась изъявить намъ свою о прибытіи нашемъ радость: иные въ разноцвѣтныхъ платьяхъ съ турбанами на головахъ ѣхали верьхами; другіе шли пѣшкомъ, неся на шестахъ балдахины; иные, одѣтые скороходами, бѣжали и хлопали бичами для очищенія дороги; иные пороховыми хлопушками, замѣнявшими пушечную пальбу, поздравляли наше прибытіе; иные держали въ рукахъ обнаженныя шпаги съ воткнутыми на нихъ лимонами. Всѣ сіи толпы при проѣздѣ каждаго изъ насъ кричали изо всей мочи: ура! предъ городомъ сдѣланы были торжественныя врата съ надписью: *des Allmägtigen Hand schütze dich* (т. е. рука Всемогущаго да защититъ тебя). По обѣимъ сторонамъ оныхъ стояли въ бѣлыхъ одѣяніяхъ пятдесятъ или шестдесятъ дѣвицъ съ гирляндами, корзинками и цвѣтами, которые бросали къ намъ подъ ноги. Государь ѣхалъ верхомъ, и какъ скоро появился онъ за воротами, то поднялся колокольной звонъ и безпрестанныя восклицанія. Весь встрѣчавшій насъ и ожидавшій внутри города народъ побѣжалъ за Нимъ съ крикомъ, хлопаньемъ и всякимъ изъявленіемъ восторга своего. На улицѣ, по которой мы ѣхали, стоялъ столбъ съ указательною ру-

кою, на коей написано было; *Alexanders strasse* (т. е. Александрова улица). Въ городѣ, когда Государь сошелъ съ лошади, говорили ему рѣчь, поднесли стихи, и просили войти въ домъ. Двѣ хозяйки, богато разряженныя, встрѣтили Его у крыльца. Подали тотчасъ на серебреныхъ подносахъ чай, кофій, шоколадъ и гебель-мобель. Въ другой комнатѣ накрытъ былъ столъ. Просили Государя позавтракать, но онъ не остался, и мы всѣ поѣхали за Нимъ, не смотря на усильную прозьбу хозяекъ, убѣждавшихъ насъ остаться и хоть немного покушать. — Черезъ два часа пріѣхали мы въ мѣстечко Миличь. Здѣсь нашли прекрасный домъ и садъ Графа Мальцана, осьмидесятилѣтняго старика, но еще здороваго и свѣжаго, который нашу Аннинскую ленту, надѣтую на него Петромъ третьимъ, носитъ слишкомъ пятдесятъ лѣтъ. Ввечеру садъ его, гдѣ видѣли мы и аистовъ и лебедей, и орловъ, и оленей, и дикихъ козъ или сернъ, былъ илломинованъ, и такъ хорошо, что могъ назваться образчикомъ Петергофскаго праздника. На торжественныхъ воротахъ, при входѣ въ оный написано было съ одной стороны: *Der Teutsche dem Russen* (Нѣмецъ Рускому), а съ другой: *Gott mit dir* (съ тобою Богъ). Восхищенія, радости, и привязанности къ намъ народной не можно описать. Повсюду, гдѣ только идешь, мущины и женщины смотрятъ тебѣ въ

глаза и поклонами и веселымъ лицемъ стараются изъявить удовольствіе, что тебя видятъ, иныхъ словъ не слышишь какъ: „*избавители наши, снимающіе съ насъ самыя тяжелыя оковы.*“ Признаюсь, что при подобныхъ привѣтствіяхъ часто на глазахъ моихъ навертывались слезы радости и удовольствія. — На другой день, проводя съ такою пріятностію вечеръ, оставили мы Миличь, и пріѣхали въ Трахенбергъ, при продолжавшейся прекрасной погодѣ, такъ что казалось дневное время съ ночнымъ спорили, которое изъ нихъ лучше. Отселѣ послана въ Петербургъ написанная мною по приказанію Государя слѣдующая бумага:

Указъ Правительствующему Сенату.

»Изъ народныхъ Государственныхъ силъ, »толь единодушно и ревностно въ защиту оте»чества вооружившихся, прежде всѣхъ состави»лись Смоленское и Московское ополченіе. Онѣ »первыя встрѣтили непріятеля и мужественнымъ »сопротивленіемъ и многократными съ нимъ »битвами оказали усердіе свое и заслуги. И нынѣ, »по истребленіи врага въ предѣлахъ нашихъ, »ужѐ далеко за оными не дерзаетъ онъ предъ »побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ появлять»ся. Почему въ силу обнародованнаго Нами обѣ»щанія, освобождая Смоленское и Московское »ополченіе отъ пребыванія на службѣ, повелѣва-

»емъ Мы, изъявляя къ нимъ Монаршее Наше »благоволеніе и признательность, распустить »оныя по домамъ. Да обратится каждый изъ »храбраго воина паки въ трудолюбиваго земле»дѣльца, и да наслаждается посредѣ родины и »семейства своего пріобрѣтенною имъ честію, »спокойствіемъ и славою.«

(На подлинномъ подписано:) АЛЕКСАНДРЪ.

Трахенбергъ 30 Марта 1813 года).

Въ остальномъ путешествіи нашемъ по Саксоніи до самаго Дрездена вездѣ были мы встрѣчаемы и провождаемы съ такими же восторгами, какъ и въ Силезіи; вездѣ при въѣздахъ нашихъ раздавались крики радости, а по вечерамъ сіяли въ окнахъ освѣщенныя разноцвѣтными огнями, выставленныя въ честь намъ изображенія или картины, изъ коихъ иныя были весьма замысловаты: такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ видѣлъ я вверху картины прозрачную надпись: *post nubile*, (послѣ тучи), а внизу восхожденіе лучезарнаго солнца, и подъ нимъ вензловое имя Императора Александра перваго. Саксонцы, не взирая на тѣсный союзъ Короля ихъ съ Наполеономъ, не меньше Прусаковъ изъявляли свою намъ преданность и благодарность.

Въ одномъ изъ сихъ мѣстечекъ, по которымъ мы проѣзжали, написалъ я къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ пись-

мо, описавши въ немъ всѣ дѣланныя намъ встрѣчи, и получилъ отъ Нея слѣдующій отвѣтъ: »Александръ Семеновичъ! Я имѣла удовольствіе »въ письмѣ вашемъ изъ Любена отъ 3 сего мѣ»сяца читать повтореніе и подтвержденіе тѣхъ »пріятнѣйшихъ извѣстій о путешествіи Импе»ратора, любезнѣйшаго Моего Сына, которыя »по другимъ перепискамъ до меня доходятъ: »онѣ столь утѣшительны для Моего сердца, что »я не могу довольно часто ими наслаждаться, »и я искренно вамъ благодарна за начертаніе »зрѣлища общаго восторга, и за сообщеніе тро»гательныхъ стиховъ, изображающихъ народныя »чувствованія къ Императору. Никакое назва»ніе конечно не можетъ быть Его сердцу пріят»нѣе, и никакое не приноситъ болѣе истинной »славы, какъ имя избавителя Европы, единогла»сно Ему данное, и столь справедливо пріобрѣ»таемое. Я соединяюсь съ вами въ моленіи, да »благословитъ Всевышній благія Его намѣренія, »и увѣнчаетъ желаніе народовъ! Вы весьма ме»ня обяжете сообщеніемъ и впредь печатаемыхъ »въ мѣстахъ вашего пребыванія сочиненій раз»наго рода, обстоятельствами раждаемыхъ, кото»рыя наиболѣе сочтете заслуживающими внима»ніе: онѣ составляютъ драгоцѣнныя для всякаго »Россіянина памятники. Доставленныя вами рѣ»шенія Императора по разнымъ Моимъ пред»ставленіямъ Мною получены, и я совершенно

»увѣрена, что произшедшее замедленіе припи»сать должно стеченію обстоятельствъ и важнѣй»шихъ занятій. Зная довольно ваше усердіе, я »въ полной мѣрѣ на оное полагаюсь и съ удо»вольствіемъ повторяю изъявленіе уваженія и »доброжелательства, съ коими пребываю вамъ »благосклонною.« — (На подлинномъ подписано: Марія. Въ С. Петербургѣ, Апрѣля 17 дня 1813 года. No 1155).

Съ нами ѣхали двѣ Княгини Волконскихъ: Софья Григорьевна и Зенеида Александровна. Дорóгою во время роздыховъ Государь не рѣдко удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Приближаясь къ Дрездену вздумалось имъ по пріѣздѣ въ него, дать Государю маленькой праздникъ, въ которомъ онѣ двѣ и третья также путешествовавшая съ нами госпожа Салданша, урожденная Хитрова, хотѣли сами дома у себя съиграть передъ нимъ сочиненную на походѣ нашъ маленькую піэску. Онѣ просили меня написать оную. Желая услужить имъ, я охотно за это взялся, и написавъ для опыта одно только начало, принесъ къ нимъ, чтобъ прочитать и узнать, то ли имъ надобно, и такъ ли я началъ. Опытъ сей имъ понравился, и онѣ на нѣкоторое время оставили его у себя. На другой день пришелъ я къ нимъ и услышалъ, что намѣреніе ихъ не имѣло успѣха: Государь былъ у нихъ и неизвѣстно по какой причинѣ на то

не согласился. *) Такимъ образомъ начало сего маленькаго сочиненьица осталось безъ продолженія. Для могущаго полюбопытствовать о томъ читателя, я здѣсь оное прилагаю.

МАЛЕНЬКОЙ ПРАЗДНИКЪ,

ИЛИ

СЛАБАЯ ДАНЬ БЛАГОДАРНОСТИ РУСКИМЪ ВОИНАМЪ ВЪ ЛИЦѢ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩАГО НАДЪ НИМИ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

САЛДАНША И СОФЬЯ.

(Въ Рускомъ платьѣ).

САЛД.

Гдѣ мы? на берегахъ Эльбы! Россійскій орелъ летитъ, и подъ сѣнь крилъ его стекаются народы.

СОФ.

По всему пути услаждали насъ ясные дни, теплыя ночи, благорастворенный воздухъ; инаго не видали и не слыхали мы, какъ сіяніе торжественныхъ огней и крики радостей и восторговъ. Казалось небо насъ благословляетъ, и зем-

---

*) Мы не слыхали еще о болѣзни Князя Смоленскаго, но послѣдствіе времени показало, что сіе предположеніе ихъ не могло состояться.

ля, расцвѣтая подъ ногами нашими, празднуетъ нашъ приходъ.

Салд.

Ахъ, моя милая! какъ пріятно видѣть славу своего Отечества! Кто возвелъ насъ на высоту сего блаженства?

Соф.

Въ началѣ Всемогущій Богъ.

Салд.

Потомъ отъ упованія на него твердый духомъ Государь.

Соф.

Потомъ посѣдѣвшій во браняхъ искусный полководецъ.

Салд.

Потомъ всѣ отъ великихъ до малыхъ чиновъ мужественные военачальники.

Соф.

Потомъ храбрые воины.

Салд.

Потомъ вѣрный народъ.

Соф.

Дивно ли прославиться тому царству, котораго всѣ члены, всѣ состоянія, съ такимъ едино-

душіемъ служатъ главѣ, съ какою мудростію глава управляетъ ими?

Салд.

Правда; но я не столько дивлюсь успѣхамъ нашихъ войскъ, сколько любви, съ какою повсюду ихъ встрѣчаютъ.

Соф.

Можетъ ли это быть иначе? съ одной стороны чуждая власть и мучительство говорятъ имъ: „*Вы мои рабы, почитайте за счастіе и честь ползать передо мною, служить и отдавать мнѣ все свое имущество.*" Съ другой стороны гласъ человѣколюбія и кротости вопіетъ къ нимъ: „*будьте свободны, продолжайте обогащаться своими трудами, живите спокойно подъ своими законами; я ничего отъ васъ не требую, кромѣ любви и дружбы.*" Мудрено ли, что въ томъ, кто такъ благосклонно вѣщаетъ къ нимъ, видятъ они Ангела избавителя своего, и повсюду, гдѣ онъ появляется, созидаютъ ему изъ благодарныхъ сердецъ своихъ храмъ славы?

Салд.

Богъ да увѣнчаетъ благое намѣреніе его, и да совершитъ начатое имъ къ благополучію рода человѣческаго великое дѣло!

Соф.

Дай Богъ! да потушитъ онъ брани и водворитъ вездѣ миръ и тишину. Мы между тѣмъ повеселимся. Споемъ что нибудь въ честь знаменитаго нашего полководца.

Салд. *(поетъ).*

Хожу я по улицѣ,
Да не нахожуся;
То́-що люли,
То́-що люшéньки люлй!

Смотрю я на вожда,
Да не насмотрюся;
То́-що люли,
То́-що люшéньки люлй!

Славѣ дѣлъ его дивлюсь,
Да не надивлюся;
То́-що люли,
То́-що люшéньки люлй!

Соф.

Подлинно не льзя надивиться. Ты правду сказала.

Салд.

Ну! теперь твоя очередь.

Соф. *(поетъ)*.

Выдулъ я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю:
Какъ она сильна весною,
Такъ ужасенъ онъ врагамъ;
Какъ она тиха средь лѣта,
Такъ любезенъ онъ друзьямъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Приходитъ Зенеида съ дѣтьми. Она въ Тирольскомъ, а дѣти въ Нѣмецкомъ одѣяніи).

Зен.

Здравствуйте, сударыни.

Соф.

Ба! Тиролька говоритъ по Руски. Здравствуй, душенька! гдѣ ты научилась нашему языку?

Зен.

Отецъ и мать моя были въ Россіи. Я тамъ родилась. Да сверхъ того всегда любила этотъ языкъ, а теперь еще и больше люблю.

Салд.

Почему же теперь больше прежняго?

Зен.

Потому что дѣла Рускихъ сдѣлали давно ужè почтенное имя и языкъ ихъ нынѣ еще болѣе почтенными тому, чья душа нетерпитъ уничиженія и рабства, не любитъ пресмыкаться подъ игомъ чужеземцевъ.

Соф.

Слова твои показываютъ, что ты Тиролька.

Зен.

Да! я горжусь симъ именемъ, люблю свое отечество, и развѣ одному только имени Россіянки уступлю преимущество.

Салд.

Зачѣмъ ты сюда пришла?

Зен.

Посмотрѣть на Рускаго Царя, которой сколько величествомъ сана и блескомъ славы своей страшенъ, столько же, какъ сказываютъ, пріятнымъ и ласковымъ видомъ привлекаетъ къ себѣ сердце каждаго.

Соф.

Ты можешъ зрѣніе свое насытить: онъ всегда для всякаго доступенъ.

Зен.

Ахъ! какъ я буду счастлива! мнѣ также хотѣлось взглянуть на сего Полководца, которой, по словамъ нашихъ стариковъ, у этой страшной, всему свѣту гибелію грозящей кометы, умѣлъ, такъ искусно отрѣзать хвостъ, что ужè какъ она ни силится снова распустить его и возблистать, но лучи ея стали тусклы.

Салд.

И въ этомъ не трудно тебѣ удовольствовать свое любопытство: онъ также ласковъ и пріятенъ.

Зен.

Сердце мое не нарадуется слыша отъ васъ это. Но я хотѣла бы еще увидѣть и тѣхъ, которые въ толь знаменитыхъ подвигахъ съ нимъ соучаствовали.

Соф.

(Указывая на присутствующихъ)

Иныхъ ты видишь здѣсь, другіе отсутственные дѣйствуютъ при ввѣренныхъ имъ войскахъ.

Зен.

Я смотрѣла давѣча на воинскія движенія Рускихъ воиновъ: какое устройство! какая лов-

кость, величавость и красота! на лицахъ у нихъ написана спокойная храбрость и любовь къ Отечеству.

Салд.

Что это за дѣти съ тобою пришли?

Зен.

Одинъ братъ мой, другой сосѣдъ. Къ нимъ пристали здѣшніе жители. Юность любопытна. Огонь славы удобно зажигаетъ сердца ихъ: всѣ хотятъ видѣть Рускихъ.

Соф.

Ты, я думаю, умѣешь пѣть. Спой намъ свою пѣсенку.

Зен.

Охотно.

(Поетъ Тирольскую пѣсню).

Соф.

Спасибо, моя милая! какъ ты хорошо поешь.

Зен.

Я очень рада, естьли могла вамъ угодить. Какъ нарядъ вашъ меня прельщаетъ! я столькоже, сколько Руской языкъ, люблю и Руское платье: этотъ сарафанъ, эта повязка на головѣ, дѣлаютъ и станъ красивѣе и лицо моложе.

Соф.

Да хочешь ли ты въ него нарядиться и остаться съ нами нѣсколько времени?

Зен.

Очень хочу. Какъ вы добры и ласковы!

Соф.

Поди. Наши дѣвушки тебя нарядятъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

(*Тѣже кромѣ Зеницы*).

Соф.

Какое для Рускаго сердца удовольствіе видѣть Рускихъ въ такомъ почтеніи у другихъ народовъ!

Салд.

Да! и притомъ въ почтеніи непринужденномъ, не наружномъ, но дѣйствительно добровольномъ и чистосердечномъ.

Соф.

Оно и не можетъ быть иное. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы разсмотримъ поступки наши, то безъ всякаго пристрастія и самолюбія должны отдать сами себѣ справедливость. Мы защитили Отечество свое отъ сильнаго врага; мы низложивъ властолюбіе и гордость его, мечтав-

шую овладѣть всѣмъ свѣтомъ, пришли въ зе́мли тѣхъ людей, которые, хотя и по неволѣ, однакожъ вмѣстѣ съ нимъ воевали противъ насъ; чѣмъ же мы платимъ имъ за причиненное отъ нихъ намъ зло? дружбою, помощію, покровительствомъ. Мы говоримъ имъ: „мнимой другъ вашъ приковалъ васъ, какъ невольниковъ, къ побѣдоносной колесницѣ своей, разорилъ, ограбилъ, и впредь помышляетъ господствовать надъ вами, разорять и грабить васъ. Мы, напротивъ, которымъ вы не по своей, но по его мучительской волѣ, ко вреду самимъ себѣ были врагами, мы пришли освободить васъ отъ него, возвратить вамъ спокойствіе, свободу; пришли проливать за̀ васъ кровь свою, и въ возмездіе за то желаемъ одной вашей пріязни, дружбы." — Можетъ ли сей божественный языкъ не проницать во глубину сердецъ?

Салд.

Это правда. Одни закоснѣлые въ порокахъ люди нечувствительны къ великодушію и добродѣтелямъ; но не всѣ таковы: благія дѣла въ добрыхъ сердцахъ раждаютъ любовь и благодарность.

(*Оглянувшись на дѣтей, и видя, что они строятся рядами*):

Что эти мальчики дѣлаютъ? (къ нимъ): *was machen sie?*

*

Одинъ изъ мальчиковъ.

Wir wollen Russische soldaten spielen, marschiren.

Соф.

Gut. — а! да вотъ стоятъ клавикорды; я на нихъ поиграю. (Къ мальчикамъ): ich will ihnen ein Marsch vorspielen.

Мальчики (всѣ вдругъ):

Wir danken, wir danken!

(Софья садится за клавикорды, играетъ, а мальчики маршируютъ; она, смотря на нихъ, въ приличныхъ мѣстахъ восклицаетъ): браво! браво!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(*Тѣже и Зенеида*).

Соф. (*Перестаеъ играть*):

А! ты ужъ одѣлась? какъ мила!

Зен.

Нѣтъ ли здѣсь зеркала? дайте мнѣ на себя полюбоваться. (Увидя зеркало подходитъ къ нему и осматриваетъ себя съ головы до ногъ).

Соф.

Полно, полно. Успѣешь наглядѣться. Теперь ты наша. Споемъ Рускую пѣсню.

Зен.

О! я очень люблю Рускія пѣсни, и часто ихъ пѣвала; но можетъ быть не знаю той, какую вы спѣть хотите. Спойте вы напередъ, а послѣ и я къ вамъ пристану.

Салд.

Не пѣвалаль ты когда нибудь: *ъхалъ казакъ за Дунай?*

Зен.

Нѣтъ, не пѣвала; но какая прекрасная пѣсня. Казакъ! имя это сдѣлалось громко. Я давѣча на нихъ смотрѣла: какія почтенныя бороды! какъ важно и грозно съ копьемъ въ рукѣ сидятъ они на коняхъ! иные изъ нихъ совершенные молодцы. Я и Платова, храбраго Атамана ихъ, видала: прелюбезный старикъ!

Соф.

Ну, послушай: сперва мы споемъ, а потомъ и ты вмѣстѣ съ нами. (Софья и Салданша поютъ):

Ѣхалъ казакъ за Дунай,
Сказалъ дѣвчинѣ: прощай!
Вы конецьки, вороненьки,
Несилу гуляй,
Постой, постой, казаче,

Твоя дѣвчина плаче:
Ахъ! ты мене покидаешь;
Куда, куда отъѣжаешь?

Зен.

Люблю казака. Онъ любитъ страстно; однако долгъ и славу всему предпочитаетъ. Наши Тирольцы таковыже. Ну, теперь и я могу съ вами пѣть.

(*Всѣ три поютъ.*)

Симъ кончилось начало сей пiэски, и послѣ не было продолженiя. Читатель да проститъ мнѣ, что я, чрезъ помѣщенiе здѣсь онаго, сдѣлалъ небольшое отступленiе отъ моего повѣствованiя, къ которому возвращаюсь.

На канунѣ Свѣтлаго Воскресенiя прiѣхали мы въ Дрезденъ. Великолѣпiе въѣзда нашего было нѣчто очаровательное; картина, которую ни какимъ перомъ, никакою кистiю изобразить не возможно. Надлежало видѣть ее въ самой сущности. День былъ прекраснѣйшiй и солнце посреди чистаго неба сiяло во всемъ своемъ блескѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли въ парадѣ наши и Прускiя войска. Къ нимъ присоединилась Саксонская Гвардiя. Толпящiйся народъ версты за три выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Государь съ Прускимъ Королемъ ѣхали верхами. Музыка гремѣла. Радостные крики раздавались. По въѣздѣ въ городъ Государь и Ко-

роль остановились на площади, гдѣ всѣ войски при множествѣ зрителей, наполнявшихъ улицы и окна домовъ, проходили мимо ихъ. По окончаніи сего Пруской Король проводилъ Государя въ такъ называемый Брилевъ дворецъ, *) и откланявшись отправился въ отведенный для него домъ. Между тѣмъ Государю представлялись всѣ здѣшніе чиновники и съѣхавшіеся сюда изъ разныхъ городовъ Посланники наши: Ханыковъ, Головкинъ, Барятинскій, Алопеусъ, Мальтицъ и нѣкто давно живущій здѣсь Путятинъ. Отпустя ихъ Государь ходилъ осматривать дворецъ и очень былъ веселъ. Онъ сказалъ намъ шутя: „Здѣсь нѣтъ у насъ екипажей, мы можемъ ходить пѣшкомъ." И въ самомъ дѣлѣ пошелъ пѣшкомъ къ Прускому Королю въ домъ, отведенный ему за рѣкою, съ полъ-версты отъ Брилева дворца. Лишь только онъ вышелъ, народъ тотчасъ окружилъ Его, и мы шли, какъ туда, такъ и оттуда, посреди многочисленной толпы, которая за Нимъ и передъ Нимъ бѣжала, и почти безпрестанно кричала: ура! Отобѣдавъ во дворцѣ пошелъ я походить по городу. Мнѣ казалось, какъ будто я изъ него не выѣзжалъ: такъ живо, черезъ пятнатцать лѣтъ бытія мо-

*) Настоящій дворецъ, гдѣ живетъ Саксонскій Король, оставался пустъ, потому что Король, не преставая быть въ союзѣ съ Франціею, со всѣмъ своимъ семействомъ уѣхалъ изъ него; но Государю не угодно было занять оный.

его въ немъ, возобновились въ памяти моей всѣ мѣста и улицы. Намъ съ Балашовымъ отвели домъ, въ которой, не знаю почему, захотѣлось переѣхать Его Величеству Прускому Королю, а намъ уступить свой, приготовленный для Него на берегу Эльбы противъ Брилева дворца, подлѣ того прекраснаго моста, которой теперь по милости Французовъ обезображенъ подорваніемъ въ немъ двухъ сводовъ. *) Пріятная погода часто вызывала меня прохаживаться по городу, гдѣ встрѣчались со мною случаи, удостовѣрив-

---

*) Въ прежнюю бытность мою здѣсь Король Саксонскій (тогда еще Курфирстъ) часто приглашалъ меня къ обѣденному столу и по вечерамъ. (Я былъ въ то время Генералъ-Адъютантъ Императора Павла перваго). По сему случаю, знавъ его лично, я не могъ надивиться дружбѣ его съ Наполеономъ. Мнѣ казались нравы ихъ совершенно противуположными: одного изъ нихъ жизнь была кроткая, смиренная, набожная; другой, напротивъ радъ былъ половину человѣческаго рода истребить, дабы надъ остальною владычествовать. Естьли мысль Саксонскаго Короля была та, что онъ, будучи безсиленъ сопротивляться Наполеону, не можетъ иначе спасти царства и подданныхъ своихъ отъ разоренія, какъ совершенною покорностію, то покрайней мѣрѣ въ то время, когда ужѐ всѣ Европейскія Державы соединились противъ Франціи, надлежало бы ему къ нимъ пристать; но онъ и тогда, оставя подданныхъ своихъ, радующихся избавленію своему изъ подъ ига Французовъ, и не раздѣляя съ ними сей ихъ радости, продолжалъ одною своею особою быть въ связи съ Наполеономъ, испытавъ ужѐ, что покорность и союзъ его съ нимъ не освобождаютъ Саксонцевъ отъ тяжкаго рабства и угнетенія. Буде и въ сіе время дѣйствовалъ надъ нимъ страхъ, то кажется страхъ сей и опасеніе были чрезмѣрно велики.

шіе меня о нелицемѣрной дружбѣ и привязанности Саксонцевъ къ нашимъ войскамъ. Причиною сему была сколько благодарность за освобожденіе ихъ отъ насилія Французовъ, столько же и за кроткое въ чужихъ земляхъ поведеніе нашихъ войскъ, которое дѣйствительно заслуживало всякую похвалу. Нигдѣ не слышно было на нихъ ни малѣйшихъ жалобъ. Часто попадались мнѣ мальчики съ нѣкоторою ношею. Я останавливалъ ихъ и спрашивалъ: куда они идутъ, и что такое несутъ? Отвѣтъ ихъ былъ всегда: къ такому-то солдату (называя его по имени), которой живетъ у насъ въ домѣ, и теперь стоитъ на караулѣ: батюшка и матушка приказали мнѣ отнести къ нему этотъ узелокъ съ кушаньемъ и напитками. — Да развѣ вы его любите? — Очень любимъ, онъ такой доброй! — Однажды, проходя мимо воздвигнутаго на площади памятника, видѣлъ я лежащаго у подножія его лѣтъ шестидесяти казака, вокругъ котораго около десятка робятишекъ бѣгали, хохотали, ползали по немъ, хватали его за бороду; онъ игралъ съ ними, какъ бы съ родными своими дѣтьми. Я любовался смотря на это и подумалъ: вѣрно не одинъ этотъ казакъ пріучилъ ихъ быть такъ смѣлыми съ собою, но по видимому отъ многихъ, ласково съ ними обращающихся, привыкли они ихъ не бояться.

Въ одинъ день поѣхали мы въ Мейссенъ на фарфоровую здѣшнюю фабрику: общество наше составляли: Тормасовъ, Балашовъ, Кикинъ, Ожаровской, я, и два Офицера. Мы поплыли водою по рѣкѣ Эльбѣ. Плаваніе наше продолжалось три часа. День былъ прекраснѣйшій. Мы безпрестанно восхищались видами по обѣимъ сторонамъ рѣки. Кикинъ въ восторгѣ закричалъ: это галлерея, состоящая изъ миліона ландшафтовъ! Когда мы пріѣхали и пристали къ берегу, насъ встрѣтилъ стоявшій тамъ съ отрядомъ войскъ Полковникъ нашъ съ нѣсколькими Офицерами, и за ними превеликая толпа народа. Мы пошли осматривать фабрику, лежащую на высокой горѣ, и вся сія толпа повалила за нами: всѣ бѣгутъ, опереживаютъ другъ друга, чтобъ заглянуть намъ въ глаза. Тотчасъ явились съ поклонами и поздравленіями всѣ должностные и чиновники здѣшніе. Вездѣ по пути нашему разставлены индѣ наши, а индѣ Саксонскіе фрунты солдатъ, отдаютъ честь и бьютъ въ барабаны. Мы проходили до шести часовъ по полудни; осмотрѣли всѣ работы; были въ церкви, гдѣ погребены многіе Саксонскіе Герцоги, изъ коихъ надъ каждымъ положена чугунная плита съ изображеніемъ во весь ростъ того, кто подъ нею погребенъ. На груди одного изъ сихъ изображеній увидѣлъ я пробитую скважину, и спросилъ: отъ чего это? мнѣ сказали: отъ громова-

го удара. Мы всходили на верхъ церькви, откол҃ открывалась прелестнѣйшая картина, представлявшая взорамъ берега Эльбы, простираясь черезъ Дрезденъ до самаго Кенигштейна. *) По осмотрѣніи всего примѣчанія достойнаго пошли мы обѣдать. Столъ, приготовленный для насъ здѣшними чиновниками, былъ уже накрытъ, и у дверей стояли два Саксонскихъ часовыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ. Покуда мы обѣдали, передъ окнами нашими играла музыка, и вся площадь покрыта была народомъ. Передъ обѣдомъ чиновники здѣшніе стали насъ звать на балъ, нарочно для насъ приготовленный (они узнали о намѣреніи нашемъ пріѣхать въ Мейссинъ по тому, что мы на канунѣ дали о томъ знать нашимъ Офицерамъ); но какъ мы спѣшили возвратиться назадъ, то и отказались отъ бала; однакожъ примѣтя, что это ихъ опечалило, и слыша отъ нашихъ Офицеровъ, что они много о томъ хлопотали, мы въ срединѣ уже обѣда сказали, что естьли бы балъ сей скоро могъ начаться, то бы мы хоть на короткое время на немъ побывали. Одинъ изъ чиновниковъ, услыша сіе, тотчасъ всталъ изъ за стола, ушелъ, и лишь только мы отобѣдали, какъ уже онъ явил-

*) Саксонская при Эльбѣ на превысокой горѣ лежащая крѣпость, находившаяся въ это время еще въ рукахъ Французовъ.

ся съ извѣщеніемъ, что балъ готовъ. Мы пошли туда: входимъ въ большую залу, наполненную людьми; музыка играетъ и паръ тритцать стоятъ составя кругъ и держась рука за руку. Лишь только мы вошли, они начали танцовать, и по нѣкоторыхъ движеніяхъ сдѣлавъ изъ себя букву А (вензловое имя Государя Императора) произнесли въ честь ему громкое восклицаніе. По окончаніи сего танца, мы прошли съ ними Польской, и хотѣли тихонько уйти; но всѣ чиновники, примѣтя сіе, побѣжали насъ провожать, и весьма благодарили, что мы хотя на одинъ часъ удостоили посѣтить ихъ собраніе. На семъ балѣ было женщинъ до пятидесяти весьма изрядно одѣтыхъ и довольно хорошо танцующихъ. Мы возвратились ужè берегомъ и не прежде полуночи пріѣхали домой.

Не долго пробыли мы въ Дрезденѣ. Скоро услышали, что Наполеонъ съ великимъ числомъ новонабранныхъ войскъ приближается къ Лейпцигу. Надлежало туда скакать для начатія новыхъ битвъ и браней. Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена пришло къ намъ печальное извѣстіе сперва о болѣзни, а потомъ и о смерти знаменитаго полководца нашего Князя Кутузова-Смоленскаго. Вѣсть сія была громовый ударъ. Государь приказалъ до времени таить ее отъ войскъ, дабы передъ самымъ наступающимъ сраженіемъ не привесть ихъ въ уныніе.

Во время пребыванія нашего въ Дрезденѣ по приказанію Государя написана мною грамота Войсковому Атаману Графу Платову и всѣмъ Донскимъ Атаманамъ и воинству. (См. въ собран. Маниф. стран. 129).

Апрѣля 17 дня Государь отправился изъ Дрездена. Мы поѣхали въ слѣдъ за нимъ. Ночь была такъ темна, что ничего не видно. Ѣдемъ по худой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ коляска наша опрокинулась, и хотя я довольно крѣпко стукнулся головою, однакожъ, благодаря Бога, ничего худшаго не случилось. За двѣ почты отъ Лейпцига, Государь и вся свита его сѣли на коней. Я одинъ долженъ былъ остаться въ коляскѣ. Балашовъ, ѣхавшій доселѣ со мною, къ нимъ присоединился. Не зная что дѣлать, я спросилъ у Государя, какъ Онъ прикажетъ, здѣсь ли мнѣ остаться, или ѣхать далѣе? Онъ отвѣчалъ: „Я отдаю тебѣ на волю, дѣлай самъ что̀ хочешь.“ Такимъ образомъ приведенъ я былъ въ крайнее недоумѣніе. Съ одной стороны казалось мнѣ, быть далеко отъ мѣста сраженія худо, потому что не скоро узнаешь, кто кого прогналъ, мы ли непріятеля, или онъ насъ; а съ другой стороны, быть близко тоже худо, потому что въ случаѣ отступленія нашихъ войскъ и непріятельской за ними погони, не успѣешь уѣхать, а особливо по худымъ дорогамъ, Рускому кучеру не извѣстнымъ, и которыя такъ за-

громождены обозами, что индѣ часа два надобно стоять, прежде нежели съ ними разъѣдешся. Я бы съ радостію поѣхалъ за Государемъ, зная, что мнѣ безопаснѣе быть тамъ со всѣми, нежели одному въ нѣкоторой отдаленности ѣздить въ колясκѣ; но по несчастію я никогда не ѣзжалъ верхомъ, и сверхъ того слабость силъ моихъ не позволяла мнѣ сидѣть долго на лошади. Признаюсь, я пуще смерти боялся попасть въ плѣнъ. Мнѣ воображалось, что можетъ быть Наполеону извѣстно, кто находится при Государѣ и пишетъ Манифесты, о которыхъ безсомнѣнія онъ знаетъ, и вѣрно весьма ими недоволенъ; притомъ же любимецъ Его, Коленкуръ, въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ весьма не благоволилъ ко мнѣ, потому что я никогда ему не кланялся, и наслышась можетъ быть о моемъ образѣ мыслей, далеко не согласномъ съ ихъ дѣлами и поступками. Мысль сія, справедлива ли она была, или нѣтъ, крайне меня устрашала попасть въ руки властолюбивѣйшаго изъ смертныхъ, который всѣхъ приверженныхъ къ Отечеству своему почитаетъ уголовными противъ него преступниками. Долго колеблясь и размышляя, напослѣдокъ рѣшился я продолжать путь мой за Государемъ до тѣхъ поръ, покуда позволено будетъ ѣхать въ колясκахъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ я въ мѣстечко Борнъ, не подалеку отъ Лейпцига, гдѣ нашелъ

еще Государя, и тутъ ужѐ долженъ былъ остановиться, не могши далѣе за Нимъ слѣдовать. На другой день, то есть Апрѣля 20 числа, въ четвертомъ часу поутру, Государь и всѣ съ Нимъ поскакали на поле битвы. Оставшись одинъ съ моими чиновниками, Журавлевымъ и Тимковскимъ, въ скучномъ и безпокойномъ ожиданіи, сталъ я, что бъ проводить какимъ нибудь занятіемъ время, писать письмо къ женѣ моей, и что въ немъ тогда написано было, здѣсь безъ всякой перемѣны излагаю:

Въ 8 часовъ утра.

»Я проснулся вмѣстѣ со всѣми, проводилъ »ихъ, и не могу опять лечь: духъ и мысли »встревожены ожиданіемъ слѣдствій долженствующей скоро начаться брани. Хожу сряду »нѣсколько часовъ взадъ и впередъ по горницѣ. »Подали мнѣ кофію, насилу могъ чашку вы»пить. Въ эти два дня я почти не спалъ, изму»чился, ослабѣлъ, и голова болитъ. Воображаю, »какъ опечалитъ васъ вѣсть о смерти Князя »Смоленскаго, и какой будетъ это ударъ для его »супруги и дочерей! скажи пожалуйста имъ, »что я въ горести ихъ принимаю душевное и »совершенное участіе. Вся Россія о немъ потужитъ. — Время свободно, хотѣлъ бы долѣе за»очно съ тобою побесѣдовать, но въ голову ни»чего нейдетъ.»

Въ 11 часовъ утра.

»Пальба началась. Страшный громъ раздается! Боже! доверши милость свою надъ нами: »да услышу я добрыя вѣсти. Не дай губителю »народовъ снова восторжествовать! голова и сердце мое стѣснены. Балашовъ и Кикинъ обѣщали »меня увѣдомить, когда что нибудь рѣшительное произойдетъ; но будетъ ли имъ случай написать ко мнѣ хоть строчку, съ кѣмъ пошлютъ, и могутъ ли въ это время вспомнить »обо мнѣ? сомнѣваюсь.«

Въ 3 часа по полудни.

»Я не могъ съѣсть куска хлѣба; всталъ изъ »за стола и пошелъ въ поле посмотрѣть, не »увижу ли кого нибудь. Пальба продолжается по »прежнему, но пріѣзжаго оттуда никого нѣтъ. »Что тамъ происходитъ и дѣлается, не извѣстно. Сто разъ былъ бы я спокойнѣе, естьли бы »находился тамъ со всѣми. Отроду въ первый »разъ грущу о томъ, что, разъѣзжая по морю »на корабляхъ, не привыкъ и не въ силахъ ѣздить верхомъ. Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ быть »въ дали, слышать трескотню, громъ битвы, и »нѣсколько часовъ сряду ни кого не видать и »ничего не знать.«

Въ 6 часовъ по полудни.

»Опять ходилъ я далеко въ поле прислушиваться пушечному грому: маленькая надежда мнѣ

»польстила, и я веселѣе возвратился домой. По »гулу слышно, что пальба удаляется; изъ чего »заключаю я, что непріятель отступаетъ; ибо »думаю, ежели бы мы отступили, то пальба ста»новилась бы слышнѣе, и тогда, при уменшеніи »разстоянія между нами, можетъ быть кто ни»нибудь появился бы ужè здѣсь. Такъ размыш»лялъ я, и молилъ Бога, чтобъ заключеніе мое »было справедливо. Тогда, какъ голова моя на»полнена была сими мечтаніями, вдругъ увидѣлъ »я жалкое зрѣлище: навстрѣчу мнѣ ѣдутъ нѣ»сколько телѣгъ, на которыхъ везутъ раненыхъ »солдатъ нашихъ. Стонъ сихъ несчастныхъ по»разилъ меня, такъ что я сжавъ сердце пробѣ»жалъ мимо ихъ; хотѣлъ подойти къ нимъ и »спросить что нибудь, но что можно отъ нихъ »узнать, и до разговоровъ ли имъ бѣднымъ?«

Въ 8 часовъ по полудни.

»Нѣтъ возможности усидѣть на мѣстѣ! »опять отдохнувъ не много ходилъ я туда же. »Надежда моя исчезла и превратилась въ опасе»ніе. Бой продолжается, но громъ пушечный »сталъ ближе и гораздо сильнѣе. Сраженіе, какъ »думать должно, происходитъ жестокое и упор»ное. Сверхъ того услышалъ я непріятныя вѣ»сти: мужикъ, пришедшій по видимому изъ той »стороны, встрѣтясь близко меня съ другимъ

»идущимъ отселѣ мужикомъ, сказалъ ему: *ну*, *»братъ, пропали мы! Французы въ Лейпцигѣ, »чай грабятъ ярманку.* Услыша это подошелъ »я къ нему расспросить о подробностяхъ. Онъ »не умѣлъ ничего мнѣ больше сказать, но сего »было довольно для возмущенія чувствъ моихъ. »Городъ этотъ, подумалъ я, былъ въ нашихъ »рукахъ. Естьли мы не въ силахъ были его »удержать, то стало быть побѣда (и кто знаетъ »какая?) на сторонѣ Французовъ. Мысль сія не»торгла изъ груди моей тяжелый вздохъ. Идучи »дорогою восклицалъ я внутренно: Боже мило»сердый! не дай мнѣ услышать что нибудь ху»дое о Государѣ, о войскахъ нашихъ, о прія»теляхъ и знакомыхъ моихъ, которые тамъ! по»слѣ сего ты можешь себѣ представить, какъ »грустенъ возвратился я домой, и въ какой ску»кѣ пишу къ тебѣ сіе письмо.«

Въ 10 часовъ по полудни.

»Ночь такая темная, что ничего не видно. »Погода сырая и небо покрыто облаками. Паль»ба не давно умолкла. Послѣдніе залпы были »прежестокіе. Теперь все тихо, но боюсь, чтобъ »тишина эта не разрушилась вдругъ какимъ»либо нежданнымъ шумомъ и тревогою. Извѣстій »никакихъ нѣтъ. На всякой случай велѣлъ я, »чтобъ коляски наши (то есть моя и моихъ чи-

»новниковъ) были запряжены и кучерà отъ »нихъ не отходили. Самъ не раздѣваюсь; хочу »прилечь, но не думаю, чтобъ могъ заснуть. »Покрайней мѣрѣ отдохну и подремлю немно-»го.«

На другой день въ 6 часовъ по утру.

»Сію минуту прислано повелѣніе, чтобъ »Государевы экипажи немедленно отправились »въ мѣстечко Пенингъ. Это значитъ назадъ. Слѣ-»довательно мы отступаемъ. Справляться какъ, »что и за чѣмъ, не у кого и нѣкогда. Поскорѣй »въ коляску, и дай Богъ ноги. Прости!«

Изъ мѣстечка Пенингъ.

»Слава Богу! Я пріѣхалъ сюда безъ боль-»шихъ затрудненій, думая здѣсь дожидаться Го-»сударя, но какъ велико было мое удивленіе, »когда я нашелъ Его, и всѣхъ съ Нимъ быв-»шихъ, давно ужè тутъ! они съ мѣста сраженія »проѣхали ночью другою дорогою мимо насъ. »Ну! подумалъ я, этакъ не мудрено попасть въ »руки непріятеля, когда, считая главную квар-»теру въ переди, станешь находить ее позади »себя, не имѣя между собою и непріятелемъ ни-»кого, не только защищающаго, ниже остере-»гающаго тебя заблаговременнымъ извѣщеніемъ! »—Увѣряютъ, что во вчерашнемъ сраженіи ни-

»чего рѣшительнаго не произошло; однакожъ »мы направляемъ путь свой обратно къ Дрез»дену, откуду надѣюсь я имѣть поспокойнѣе »время къ тебѣ писать.«

Въ Дрезденѣ Государь приказалъ мнѣ написать двѣ слѣдующія бумаги:

ПЕРВАЯ

Приказъ войскамъ Нашимъ.

»Воины! происходившее двадцатаго числа »сего мѣсяца знаменитое при Гернисѣ *) сраже»ніе покрыло васъ новыми лаврами. Устройство, »соединенное съ мужествомъ присутствовало во »всѣхъ вашихъ движеніяхъ. Непріятель, не смо»тря на стараніе свое держаться въ закрытыхъ »мѣстахъ, не могъ въ нихъ отъ пораженій ва»шихъ укрыться, и съ пролініемъ многой кро»ви своей, уступая ихъ, долженъ былъ почув»ствовать силу вашей руки. Храбрые союзники »наши, Пруссаки, явили себя достойными той »славы, какую изъ давнихъ временъ пріобрѣ»ли. Вы видѣли твердость ихъ и мужество. »Какихъ успѣховъ не должно ожидать отъ дру»желюбной связи и соревнованія толь храбрыхъ

*) Тоже что при Люценѣ.

»народовъ? Воины! вся Европа на васъ смотритъ »и ожидаетъ отъ васъ своего спасенія. Собственное ваше и общее благо зоветъ васъ къ новымъ »подвигамъ. Нанесите еще ударъ, и врагъ вашъ »вострепещетъ передъ вами. Спокойствіе повсю»ду водворится и слава увѣнчаетъ васъ вѣнцемъ »безсмертія. Правда на нашей сторонѣ; а гдѣ »правда, тамъ и Богъ. Какая разность между »нашею и непріятелей нашихъ причиною бра»ни! мы умираемъ, какъ сыны Отечества, за »собственную свою честь и свободу; а они, какъ »рабы, въ угодность единой корыстолюбивой и »ненасытной воли; ихъ жизнь хуже нашей смер»ти.«

ВТОРАЯ

Рескриптъ супругѣ покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

»Княгиня Катерина Ильинишна. Судьбы Все»вышняго, которымъ никто смертный воспроти»виться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, »опредѣлили супругу вашему, Свѣтлѣйшему Кня»зю Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленско»му посреди громкихъ подвиговъ и блистатель»ной славы своей преселиться отъ временной »жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для »однѣхъ васъ, но для всего Отечества потеря!

»не вы однѣ проливаете о немъ слезы: съ вами »плачу Я и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій »его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя »и дѣла его остаются безсмертными. Благодар»ное Отечество не забудетъ никогда заслугъ его. »Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удив»ляться и внесутъ имя его въ число знамени»тѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвиг»нется памятникъ, при которомъ Россіянинъ, »смотря на изваянный образъ его, будетъ гор»диться, чужестранецъ же уважать землю, по»раждающую толь великихъ мужей. Все полу»чаемое имъ содержаніе велѣлъ я производить »вамъ. Пребываю вамъ благосклонный.«

(Обѣ сіи бумаги подписаны Государемъ въ Дрезденѣ Апрѣля 25 дня 1813 года).

Того же числа отправились мы изъ Дрездена, а на другой или на третій день вступили въ него Французы. *) Мы возвращались по той же самой дорогѣ, по которой сюда пришли.

---

*) Я не могу воздержаться, что бъ не выписать здѣсь прекраснаго описанія, сдѣланнаго въ письмахъ Рускаго Офицера Ф. Н. Глинки, бывшаго въ Дрезденѣ, когда городъ сей по одну сторону рѣки занятъ былъ Французами, а по другую (то есть часть, называемая Нейштадъ) нашими войсками. Въ одномъ письмѣ изъ мѣстечка Гельдгейма пишетъ онъ: „самая бурная осень не такъ обнажаетъ природу, „какъ война опустошаетъ цвѣтущія области! что сдѣла„лось съ Саксоніею? Мы не узнаемъ ее! какая разительная „во всемъ перемѣна! домы пусты, лица мрачны; у васъ го„лодъ, у жителей стонъ.“ — Въ другомъ письмѣ изъ Дрез-

Отступленіе наше было бѣдственно для Саксоніи: войски Наполеоновы непріятелей и союз-

---

„дена или Нейштада: „быстро обскакали мы Дрезденъ, „спѣша переправиться чрезъ понтонный мостъ, потому „что большой уже горѣлъ. Каштановыя алеи цвѣли; въ „воздухѣ разливалось благоуханіе. Великолѣпный Дрезденъ, „увѣнчанный цвѣтами и зеленью садовъ, уподоблялся жер„твѣ, обреченной на закланіе. — Около втораго часа по „полудни Французы ворвались въ городъ, и какъ вода раз„лились по улицамъ; прибѣжали къ мосту, и казалось хо„тѣли перескочить черезъ Эльбу, чтобъ грабить Ней„штадъ, которой мы охраняли; но не могши сего сдѣлать, „начали стрѣлять. Наши егери, засѣвшіе въ развалинахъ „моста, отвѣчали имъ и перестрѣлка не умолкала. Вскорѣ „раздался по всему Дрездену колокольный звонъ, возвѣщав„шій прибытіе *Наполеона*. И такъ въ сію минуту влады„чество Александра и противника Его раздѣляла одна „только рѣка. По сю сторону благословляли добродѣтель„наго защитника правъ Европы, а по ту со стономъ по„корялись извергу. Французскіе офицеры, богато одѣтые, „расположа въ разныхъ мѣстахъ музыки, прогуливались въ „набережномъ саду съ Дрезденскими женщинами. Они ко„нечно хотѣли осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ и „доказать, что тигры могутъ гулять съ агнцами. Хотя „съ ихъ и съ нашей стороны стрѣляли только вдоль по мо„сту, однакожъ пули и картечи далеко хватали черезъ и „свистали по улицамъ. Съ нашей стороны на концѣ моста „возвышенъ былъ земленой *траверзъ*. Пули жужжали какъ „пчелы; вездѣ носилась смерть. Можно было быть убиту „на гуляньѣ, у окна, переходя изъ улицы въ улицу, сидя въ „кругу мирнаго семейства, за столомъ, за стаканомъ мороже„наго...... Опасность была одинакова для обѣихъ сторонъ. „Многія изъ Французскихъ офицеровъ, подходившіе на ли„нію выстрѣловъ, упадали мертвые къ ногамъ своихъ кра„савицъ. Музыка мѣшалась съ пальбою; стоны умирающихъ „съ пѣснями веселящихся; жизнь съ смертію. Многіе граж„дане, даже женщины и дѣти ранены: вотъ въ какомъ со„стояніи была прелестная столица Саксоніи."

никовъ равно грабятъ и разоряютъ. Какая разность въ чувствахъ жителей, когда мы шли впередъ, и когда возвращались назадъ! радости и восхищенія вдругъ превратились въ плачъ и уныніе. Какъ должны были озабочены быть продавцы книгъ и эстамповъ! Заходя къ нимъ видѣлъ я въ лавкахъ ихъ множество книжекъ, въ которыхъ описывались лютости Французовъ; видѣлъ эстампы и рисунки, изображавшіе Наполеона въ разныхъ карикатурныхъ положеніяхъ: въ иномъ изъ нихъ голова его составлена была изъ костей человѣческихъ, въ иномъ представленъ онъ въ безобразномъ и смѣшномъ видѣ. Все это надлежало въ самоскорѣйшемъ времени убирать и прятать.

Продолжая отступать изъ Дрездена приблизились мы къ окрестностямъ Бауцена. Тутъ войски остановились въ намѣреніи ожидать Французовъ, чтобъ снова вступить съ ними въ бой. Государь остановился при войскахъ, а я проѣхалъ въ городокъ Герлицы. Мнѣ отвели прекрасный домъ. На одной половинѣ въ трехъ чистыхъ комнатахъ жилъ я, а на другой самъ хозяинъ, здѣшній житель, человѣкъ очень добрый, съ женою, уже не молодою, но также весьма доброю и ласковою женщиною. Они полюбили меня, поили, кормили, возили прогуливаться, и всячески за мною ухаживали; а о заплатѣ за то не хотѣли и слышать, такъ что

я не зналъ ни чѣмъ инымъ изъявить мою благодарность, какъ только щедрою наградою прислуживавшихъ мнѣ человѣка ихъ и дѣвки. Въ первые дни я занемогъ, и очень опасался, чтобъ болѣзнь моя не усилилась до невозможности выѣхать отселѣ. Хозяйка, сама слабаго здоровья женщина, лѣчила меня мятнымъ чаемъ и какими-то своими кашлями: не знаю отъ нихъ ли, нѣтъ ли, но благодаря Бога мнѣ сдѣлалось легче. Въ смежности съ моими комнатами былъ маленькой украшенной картинами, чистинькой кабинетецъ съ однимъ окошкомъ, къ которому придѣлана была деревянная площадка, вся по бокамъ уставленная розами и лилеями. Изъ сего окна черезъ не большой, но пріятной садикъ, зрѣніе далеко простиралось и представлялся прелестнѣйшій видъ, такъ что я часто по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ книгою въ рукахъ въ сей уютной горенкѣ, провождая время съ великимъ наслажденіемъ ума и очей. По вечерамъ почти каждой день посѣщали меня живущіе здѣсь по тѣмъ же, какъ и я, причинамъ, то есть ожидая послѣдствій наступающаго сраженія, Господа Алопеусъ, Компено, Биллеръ, и нѣкоторые другіе наши чиновники. Однажды Биллеръ, видавшійся часто съ моимъ хозяиномъ, сказалъ мнѣ, что у него здѣсь же въ городѣ есть еще другой прекрасной домъ и садъ. Онъ такъ расхвалилъ мнѣ ихъ, что возбудилъ во мнѣ любопытство

побывать тамъ. Увидясь съ хозяиномъ, я пересказалъ ему это, и просилъ, чтобъ онъ свозилъ меня туда; но весьма удивился, что онъ обѣщалъ мнѣ это съ нѣкоторымъ смущеніемъ, и какъ бы не охотно. Я скоро узналъ тому причину. На другой день Биллеръ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: хозяинъ вашъ горюетъ и хозяйка въ слезахъ.—Отъ чего? спросилъ я.—Отъ того, отвѣчалъ онъ, что вы сбираетесь ѣхать къ нимъ въ тотъ домъ: тамъ у нихъ много хорошихъ картинъ и другихъ рѣдкихъ вещей и украшеній; они думаютъ, что вы туда переѣдете жить, и всѣ сіи вещи возмете себѣ. Я захохоталъ и просилъ его увѣрить ихъ, что я не Французъ, не хочу и не могу сдѣлать сего, и чтобъ они подобнаго оскорбительнаго для меня страха отнюдь не имѣли. Послѣ сихъ объясненій хозяинъ пришелъ ко мнѣ, извинялся предо мною, и повезъ меня туда въ коляскѣ запряженной двумя прекрасными лошадьми, которыми самъ онъ правилъ. Возвращаясь оттуда я похвалилъ его лошадей. Онъ сказалъ мнѣ: купите у меня ихъ, я вамъ уступлю за бездѣлицу, или возмите даромъ. Я отказался и отъ покупки и отъ подаренія, но между тѣмъ спросилъ у него, по чему онъ мнѣ это предлагаетъ? онъ отвѣчалъ: ежели Французы придутъ сюда, они у меня навѣрное ихъ отнимутъ, такъ пусть онѣ достанутся лучше тому, кого мы полюбили, и кому не жалѣ-

емъ отдать. Я поблагодарилъ его за доброе мнѣніе обо мнѣ, и старался сколько можно боязнь его успокоить, говоря, что можетъ быть сего и не случится. Въ другой разъ возилъ онъ меня на одну лежащую въ трехъ верстахъ отселѣ высокую гору, называемую *Ландсъ-Кронъ*. Часъ цѣлый шелъ я на нее, и очень усталъ. Видъ съ нее чрезвычайный: съ одной стороны синѣются въ далекѣ хребты Богемскихъ горъ, а съ другой верстъ на пятдесятъ кругомъ пестрѣютъ разные городки, деревни, поля и лѣса. Мнѣ хотѣлось было также съѣздить и къ Гернгутерамъ; городъ ихъ отстоитъ отселѣ верстахъ въ тритцати; но побоялся, чтобъ не случилось въ это время какой-либо скорой тревоги.

Пребываніе мое въ Герлицахъ, или правильнѣе *Горелицахъ* (ибо въ здѣшнихъ краяхъ почти всѣ имена городовъ и мѣстечекъ суть Славенскія испорченныя) продолжалось около двухъ недѣль. Съ начала слышны были нѣкоторыя перепалки, а потомъ все затихло и умолкло, такъ что мы какъ будто и далеки стали отъ ратнаго поля. Но вдругъ въ одинъ день загрохотали громы, заревѣли пушки, и мы почувствовали, что началось сраженіе между войсками. Громъ день цѣлый не умолкалъ, и ввечеру, когда ужѐ смерклось, былъ еще слышанъ. Мы съ хозяиномъ пошли въ это время за городъ, и видѣли въ разныхъ мѣстахъ заревы го-

рящихъ селъ и деревень. Возвратясь домой, велѣлъ я чтобъ коляски наши были готовы; однакожъ, не ожидая ни какой скорой тревоги легъ спать. Поутру рано будятъ меня и говорятъ, что Государь со всею свитою проѣхалъ ужè городъ, и непріятели въ него вступаютъ. Я вскочилъ, одѣлся торопливо, бросился въ коляску, и оставя хозяевъ своихъ въ горѣ и слезахъ, ну скорѣе скакать!

Въ продолженіе дальнѣйшихъ отступленій нашихъ были въ разныхъ мѣстахъ многія частныя съ непріятелемъ битвы, описанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, а потому и пропускаемыя мною безъ упоминанія объ нихъ. Со мною же ничего особеннаго не происходило, кромѣ сопровождавшихъ иногда меня скучныхъ мыслей, видѣть непріятеля своего, шествующаго по слѣдамъ нашимъ торжественными стопами. Привычка, послѣ совершеннаго разгромленія войскъ его въ Россіи воображать силы его ничтожными, дѣлало сіе гордое движеніе его для меня несноснымъ. По прибытіи главной квартиры въ Саксонской городокъ Рейхенъ-Бахъ приказано мнѣ было написать слѣдующую бумагу:

Войскамъ Нашимъ.

»Воины! вы на поляхъ брани украсили се»бя новымъ вѣнцемъ славы. Отечество съ радо-

»стію видитъ въ васъ достойныхъ своихъ сы»новъ. Седмаго числа войска подъ предводитель»ствомъ Генерала отъ Инфантеріи Барклая-де»Толи съ великою храбростію поразили непрія»тельскій подъ начальствомъ Генерала Лори»стона корпусъ, взяли 7 пушекъ и полторы »тысячи плѣнныхъ съ четырью Генералами и »многими Штабъ и Оберъ-Офицерами. Въ продол»жавшееся 8-го и 9-го числъ знаменитое сраже»ніе, Будисинскія *) поля были свидѣтелями »твердости и мужества, съ какими противустоя»ли вы превосходнѣйшей противъ васъ непрія»тельской силѣ. Движеніе, какое надлежало по»томъ взять, для завлеченія далѣе непріятеля и »соображенія дѣйствій нашихъ съ подходящими »къ намъ запасными войсками и готовящимися »совозстать съ нами союзниками, сдѣлано было »съ наилучшимъ порядкомъ и благоустройствомъ; »чѣмъ стяжали вы себѣ справедливую похвалу »и удивленіе самаго непріятеля. Воины! изъявляю »вамъ Мою благодарность и полагаю несомнѣн»ную надежду на вашу храбрость. Десница Вышн»няго да подкрѣпитъ васъ и пребудетъ съ вами.«

(На подлинномъ подписано: АЛЕКСАНДРЪ.
Рейхенбахъ. Маія 1813 года).

Напослѣдокъ сдѣлалось перемиріе. Мы уклонились въ Силезію въ мѣстечко называемое Петер-

*) Тоже что Бауценскія.

свальдау. Государь остановился въ господскомъ довольно огромномъ домѣ съ обширнымъ при немъ, но запустѣвшимъ, садомъ. Намъ съ Балашовымъ отвели обывательскую избу, (ибо иныхъ домовъ тамъ не было). Мы жили въ двухъ маленькихъ горницахъ, онъ въ низу, а я въ верху, часто, а особливо въ ненастную погоду, провождая время скучнымъ образомъ. Балашовъ на время отлучался отселѣ. Въ уединеніи моемъ посѣщалъ меня иногда пріѣзжавшій сюда Виртембергской Герцогъ Павелъ, отецъ Великой нашей Княгини Елены Павловны, бывшей тогда еще въ дѣвицахъ. Не имѣвъ долго случая докладывать Государю о накопившихся у меня дѣлахъ, началъ я ходить къ Нему съ докладами. Однажды, по полученіи извѣстія о смерти Президента Россійской Академіи Нартова, донеся о томъ, сказалъ я Ему, что я охотно принялъ бы на себя сіе званіе, естьли бъ это желаніе не противно было волѣ Его Величества. Государь весьма для меня лестно и милостиво отозвался, и приказалъ заготовить Указъ, которой тогда же и подписалъ. Между тѣмъ продолжая ходить часто съ докладами, я не могъ надивиться скучному, уединенному, и какъ мнѣ казалось несносному образу жизни Государя Императора. Въ пустомъ огромномъ домѣ, жили они только двое: Графъ Толстой въ одномъ, а Государь въ другомъ далекомъ отъ него углу. Передъ окнами

кабинета Его, гдѣ Онъ цѣлые дни, всегда почти одинъ, препровождалъ, находился обширный и запустѣвшій садъ съ грязнымъ покрытымъ тиною прудомъ, въ которомъ по вечерамъ, довольно длиннымъ и темнымъ, безпрестанно квакали лягушки, такъ что всякой разъ, когда сидя одинъ со свѣчкою передъ Его кабинетомъ, дожидался я иногда болѣе часа, покуда Онъ позоветъ, находилъ на меня въ этой пустотѣ комнатъ, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе. —Приведя къ окончанію нужнѣйшіе изъ моихъ докладовъ, попросился я съѣздить въ Карлсбадъ. Сперва Государь не охотно на то соглашался, но когда сказалъ я Ему, что чувствую себя очень нездоровымъ, и что постараюсь какъ можно скорѣе возвратиться, то Онъ дозволилъ, и я немедленно отправился.

По пріѣздѣ моемъ въ Карлсбадъ, нашелъ я тамъ многихъ изъ нашихъ Рускихъ: Анну Степановну Протасову, Графа Милорадовича, Волхонскаго, Орлова, и нѣкоторыхъ другихъ. Вскорѣ тудаже пріѣхали Великія наши Княгини Екатерина Павловна и Марія Павловна. Онѣ часто приглашали насъ къ своему столу; а мы сложась дали имъ великолѣпный балъ. Употребленіе Карлсбадскихъ водъ не облегчило ни мало тѣхъ припадковъ, которыми я часто страдалъ, и хотя время провождалъ я тамъ съ

пріятностію, однакожъ, давъ слово Государю не долго быть въ отсутствіи, спѣшилъ возвратиться въ Петерсвальдау, гдѣ продолжалъ жизнь свою по прежнему, то есть уединенную и довольно скучную.

Напослѣдокъ бывшій въ Прагѣ Конгрессъ разрушился, перемиріе кончилось и военныя дѣйствія долженствовали снова возгремѣть. Силы наши умножились: Австрійскій Императоръ вступилъ съ нами въ союзъ, и объявилъ войну Французамъ. Государь отправился въ Прагу. Я послѣдовалъ за нимъ, но едва успѣлъ выѣхать, какъ принужденъ былъ остановиться по причинѣ почувствованія сильной головной боли. Черезъ ночь стало мнѣ получше, и я продолжалъ путь. По пріѣздѣ въ Прагу (Августа 3 числа) отвели мнѣ покои во дворцѣ. На другой день былъ я у Государя и у Великихъ нашихъ Княгинь, Маріи Павловны и Екатерины Павловны, не давно сюда пріѣхавшихъ. Представился Австрійскому Императору, и былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ. Сюда пріѣхалъ изъ Америки сосланный туда Наполеономъ вмѣстѣ и сотоварищъ его и соперникъ, извѣстный Французскій Генералъ *Моро*, воевавшій нѣкогда противъ Суворова и побѣжденный имъ. Онъ принятъ былъ отъ Государя нашего и Прускаго Короля съ великою честію.

Мы пробыли здѣсь не долѣе трехъ дней и всѣ отправились подъ Дрезденъ, гдѣ Наполеонъ съ главною частію войскъ своихъ пребывалъ. Я поѣхалъ вскорѣ за Государемъ и нагналъ Его въ Комметау *), но въ самое то время, когда Онъ выѣзжалъ ужѐ изъ него. Положеніе мое сдѣлалось опять затруднительно: я не имѣлъ никакаго приказанія куда ѣхать, гдѣ быть, и долженъ былъ самъ собою распоряжать, зная на вѣрное, что ни въ какомъ случаѣ ни кто меня ни о чемъ не увѣдомитъ. Съ начала рѣшился я остаться здѣсь, въ томъ предположеніи, чтобъ ожидать слуховъ, чѣмъ кончится сраженіе подъ Дрезденомъ, дабы потому расположиться куда ѣхать; но Графъ Платовъ пришелъ ко мнѣ и уговорилъ меня продолжать путь еще

---

*) Мѣстечко на Богемской границѣ, верстахъ въ осмидесяти отъ Дрездена. Имя сіе испорчено изъ Славенскаго, какъ то можно видѣть изъ надписи: *Homulovo* (т. е. *Хомутово*), начертанной на воротахъ онаго. Я ужѐ выше сказалъ, что нынѣшнія названія многихъ Нѣмецкихъ городовъ и мѣстечекъ суть имена искаженныя изъ Славенскихъ словъ, какъ то: изъ Хомутово *Комметау*, изъ Липецка *Лейпцигъ*, изъ слова прагъ (въ смыслѣ обитанія, жительства) *Прага*, изъ Кралевъ-градецъ *Кенигъ-грецъ*, изъ Болеславъ *Бунслау*, изъ Бориславъ *Бреслау*, изъ Будисынъ *Будисинъ* или *Бауценъ*, и проч. Въ историческомъ описаніи сего послѣдняго мѣстечка повѣствуется, что первоначальный построитель онаго далъ ему имя сіе, значащее на Славенскомъ языкѣ *буди сынъ*, по той причинѣ, что жена его въ это время была беременна, и онъ желалъ, чтобъ она родила сына.

далѣе. Онъ далъ мнѣ въ провожатые двухъ казаковъ, и я поѣхалъ за нимъ въ слѣдъ. Почти всю ночь тащился я между обозами по горамъ, по лѣсамъ, въ проливной дождь, того только и ожидая, что гдѣ нибудь сломлю себѣ голову. Наконецъ переѣхавъ верстъ около тритцати, добрался гораздо ужé за полночь до Саксонскаго мѣстечка, называемаго *Маріенбергъ.* Мѣстечко сіе набито было и Генералами, и Офицерами, и солдатами всѣхъ союзныхъ войскъ, такъ что я часа два принужденъ былъ стоять на улицѣ, покуда добился, что отыскали и пустили меня въ одинъ ни кѣмъ не занятой домъ. По утру проснулся я чувствуя себя не очень здоровымъ и при томъ скучнымъ, какъ отъ худой погоды, такъ и отъ непріятныхъ моихъ обстоятельствъ, не зная, гдѣ мнѣ быть, и куда еще ѣхать. Въ задумчивости о семъ подошелъ я къ окошку и увидѣлъ высокое вишневое дерево, осыпанное крупными и зрѣлыми ягодами, и такъ близко отъ окна, что высунувъ изъ него руку можно было нарвать ихъ сколько угодно. Мнѣ очень захотѣлось поѣсть ихъ, тѣмъ больше, что время имъ прошло, и нигдѣ ужé достать ихъ было не можно; однако жъ я посовѣстился рвать ихъ, и ни къ одной изъ нихъ не прикоснулся. Между тѣмъ дѣвка приноситъ ко мнѣ кофій. Я спрашиваю у ней, не льзя ли гдѣ купить здѣсь вишенъ? она усмѣхнувшись отвѣчаетъ, что теперь

ужъ поздо, и ни гдѣ ихъ не продаютъ. Часа черезъ два потóмъ приходитъ ко мнѣ хозяинъ и приноситъ полное блюдо сихъ ягодъ. Я догадался, что дѣвка пересказала ему вопросъ мой, и не хотѣлъ принять, отговариваясь тѣмъ, что безсомнѣнія сорвалъ онъ ихъ съ этова дерева, которое по видимому для какой нибудь надобности съ отмѣнною бережливостію сохраняетъ. Не *я*, отвѣчалъ онъ, но жена моя до нихъ охотница, и это свое любимое дерево, отъ отца ея тутъ посаженное, холитъ и бережетъ, какъ глаза, чтобъ въ то время снимать съ него ягоды, когда онѣ нальются самымъ зрѣлымъ сокомъ, и въ другихъ мѣстахъ станутъ проходить. Тѣмъ меньше, сказалъ *я*, можно мнѣ на то согласиться, что вы для меня отнимаете удовольствіе у вашей супруги. Однакожъ онъ сталъ меня усильно просить, сказывая, что она сама его послала, и что для ней много еще ихъ остается. Напослѣдокъ я принялъ съ благодарностію, и половину изъ нихъ съѣлъ, а другую оставилъ для будущаго дня. На другой день по утру проснулся и пошелъ взглянуть на прекрасное дерево, но какъ удивился, увидя, что не только нѣтъ на немъ ни единой ягодки, но и сучья всѣ поломаны! Тажъ дѣвка приноситъ ко мнѣ кофій, и я спрашиваю у ней, какимъ образомъ это сдѣлалось? она сказываетъ, что проходившіе и ночевавшіе здѣсь Австрійскіе солдаты рано по

утру напали на него смѣлѣе, чѣмъ на непріятеля, и такъ его изуродовали. Я позвалъ хозяина, изъявилъ ему мое сожалѣніе, и хотѣлъ отдать ему назадъ оставшуюся у меня половину вчерашнихъ вишенъ, но онъ ни какъ на то не согласился. Такимъ образомъ мы вмѣстѣ съ нимъ потужили, погоревали, и побранили сихъ хищныхъ вороновъ, которые невинныхъ жителей разоряютъ и грабятъ безъ пощады.—Покрытое черными тучами небо, худость моего состоянія и здоровья, уединеніе, скука, и это, хотя и маловажное, но непріятное приключеніе, погрузили меня въ мрачныя мысли: сколько (размышлялъ я ходя взадъ и впередъ по комнатамъ), сколько золъ и бѣдствій человѣческому роду приключаетъ война! теперь къ Дрездену и къ окрестностямъ его стеклись многія тысячи войскъ. Съ утра до вечера тянутся туда тяжелыя повозки, влекомыя четырьмя или шестью лошадями. Вся эта громада людей и животныхъ тащится усталая, голодная, по худымъ грязнымъ дорогамъ, по крутымъ горамъ, по тѣснымъ ущеліямъ, тогда какъ на нее безпрестанно льютъ дожди, и цѣлую половину сутокъ покрываютъ ее сырыя темныя ночи. Бѣдные жители видятъ у себя не только всѣ поля потоптанными, но и домы свои расхищаемыми. Кто сіи грабители? чуждые къ нимъ пришельцы, воины! но они, приключая другимъ зло, сами благоденствуютъ ли?

Нѣтъ они столько же, или еще больше терпятъ стянутые, навьюченные, обремененные оружіемъ, бредутъ въ знойныя времена высуня языкъ, а въ ненастныя промокшіе до костей, верстъ по тритцати въ день, часто спятъ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ, и кудажъ послѣ изнурительныхъ и тяжелыхъ трудовъ приходятъ? Къ покою и отдохновенію что ли? Нѣтъ! къ дракѣ, гдѣ имъ должно стоять противъ ядръ и пуль, колоться, рѣзаться, рубиться сами не зная за что. О люди, люди! въ какое бѣдствіе вы сами себя ввергаете! Вы называетесь Христіянами, но естьли бы Святая вѣра владычествовала въ умахъ и сердцахъ вашихъ, вы бы для общаго всѣхъ благополучія старались одинъ другому помогать, а не истреблять другъ друга. Такъ размышлялъ я, и утомленный мыслями легъ въ постелю.

Между тѣмъ, всѣ отсюда ускакали, и мѣстечко сіе совершенно опустѣло. Я долго самъ съ собою боровшись напослѣдокъ рѣшился остаться въ немъ. Многія причины меня къ тому побуждали: во первыхъ, я опасался ѣхать далѣе, видя столько дней сряду проливныхъ дождей, и проѣхавшихъ мимо насъ обозовъ. Естьли паче чаянія, думалъ я, войски наши не устоятъ подъ Дрезденомъ, то мнѣ надобно будетъ по грязной дорогѣ загроможденной обозами скакать назадъ, отъ чего или лошади мои устать или коляска из-

ломаться можетъ. Во вторыхъ здѣсь въ Маріенбергѣ оставались съ Гофъ-фурьеромъ придворныя коляски, при которыхъ для охраненія ихъ находился казачій Полковникъ съ ротою казаковъ, служившихъ и мнѣ надежною оборонoю. Наконецъ въ третьихъ, здоровье мое было такъ слабо, что я боялся еще болѣе занемочь. По всѣмъ симъ причинамъ разсудилъ я за лучшее остаться здѣсь, хотя и въ крайней скукѣ, ожидать развязки предстоящей битвы. — На третій день приходитъ ко мнѣ хозяинъ мой и говоритъ, что передъ входомъ войскъ нашихъ въ сіе мѣстечко находилось здѣсь человѣкъ до четырехъ сотъ Поляковъ, которые въ это время разбѣжались и многіе изъ нихъ не имѣя чѣмъ себя прокормить, скитаются въ окрестности по лѣсамъ; что въ прошедшую ночь неподалеку отселѣ, выбѣжали они изъ лѣсу вооруженные, и напали на проѣзжающихъ обывателей, которыхъ ограбили и отняли у нихъ всѣ съѣстные припасы. При семъ расказѣ изъявилъ онъ опасеніе, чтобъ они ночью не забѣжали сюда и не сдѣлали тоже съ нами, потому что для охраненія придворныхъ колясокъ находятся здѣсь только четыре казака, а прочіе стоятъ въ окружности по деревнямъ отдаленнымъ отселѣ версты на три, на четыре и болѣе. Въ слѣдствіе сего послалъ я тотчасъ попросить къ себѣ Полковника ихъ Ефремова и пересказалъ ему слышанное мною.

Онъ въ тотъ же день перевелъ сюда человѣкъ до пятидесяти казаковъ, и съ тѣхъ поръ всякое утро приходилъ ко мнѣ съ донесеніемъ о своихъ распоряженіяхъ, и спрашивалъ моихъ приказаній, словно какъ бы состоялъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ. Это приносило мнѣ покрайней мѣрѣ ту отраду, что я почиталъ себя огражденнымъ отъ нечаяннаго приближенія и набѣговъ непріятельскихъ. Но и сіе единственное мое утѣшеніе чуть было не разрушилось: Гофъ-Фурьеръ, не получая долго ни какихъ повелѣній, и опасаясь быть долговременно въ отдаленности отъ главной квартиры, вздумалъ съ придворными своими колясками ѣхать туда. Сколько я ни уговаривалъ его остаться здѣсь до полученія извѣстій, но онъ боялся больше брюжжаній Графа Толстова, нежели предстоящихъ ему опасностей. До него мало мнѣ было нужды, но Полковникъ Ефремовъ съ казаками своими долженъ былъ слѣдовать за нимъ, и это наводило мнѣ крайнее безпокойство. По счастію пронеслись хотя невѣрные слухи, что подъ Дрезденомъ двои сутки продолжалась сильная пальба, но что конецъ сраженія не извѣстенъ. Это удержало на время Гофъ-фурьера отъ исполненія своихъ намѣреній. Скоро послѣ того хозяинъ мой увѣдомилъ меня, что пріѣхавшая сей часъ изъ деревни женщина сказываетъ, что она видѣла Французовъ, не да-

лѣе какъ мили за три отселѣ. Вѣсть сія весьма меня потревожила, и тѣмъ болѣе, что не вѣрить ей опасно, а повѣрить и располагать себя по ней, могло быть скоропостижно и опрометчиво. Однакожъ я послалъ за казачьимъ Полковникомъ. Онъ обнадежилъ меня, что разставитъ по дорогѣ казаковъ, которые въ случаѣ приближенія непріятеля дадутъ заблаговременно знать. Такимъ образомъ успокоясь рѣшился я остаться, покуда чего вѣрнѣе не услышимъ. Вскорѣ потóмъ стали появляться возвращающіеся назадъ Австрійскіе обозы. Это подало мнѣ еще больше сомнѣнія. Подвечерь пришли мнѣ сказать, что пріѣхалъ Австрійскій Генералъ. Я тотчасъ пошелъ къ нему, велѣлъ о себѣ доложить, и меня пустили. Онъ сидѣлъ за столомъ, и не знаю ужиналъ ли или обѣдалъ. Голова у него обвязана была платками. Я извинился, что его обезпокоилъ, и спросилъ о пребываніи нашихъ войскъ, и вообще о происшествіяхъ. Онъ отвѣчалъ, что о нашихъ войскахъ и Государѣ ничего не вѣдаетъ, а о своихъ знаетъ только то, что они разбиты, бѣгутъ и за ними гонятся. Не ранены ли вы? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но скакавъ сюда въ коляскѣ по худой чрезвычайно дорогѣ нѣсколько разъ былъ я опрокинутъ, и разбилъ себѣ всю голову. Въ это время съ растревоженнымъ видомъ приходитъ ихъ Полковникъ. Генералъ потчиваетъ его виномъ, а

онъ отвѣчаетъ: до вина ли мнѣ теперь? весь мой полкъ загнанъ въ ровъ и взятъ въ плѣнъ; я одинъ на силу ускакалъ. Видя изъ разговоровъ ихъ, что пріѣхавшая женщина сказала правду, спѣшилъ я отъ нихъ уйти, послалъ увѣдомить о томъ Гофъ-фурьера, и велѣлъ, чтобъ лошади были готовы; но какъ за темнотою ночи выѣхать было не можно, то принужденъ я былъ, хотя и со страхомъ, остаться до утра. Поутру приходитъ ко мнѣ казачій Полковникъ и говоритъ, что не худо отселѣ уѣхать. Я тотчасъ велѣлъ заложить лошадей, сѣлъ въ коляску и отправился вмѣстѣ съ придворными повозками и казаками. Французы (какъ слышно) черезъ два часа послѣ насъ вошли въ Маріенбергъ. *) Между тѣмъ мы пріѣхали въ Комметау, и какъ лошади наши устали, то мы расположились тутъ ночевать. По дорогѣ видѣли вездѣ смятеніе. Всякъ кто имѣлъ у себя что нибудь, укладывался и сбирался уѣхать изъ своего жилища. Въ Комметау нашли мы тужъ тревогу. Но со всѣмъ тѣмъ никто не умѣлъ намъ сказать о положеніи нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Говорили только, что Французы идутъ къ Теплицамъ. Это,

---

*) Балашовъ увидясь послѣ со мною сказывалъ мнѣ, что онъ въ это время отправилъ къ намъ Офицера съ казакомъ, но Французы на дорогѣ захватили ихъ, Офицера взяли въ плѣнъ, а казака изъ подлой мести убили.

по незнанію гдѣ наши войски навело намъ опять новое опасеніе попасть непріятелю въ руки; потому что Те́плицы хотя были и въ сторонѣ, но въ переди насъ, такъ что дорога ѣхать въ Лаунъ, отстоящій отъ Комметау миляхъ въ четырехъ Нѣмецкихъ, вела близко къ нимъ и подвергала насъ страху повстрѣчаться съ Французами. Однакожъ нѣчего было дѣлать, надлежало пробираться въ Прагу. На другой день поутру, собираясь ѣхать изъ Комметау, пошелъ я пройтиться по улицѣ, и вижу скачущаго верькомъ мимо меня Рускаго Офицера. Я остановилъ его и спросилъ, не знаетъ ли онъ гдѣ наша главная квартира? онъ отвѣчалъ мнѣ: въ Лаунѣ, Государь и всѣ войски тамъ. Можно себѣ представить мое удивленіе! ѣдучи за нею къ Дрездену, я остановился въ Маріенбергѣ, слишкомъ въ пятидесяти верстахъ позади ея, жилъ тамъ нѣсколько дней ничего не вѣдая, отъѣхалъ оттуда верстъ тритцать назадъ, считая себя еще больше отдалившимся отъ нея, и вдругъ слышу, что она въ Лаунѣ, то есть верстъ тритцать или болѣе позади меня! вотъ какъ надежно и безопасно ѣздить за нею! При выѣздѣ изъ Комметау хотя слухи о близости непріятеля и тревожили насъ, однакожъ не случилось съ нами ничего непріятнаго, выключая, что въ одномъ мѣстѣ, равняясь противъ Те́плицъ, и опасаясь наѣхать на Французовъ, напротивъ наѣхали мы

на Австрійскихъ солдатъ, которые съ ружьями и во всемъ воинскомъ одѣяніи лежали раскидавшись версты на двѣ по дорогѣ, и всѣ, какъ убитые спали мертвымъ сномъ. Мы съ не малымъ трудомъ должны были объѣзжать ихъ стороною. По пріѣздѣ въ Лаунъ (Августа 17 дня) узналъ я, что главная квартира здѣсь, но Государь уѣхалъ въ Тéплицы, гдѣ при деревнѣ, называемой *Кульмъ*, происходило сраженіе, въ которомъ гвардія наша увѣнчалась безсмертною славою. Французской полководецъ Вандамъ шелъ съ сильнымъ корпусомъ прямо на Прагу, но встрѣченный нашими войсками разбитъ и опрокинутъ. Нѣсколько тысячъ рядовыхъ со многими пушками, Офицерами, и самъ Вандамъ, взяты были въ плѣнъ. *) Изъ нашихъ нѣкоторые Офицеры убиты, иные тяжело ранены. У начальствовавшаго надъ сими войсками Графа Остермана оторвало ядромъ руку. Особенно Генералу Ермолову приписываютъ въ семъ дѣлѣ великую честь. Подобныя же извѣстія получены о побѣдахъ, одержанныхъ въ одной сторонѣ Прускимъ полководцемъ Блюхеромъ, а въ другой Швед-

*) Счастливо случившаяся побѣда сія была причиною благополучнаго пріѣзда моего въ Лаунъ, безъ чего можетъ быть претерпѣли бы мы нападеніе отъ непріятеля. Лежавшіе по дорогѣ Австрійскіе солдаты по видимому были въ семъ дѣлѣ и утомленные не могли дойти до лучшаго пристанища.

скимъ Принцемъ Бернадотомъ, гдѣ также, въ обоихъ мѣстахъ, войски наши много участвовали. Такимъ образомъ обстоятельства наши, казавшіяся при отступленіи отъ Дрездена весьма худыми, благодаря Бога, поправились.

Мѣстечко Лаунъ такъ наполнено было разныхъ Державъ Министрами, Генералами, и всякаго званія чиновными людьми, что я въѣхавъ въ него, не могъ, сыскать ни одного дома для пристанища. Наконецъ Графъ Платовъ пригласилъ меня къ себѣ: онъ изъ двухъ худыхъ комнатъ, уступилъ мнѣ одну. Отъ него услышалъ я, что во время сраженія подъ Дрезденомъ у извѣстнаго (вышепомянутаго нами) Французскаго Генерала Моро, тогда какъ онъ стоялъ рядомъ съ Государемъ Императоромъ, оторвало ядромъ обѣ ноги. Вотъ за чѣмъ человѣкъ спѣшилъ пріѣхать изъ Америки!

Хотя побѣды наши были довольно громки, но какъ это былъ еще не конецъ войны, то я наскуча безполезнымъ и опаснымъ для меня скитаніемъ съ главною квартирою, гдѣ при каждомъ сраженіи надлежало мнѣ отставать отъ ней, и подвергаться затруднительнымъ обстоятельствамъ, а притомъ и чувствуя здоровье мое разстроеннымъ, просилъ Государя отпустить меня въ Прагу, гдѣ бы я могъ полѣчиться и пробыть хотя нѣсколько времени въ покоѣ. Долго не имѣлъ я на прозбу мою отвѣта, одна-

ко наконецъ получилъ позволенie. Въ ожиданiи сего продолжалъ я жить въ Лаунѣ (Государь же большою частiю находился въ Теплицахъ) и не за излишнее считаю пересказать нѣкоторыя видѣнныя мною здѣсь приключенiя. На третiй день прiѣзда моего сюда пошелъ я прогуливаться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ вижу впереди себя нѣчто необыкновенное. На встрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Посреди сей толпы народа нѣсколько человѣкъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествiе, тихое, подобное погребальному. Я сперва не зналъ что такое, но скоро отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: *Моро! Моро!* я съ начала подумалъ, что несутъ тѣло его, ибо по блѣдности лица не можно было узнать, живъ ли онъ или мертвъ; но вскорѣ увидѣлъ, что онъ поднялъ руку, и хватаясь за висячую кисть какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжкое страданiе, и толь несчастное приключенiе, такъ скоро послѣ совершенiя имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сiе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшiе его шли за нимъ съ сожалѣнiемъ, и вездѣ слышны были ему похвалы. Онъ жилъ послѣ сего только два дни. Тѣло его отвезено въ Петербургъ.

Другое зрѣлище было совсѣмъ противное сему: я также прогуливался по той же дорогѣ, и вижу, что на встрѣчу мнѣ ѣдетъ коляска,

въ которой сидитъ нашъ Руской Фельдъ-егерь и съ нимъ Французской Генералъ. Тотчасъ всѣ закричали: *Вандамъ! Вандамъ!* и всѣ побѣжали за нимъ. Любопытство понудило и меня возвратиться назадъ. Лишь только подъѣхалъ онъ къ почтовому двору, какъ вся эта улица заперлась разныхъ чиновъ и званія людьми. Покуда онъ сидѣлъ на почтѣ (что продолжалось около часа), народъ не отходилъ прочь. Я нарочно похаживалъ между кучами людей и слушалъ что́ говорятъ. Не было человѣка, которой не придумывалъ бы ему всякихъ ругательныхъ словъ и названій. Напослѣдокъ Фельдъ-егерь, которому надлежало вести его въ Москву, мужичнище дородѣе самаго Вандама, появился; лошади были готовы, и коляска подъѣхала къ почтовому двору. Нетерпѣніе народа увидѣть его сдѣлалось живѣе и примѣтнѣе: всѣ стали толпиться къ коляскѣ: иной говоритъ почталіону: „*за чѣмъ не запрягъ ты навозную телѣгу, и той для него много.*" другой: „*смотри, братъ, вези его тихонько, „дай людямъ наплевать ему въ рожу.*" Третій: „*Опрокинь его гдѣ нибудь такъ, чтобъ ему „голову размозжить.*" Четвертый: „*тебѣ бы вести его на свиньяхъ, а не на лошадяхъ.*" Подобныя рѣчи съ присовокупленіемъ презрительныхъ насмѣшекъ безпрестанно твердились. Почталіонъ, шутя и самъ на счетъ его со всѣми, напослѣдокъ взялъ свой рогъ и затрубилъ. Всѣ

засмѣялись и закричали „*хорошо! хорошо! зови его скорѣе.*" Тѣ, которые были въ горницѣ съ Вандамомъ, сказывали, что онъ въ это время отъ страха измѣнился въ лицѣ, и поблѣднѣлъ; однакожъ скрѣпился и вышелъ, спѣша поскорѣе сѣсть въ коляску. Тутъ окружила его толпа людей. Иной съ горькою и упрекательною насмѣшкою говорилъ ему „*что прикажешь въ Гамбургъ?*" другой „*что въ Любекъ?*" третій „*что въ Бременъ?*" (города сіи больше всѣхъ другихъ мѣстъ были свидѣтелями и жертвою его грабительства и лютости). Иной кричалъ ему: *доброй путь въ Сибирь!* иной: *лови тамъ соболей!* иной: *копай руду въ Нерчинскѣ*! иной съ гнѣвомъ восклицалъ: *du Tiger!* иной: *du Crocodil!* иной: *du giftige Schlange!* (ядовитая змѣя). Одинъ, не говоря ни слова, съ яростію скрыпѣлъ на него зубами, и показывалъ ему сжатые кулаки. Вандамъ былъ въ чрезвычайной робости, поминутно кланялся на обѣ стороны. Смѣшно было видѣть его откланивающагося съ трусостію на слова: *тигръ! крокодилъ!* наконецъ Фельдъ-егерь принудилъ почталіона скорѣе уѣхать, и народъ мало по малу отсталъ отъ коляски. Сіи два толь разныя зрѣлища доказываютъ, что какая бы ни была участь добраго и худаго человѣка, доброй всегда счастливѣе худаго: онъ и въ несчастіи внутренно благополученъ.

Скажу еще о нѣкоемъ случаѣ маловажномъ, но который необычайностію своею меня удивилъ. Въ одинъ прекрасный день Платовъ позвалъ меня къ зятю своему стоявшему въ одномъ изъ окрестныхъ селеній обѣдать. Мы поѣхали въ коляскѣ, сопровождаемые нѣсколькими казаками. Проѣзжая по полю увидѣли мы стадо слетѣвшихъ куропатокъ. Платовъ велѣлъ казакамъ ловить ихъ. Я разсмѣялся этому, какъ мнѣ казалось, пустому приказанію, не понимая, какимъ образомъ человѣкъ на лошади безъ ружья можетъ поймать свободно летающую птицу. Казаки поскакали: куропатки перелетѣли на другое мѣсто. Казаки за ними: куропатки опять летѣть. Казаки опять за ними. Я съ удивленіемъ и смѣхомъ смотрѣлъ на эту гоньбу. Чтожъ напослѣдокъ вышло? казаки такъ замучили куропатокъ, что послѣдніе перелеты ихъ были только по нѣскольку саженъ, и наконецъ онѣ совсѣмъ подняться не могли: тутъ казаки перебили ихъ своими нагайками и переловили руками. Я сказалъ съ усмѣшкою Платову: отъ твоихъ казаковъ не только Французы уходить, но даже и птицы улетать не могутъ.

Въ бытность мою здѣсь написаны мною по приказанію Государя три бумаги. Первая: *Грамота Псковскому дворянству.* Вторая: *Грамота Псковскому купечеству, мѣщанству и прочимъ сословіямъ* (См. въ собран. Маниф.

стран. 139 и 141). Третія слѣдующаго содержанія:

Россійской Императорской Гвардіи.

»Въ достопамятный день седмаго надесять »числа сего мѣсяца, храбрые гвардейскіе воины! »покрыли вы себя новыми неувядаемыми лав»рами, и оказали важную Отечеству услугу. Вы »въ маломъ числѣ удержали и съ неслыханнымъ »мужествомъ поразили превосходнаго въ силахъ »врага, порывавшагося съ лютостію при Тéпли»цахъ *) простирать далѣе шаги свои въ Боге»мію. Вы грудью своей остановили его, нанесли »ему страшный ударъ, и тѣмъ открыли путь »къ послѣдовавшей потóмъ на другой день со»вершенной побѣдѣ. Знатный непріятельскій »корпусъ весь безъ остатка побитъ, истребленъ »и разсѣянъ. Главнокомандующій онымъ со всѣ»ми прочими Генералами, Штабъ и Оберъ-Офи»церами, и двѣнатцатью тысячами рядовыхъ, »взятъ въ плѣнъ; восемдесятъ одна пушка со »множествомъ зарядныхъ ящиковъ и обозовъ »достались въ наши руки. Воины, тѣлохраните»ли и защитники Государства! вы доказали, »что достойно и праведно честь имени сего на »себѣ носите. Изъявляю вамъ всего Отечества и »Мою благодарность. Вы вмѣстѣ съ безсмер-

*) Или при близкой къ нимъ деревнѣ *Кульмѣ*.

»тною славою купили ее кровію своею и дѣла-
»ми. Въ знакъ должной признательности дарю
»вамъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ
»и Гвардейскому морскому экипажу Георгіевскія
»знамена; Измайловскому же и Егерскому Геор-
»гіевскія трубы. Рука Господня да сохранитъ
»васъ, поборающихъ по вѣрѣ и правдѣ.»

(На подлинномъ подписано:) АЛЕКСАНДРЪ.
Теплицы, 26 Августа 1813 года).

По полученіи позволенія ѣхать въ Прагу, я отправился туда. Платовъ далъ приказаніе тремъ казакамъ меня проводить и при мнѣ остаться. Въ Прагѣ отвели мнѣ домъ огромный, но пустой, и слѣдовательно весьма для меня скучный, а особливо въ тѣ дни, когда припадки мои усиливаясь не позволяли мнѣ выходить. Въ Прагу привезены были многіе наши раненые при Кульмскомъ сраженіи Офицеры и солдаты. Изъ числа первыхъ бѣдному Воиновичу два раза отнимали ногу, сперва ниже, а потомъ выше колѣна. Сего послѣдняго онъ самъ желалъ и сердился на мешканіе и нерѣшимость врачей, говоря, что безъ сей второй операціи (ибо при первой пуля не отыскана) онъ навѣрное умретъ, а претерпя вторичную можетъ быть и выздоровѣетъ; но по несчастію сія надежда его не сбылась: онъ умеръ. За нѣсколько часовъ передъ его смертію пришло извѣстіе, что ему пожалованъ орденъ Святыя Анны второй

степени. Ему сказали это, но какъ знакъ сей не былъ еще полученъ, то онъ просилъ насъ, чтобъ мы прислали къ нему свой, и когда принесли ему оный, то онъ обрадовался, велѣлъ его на себя надѣть, и любуясь имъ окончилъ жизнь свою. Вотъ какъ человѣкъ честолюбивъ!

Прага обязана много симъ Рускимъ воинамъ, пролившимъ за нее кровь свою: естьли бы они допустили Вандама, шедшаго, какъ увѣряютъ, съ местію и злобою, ворваться въ нее, то городъ сей былъ бы совершенно опустошенъ.

Мнѣ, при слабости здоровья моего, было бы безъ всякаго здѣсь знакомства очень скучно, естьли бъ по счастію не наѣхали сюда многіе изъ нашихъ Рускихъ. Здѣсь жили Графиня Остерманъ и съ нею двѣ Княжны Туркистановы, Графиня Витгенштейнъ, двѣ Княгини Волконскихъ, Княгиня Репнина, Князь Зубовъ, Алопеусъ, Кикинъ, и еще нѣкоторые на время пріѣзжавшіе. Я почти всякой день былъ у Графини Остерманъ. Познакомился съ почтеннѣйшею Графинею Витгенштейнъ, и былъ ею обласканъ. Иногда хаживалъ ко мнѣ здѣшній ученый, довольно по сочиненіямъ извѣстный, Аббатъ Добровскій, съ которымъ провождали мы время въ разговорахъ о Славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Такимъ образомъ могъ я жить здѣсь съ удовольствіемъ, но припадки мои стали умножаться, и для того, чтобъ не сидѣть часто од-

ному въ пустомъ домѣ разсудилъ я за лучшее переѣхать къ Кикину, гдѣ жилъ съ нимъ еще Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ивашевъ. Перебираясь къ нимъ я нечаянно встрѣтился съ Докторомъ Груберомъ, которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ лѣчилъ меня въ Петербургѣ. Мы очень обрадовались увидясь другъ съ другомъ, и я тѣмъ больше былъ доволенъ, что онъ, вызвался ходить ко мнѣ и меня пользовать. Кикинъ жилъ здѣсь по нѣкоторымъ дѣламъ и для надзора за ранеными, изъ которыхъ многіе Офицеры и солдаты померли. Сіе произвело въ немъ желаніе соорудить имъ памятникъ. Онъ сообщилъ мнѣ мысль свою, которую, какъ основанную на любви къ Отечеству и правдѣ, я совершенно одобрилъ. Но для произведенія сего въ дѣйство надлежало собрать достаточное число денегъ. Хотя въ этомъ и не можно было имѣть полной увѣренности, однакожъ, предоставляя времени успѣхъ сего предпріятія, и вѣдая, что безъ начала конца не будетъ, приступили мы къ подпискѣ, при которой съ переводомъ на Нѣмецкой языкъ написалъ я слѣдующее возвѣщеніе:

»Прага, послѣ жестокихъ битвъ, происхо»дившихъ при отдѣляющихъ Саксонію отъ Бо»геміи горахъ, содѣлалась гробомъ не малаго чи»сла Россійскихъ Офицеровъ, и солдатъ, изъ »которыхъ многіе при одной, а иные и при

»двухъ ранахъ, не хотѣли оставить поля сра-
»женія. Тѣла ихъ всѣ погребены въ одномъ из-
»бранномъ для сего мѣстѣ. Сіи храбрые воины,
»защищавшіе свое Отечество, пришли изъ Сѣ-
»верныхъ странъ съ таковымъ же мужествомъ и
»правотою свергнуть со всѣхъ Нѣмецкихъ зе-
»мель иго насилія и порабощенія. За невольную
»вражду ихъ заплатили они имъ добровольною
»пріязнію, и не пощадя за нихъ крови своей
»легли на полѣ чести жертвою своего великоду-
»шія. Достопамятныя числа 17 и 18 сего Авгу-
»ста мѣсяца 1813 года не могутъ никогда быть
»забвенны въ бытописаніяхъ кровопролитныхъ
»браней. Въ первый изъ сихъ дней Россійская
»Гвардія остановила прорывавшуюся въ Прагу
»въ восемь разъ превосходнѣйшую противъ себя
»непріятельскую силу, а во второй съ подоспѣв-
»шими къ ней своими и союзными войсками
»совершенно истребила и уничтожила сорока-
»тысячный, подъ предводительствомъ Вандама,
»корпусъ. Вотъ дѣла сихъ погребенныхъ здѣсь
»въ Прагѣ подвижниковъ и соучастниковъ въ
»знаменитой сей побѣдѣ! Кто не пожелаетъ въ
»память имъ воздвигнуть ограду и соорудить па-
»мятникъ съ приличною надписью и начерта-
»ніемъ именъ ихъ? Сверхъ достодолжнаго отда-
»нія справедливости симъ отличнымъ воинамъ,
»кто отречется доставить чрезъ то нѣкоторое
»утѣшеніе сѣтующимъ родственникамъ и друзь-

»ямъ ихъ? Союзники и прочіе народы Европей-»скіе да видятъ, сколь уважается между нами »духъ истинной воинской славы и честолюбія! »Путешественники, взирая на сей памятникъ, да »читаютъ въ немъ благодарность Прагскихъ жи-»телей, да воспомнятъ великія происшествія сего »времени, и умиленіемъ благородной души своей »да почтутъ прахъ сихъ героевъ, падшихъ за »честь и правду! — Здѣсь прилагается рисунокъ, »описаніе и примѣрная смѣта сего сооружаемаго »памятника. Желающіе участвовать въ семъ бла-»гомъ намѣреніи, почтенные соотечественники »наши, или кто другіе, да благоволятъ подпи-»сать имена свои съ означеніемъ удѣляемаго »ими отъ избытковъ своихъ числа денегъ.« — (Памятникъ сей въ послѣдствіе времени сооруженъ и находится въ Прагѣ.)

Послѣ многихъ носившихся здѣсь слуховъ худыхъ и хорошихъ о движеніяхъ нашихъ и союзныхъ войскъ, наконецъ пришло извѣстіе, что Блюхеръ имѣлъ дѣло съ Францускимъ корпусомъ и одержалъ надъ нимъ побѣду; а потомъ возгремѣла уже и радостная вѣсть, что Наполеонъ въ главномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ совершенно разбитъ и прогнанъ. Въ день полученія сего важнаго извѣстія реляція о семъ была удержана, дабы на другой день, по представленіи нарочно сочиненнаго на сей случай зрѣлища прочитать ее въ театрѣ. Какъ я ни боленъ

былъ, однакожъ потащился ее услышать. Нѣмецкая радость показалась мнѣ холодна. Хотя и были нѣкоторыя рукоплесканія и восторги, но далеко не такъ жарки, какъ наши. Естьли бъ у насъ послѣ такой побѣды представлено было подобное зрѣлище, и въ концѣ онаго прочитали въ первой разъ реляцію, о которой никто еще подробно не зналъ, и гдѣ упоминались имена царей и полководцевъ, дѣйствовавшихъ въ сей судьбу царствъ рѣшившей битвѣ, то думаю безумолкный крикъ и плески не дали бы оканчаться представленію до самаго утра. Черезъ день потомъ сказали, что на томъ же театрѣ представлены будутъ всѣ союзныя войска. Я полюбопытствовалъ увидѣть это, но вышелъ какой-то вздоръ, похожій больше на игрище, нежели на хорошее представленіе.

Сюда пріѣхалъ Графъ Остерманъ. Отъ жены его таили случившееся съ нимъ несчастіе, и она не прежде о томъ узнала, какъ передъ свиданіемъ съ нимъ. Также мимоѣздомъ былъ здѣсь Балашовъ: онъ отправленъ въ Англію съ орденами Королю въ соотвѣтствіе за орденъ *Подвязки*, присланный Государю.

Пребываніе мое въ Прагѣ продолжалось до половины Октября. Въ сіе время получилъ я съ пріѣхавшимъ сюда изъ Веймара Флигель-Адъютантомъ Волконскимъ словесное отъ Государя приказаніе, чтобъ я какъ можно скорѣе

пріѣхалъ въ главную квартиру, находившуюся тогда въ Веймарѣ. Докторъ мой не совѣтовалъ мнѣ ѣхать; однакожъ я, не взирая на разстроенное состояніе свое и на ліющіеся почти безпрестанно дожди, на другой же день туда отправился. 18 числа поутру пріѣхалъ я въ Карлсбадъ, (гдѣ, два мѣсяца тому назадъ, проводилъ я время съ пріятностію), и хотя могъ еще продолжать путь, но имѣя нужду въ отдохновеніи остался тутъ ночевать. Передъ обѣдомъ пошелъ я прогуляться по городу, которой въ это время совершенно былъ пустъ. Иду задумавшись по улицѣ и вдругъ слышу, что меня кто-то кличетъ по имени. Я оглянулся и вижу на крыльцѣ толстую, веселонравную женщину, которая въ мою прежнюю здѣсь бытность сидѣла въ лавкѣ и торговала разными товарами. Я часто захаживалъ къ ней, иногда покупать что нибудь, иногда слушать ея сужденій обо всемъ, а особливо о политическихъ дѣлахъ, о которыхъ она охотница была разговаривать. Мы, какъ знакомые, обрадовались увидя другъ друга. Она зазвала меня въ домъ свой, весьма порядочной, и какъ столъ у нее былъ ужѐ накрытъ, то и просила меня съ нею отобѣдать. Я согласился. Она расказала мнѣ всѣ подробности о сраженіи подъ Кульмомъ, и о томъ, что недавно Французы изъ Саксонской крѣпости Кенигштейнъ, гдѣ они еще держатся, сдѣлали нападеніе на ополченіе наше,

въ окрестности находившееся, и панесли ему нѣкоторый вредъ. Она была въ восторгѣ отъ побѣды подъ Лейпцигомъ, и говорила: „не давно проѣхалъ здѣсь нашъ Императоръ Францъ; я его видѣла. Бывало онъ всегда ходитъ сгорбившись, а теперь голову поднялъ и шагаетъ гораздо смѣлѣе.“ Я разсмѣялся сему ея замѣчанію и сказалъ ей въ отвѣтъ: „безъ Рускихъ онъ бы не разгорбился.“ Она согласилась съ этимъ, и скоро потомъ мы разстались.

На другой день пріѣхалъ я въ Францбрунъ. Мнѣ отвели весьма холодную комнату. Я велѣлъ ее затопить: сдѣлалось дымно. Я пошелъ покамѣсть проходиться въ низу. Ко мнѣ подошла женщина и взявъ меня за руку сказала: „*на горѣ зимно* (то есть въ верьху холодно) *подь въ мою избу, ту тепло.*“ (Надобно знать, что въ здѣшнемъ краю по Богемски уже совсѣмъ не говорятъ, и такъ это меня немножко удивило). Я пошелъ за нею, и вподлинну она привела меня въ теплую горницу, въ которой чугунная печка раскалена была и еще не простыла. Всѣ здѣшнія жилища таковы, что покуда печь горяча, по тѣхъ поръ въ нихъ и тепло; а она обыкновенно черезъ часъ или два простываетъ. Я сѣлъ и спросилъ у этой женщины, кто она такая? отвѣтъ ея былъ, что она хозяйка этова дома, родилась въ Прагѣ, и уже семь лѣтъ за мужемъ. Между тѣмъ, какъ я съ нею разгова-

риваю, входятъ шесть человѣкъ извощиковъ, мужиковъ, которые везутъ припасы въ Австрійскую армію. Ихъ по дорогѣ множество. Она приготовила имъ ужинъ, придвинула стулья, налила-чего-то въ чашу, и поставила на столъ. Извощики сѣли ужинать. Я спросилъ у ней: что такое они ѣдятъ? она отвѣчала: кашицу изъ разварепаго въ водѣ картофеля. — Съ мясомъ, что ли? — нѣтъ — такъ покрайней мѣрѣ съ масломъ?—и того нѣтъ—для чего же?—для того, что имъ заплатить не чѣмъ—не ужъ ли никогда у нихъ лучшей пищи не бываетъ? — никогда. — Послѣ сего разговора, я сказалъ ей: принеси имъ коровьяго масла и скажи, чтобъ они за ужинъ свой не платили, я за нихъ заплачу. (Я говорилъ это по Нѣмецки, а она пересказала имъ по Богемски; изъ чего видно, что они Нѣмецкаго языка не разумѣютъ). Не можно себѣ представить, какъ они обрадовались, и какъ жадно ѣли, когда хозяйка принесла имъ масла и положила въ чашу! Послѣ ужина каждой изъ нихъ подходилъ ко мнѣ и въ знакъ благодарности обнималъ мои колѣна. Я спросилъ: сколько за столъ ихъ заплатить должно? Хозяйка отвѣчала: три гульдена. Это сдѣлаетъ на наши деньги около шести рублей, почти по рублю съ человѣка. Вотъ какъ въ чужихъ земляхъ, о которыхъ намъ столько кричатъ, благоденствуетъ народъ!

Изъ Францъ-Брупа, переѣхавъ по худой весьма дорогѣ Богемскую границу, остановился я ночевать въ Саксонскомъ мѣстечкѣ Эльсницъ. Третій ужѐ разъ по выѣздѣ изъ Саксоніи въѣзжалъ я опять въ нее, и всегда съ новымъ удовольствіемъ, потому что вездѣ находилъ отмѣнную ласку и вѣжливость. Какъ скоро куда пріѣдешь и велишь о себѣ сказать, тотчасъ отводятъ лучшій домъ и только спрашиваютъ: что угодно? что прикажешь? ни гдѣ съ такимъ добродушіемъ и уваженіемъ насъ не принимали. Всѣ вообще, даже до солдатъ, не могутъ Саксонцами нахвалиться.

23 числа, проѣхавъ мѣстечки Цейлепродъ, Кало и Гену, пріѣхалъ я въ Веймаръ. Великой нашей Княгини Маріи Павловны здѣсь не было, а потому, спѣша отправиться скорѣе въ путь, не зашелъ я къ Герцогу, и навѣстилъ только живущихъ здѣсь раненаго Генерала нашего Раевскаго и путешествующую съ нами изъ любви къ дѣтямъ своимъ, двумъ Офицерамъ, Ланскую. Главная квартира давно ужѐ отсель уѣхала, и по слухамъ должна въ сіе время находиться около Франкфурта на Майнѣ. При переѣздѣ изъ послѣдняго мѣстечка сюда повстрѣчали мы много плѣнныхъ Французовъ, которыхъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ стычкахъ при погонѣ за ними брали. *) Лошади наши, таская насъ

---

*) Здѣсь случилось со мною небольшое приключеньице, которое я для смѣха раскажу: по пріѣздѣ моемъ сюда, покуда

по худымъ дорогамъ, довольно поизмучились; а всѣхъ ихъ было тринатцать: шесть у меня, четыре у моихъ чиновниковъ, да три казачьихъ съ ѣздоками. Въ иныхъ мѣстахъ даже трудно было доставать для нихъ корму. Изъ Веймара, чтобъ избѣжать проселочныхъ дорогъ, совѣтовали мнѣ ѣхать на Готу; но какъ по сей дорогѣ надлежало въ самой близости объѣзжать крѣпость Эрфуртъ, которую занимали еще Французы, то и былъ я въ великой раздумчивости. Хотя и увѣряли меня, что вездѣ въ окрестностяхъ ея стоя́тъ Австрiйскiя войска, и что Французы не могутъ изъ ней выходить, однакожъ я, не полагаясь на сихъ охранителей, предпочелъ лучше ѣхать по худой дорогѣ, нежели объѣзжая крѣпость, обладаемую еще непрiятелемъ, подвергаться какой нибудь легко могущей

отыскивали для меня ночлегъ, сидѣлъ я въ коляскѣ, остановившейся на площади, гдѣ много было народа. На правомъ боку въ карманѣ коляски моей стоялъ простой глиняной кувшинъ, въ которой клалъ я иногда булки, иногда конфекты, или что нибудь съѣстное, дабы имѣть у себя подъ рукою, когда на дорогѣ ѣсть захочется. На этотъ разъ онъ былъ пустой. Сидя довольно долго въ коляскѣ, позаглядѣлся я въ лѣвую сторону, и когда взглянулъ на право, то и примѣтилъ тотчасъ, что кувшина моего нѣтъ больше въ карманѣ: его, такъ сказать, изъ подъ носа моего, между мною и кучеромъ, вытащили. Я удивился смѣлости вора, и внутренно смѣялся, представляя себѣ его досаду, когда онъ увидитъ, что подвергался опасности быть пойману за покражу вещи не стоющей ни гроша.

случиться опасности. И очень хорошо сдѣлалъ; ибо по выѣздѣ моемъ изъ Веймара пріѣхавъ почевать въ деревню Ильмъ, отстоящую верстахъ въ дватцати отъ Эрфурта, услышалъ отъ хозяина, что сегодня Французы сдѣлали выласку и сожгли небольшую деревню верстахъ въ пяти отъ крѣпости. По расчету часовъ выласка сія происходила около того времени, когда бы мы, ѣхавъ по той дорогѣ, объѣжали сію крѣпость, и слѣдовательно ежели бъ и ничего не случилось, такъ по крайней мѣрѣ не обошлось бы безъ страха и тревоги, а можетъ статься было бы что нибудь и хуже. Правду сказать, что мы, по избѣжаніи отъ волка, почти попали на медвѣдя: дурная, грязная дорога, лежала по горамъ, по рытвинамъ, по дремучему лѣсу (Türinger Wald), такъ что мы съ великою нуждою тащились. Ужѐ не до жалобъ было на качанье и толчки, а только о томъ и заботились, что бъ коляски наши не изломались. Я не могъ надивиться какимъ образомъ проходило здѣсь наше войско съ артиллеріею и всѣми снарядами. Австрійцы на подобные случаи смѣтливы: сами пошли по большой дорогѣ, а насъ пустили по этой, вѣрно въ томъ намѣреніи, что бъ имъ первымъ придти во Франкфуртъ; но говорятъ мы первые пришли: и такъ Русь перемудрила.

Въ слѣдующій день, ѣхавъ не больше какъ версты по двѣ или по три въ часъ, насилу до-

тянулись мы до одной деревнишки, гдѣ я, мало сказать усталый, но измученный, радъ былъ отдохнуть у мужика очень добраго, которой отъ всего сердца старался меня угощать, и довольно весело раскызывалъ, какъ его, при проходѣ разныхъ войскъ, то одинъ, то другой солдатъ хоть не множко, по неимѣнію многаго, пограбитъ. Я распросилъ у него, сколько сходитъ съ нихъ поборовъ, и какъ они живутъ; слова его и состояніе удостовѣрили меня, что наши (или лучше сказать *не наши*) проповѣдники о ихъ свободѣ и преимуществахъ судятъ по пословицѣ: тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Напослѣдокъ, послѣ худой, проселочной, выѣхали мы на большую довольно хорошую дорогу, и ѣхали по ней съ пріятностію, какую обыкновенно чувствуешь послѣ минувшей трудности. Однакожъ и въ этотъ день не прошло безъ приключенія. Проѣзжая одно мѣстечко показалось намъ рано еще остановиться, и такъ поѣхали далѣе; но другое было не близко, да и дорога не такъ хороша; лошади устали, и наступила темная ночь. Въ самое это время нагнали мы обозъ нашъ, котораго начальникъ (Г-нъ Кандратьевъ) предложилъ мнѣ переночевать въ деревнѣ, куда они ѣдутъ, сказывая, что это близко, и что онъ пошлетъ напередъ заготовить для меня добрый ночлегъ. Я согласился; мы своротили съ большой дороги и поѣхали въ сто-

рону. Думали близко, однакожъ вышло довольно далеко. Ѣхали, ѣхали, и вдругъ остановились. Что такое? гора крута, и надобно въ темнотѣ спускаться въ преглубокую долину. Пѣшкомъ по дорогѣ идти очень грязно, и при слабомъ моемъ здоровьѣ весьма для меня трудно, а въ коляскѣ сидѣть опасно, потому что по обѣимъ сторонамъ лежатъ ямы и пропасти, куда, при малѣйшей неосторожности, легко можно опрокинуться и разбиться до смерти. Какъ же быть? У начальника были дрожки, запряженныя тройкою. Онъ велѣлъ двѣ лошади отложить, и третью человѣку вести подповодъ, и еще двумъ идти по сторонамъ дрожекъ, на которыя меня посадилъ. Такимъ образомъ версты съ двѣ потихоньку спускаясь добрались мы до селенія, гдѣ отвели мнѣ ночлегъ у Пастора, великаго краснобая, безпрестанно извинявшагося передо мною, что онъ о пріѣздѣ моемъ не былъ заблаговременно предупрежденъ. Между тѣмъ, какъ онъ суетился и хлопоталъ объ угощеніи насъ, мы сказали, что намъ ничего не надобно, кромѣ чайныхъ чашекъ и горячей воды, а чай и сахаръ у насъ свой. Подали чай; мы стали пить и его потчивать, расказывая, какой это чай, и что привезенъ къ намъ прямо изъ кладовой Китайскаго Императора. Онъ выпилъ чашку съ великимъ благодареніемъ. Ему налили другую съ ромомъ. Эту пилъ онъ и морщася говорилъ: „мы

Нѣмцы не привыкли къ такому горячему напитку, врядъ могу ли я допить." Пей, небось, господинъ Пасторъ, говорили мы, это здорово. Онъ выпилъ и сдѣлался еще говорливѣе. Сталъ величать побѣды наши, и оканчевалъ всегда желаніемъ, чтобъ возвратить Папѣ прежнюю его духовную и свѣтскую власть и достоинство. Это по видимому весьма лежало у него на сердцѣ; потому что онъ сіе желаніе ко всякой рѣчи приклеивалъ. Я въ утѣшеніе ему увѣрялъ его, что это конечно иначе и быть не можетъ.

Поутру разстались мы съ нашимъ Пасторомъ и выѣхали опять на большую дорогу, которая черезъ городъ Вирцбургъ вела мимо самой крѣпости онаго, гдѣ находился еще Французской гарнизонъ, держимый въ осадѣ Баварскими и Виртембергскими войсками. Вотъ какъ оборотились дѣла: тѣ самые народы, которые приходили съ ними къ намъ въ Россію, теперь стоятъ на стражѣ и держатъ ихъ въ заперти!— обстоятельство сіе снова привело меня въ раздумье: хотя увѣряли насъ, что съ осажденныхъ въ крѣпости Французовъ, коихъ число, какъ сказываютъ, простирается до четырехъ тысячъ, взято честное слово не стрѣлять по проѣзжающимъ мимо крѣпости, но я не очень вѣрилъ честному ихъ слову. Они на насъ злы: кто жъ поручится, чтобъ увидя Рускую коляску не вздумалось имъ нарушить своего обѣщанія?

однакожъ худость проселочныхъ дорогъ такъ мнѣ надоѣла, что я рѣшился лучше, проѣзжая мимо крѣпости, быть нѣсколько минутъ въ страхѣ, нежели нѣсколько часо́въ терпѣть еще безпрестанные толчки; но приближаясь къ Вирцбургу, за милю отъ него, нашли мы тутъ нашего чиновника, нарочно оставленнаго для объявленія всѣмъ Рускимъ, ѣдущимъ по сему пути, чтобъ не ѣхали черезъ городъ мимо крѣпости, но объѣзжали бы ее окольною дорогою. Отъ него узнали мы о пребываніи главной квартиры въ Франкфуртѣ, о чемъ прежде не имѣя точныхъ свѣдѣній, и ѣздя по слѣдамъ ея, сдѣлали много крюку. Хотя и хотѣлось мнѣ посмотрѣть го́рода, но опасаясь ослушаться приказанія, принуждены мы были своротить въ сторону и верстъ болѣе десяти ѣхать по такой дорогѣ, по которой бѣдныя лошади надсажаясь, на силу могли насъ тащить. Мы пріѣхали къ мосту, верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, и переѣхавъ черезъ рѣку Майнъ, выѣхали опять на большую дорогу. Берега́ рѣки Майна очень мнѣ понравились: по обѣимъ сторонамъ, на нѣкоторое разстояніе отъ Вирцбурга, идутъ горы, покрытыя виноградными садами, и между ими при са́мой рѣкѣ лежатъ нѣсколько прекрасныхъ съ наружи селеній; но проѣзжая одно изъ нихъ я нашелъ внутренность онаго не соотвѣтствующею наружности: идущая чрезъ него длинная, весьма узкая

и грязная улица наполнена была всякаго рода нечистотою, такъ что надобно было затыка́ть себѣ носъ, и по обѣимъ сторонамъ видѣть худыя, запачканыя стѣны домовъ. Ежели и всѣ прочія селенія внутри таковы же, то видно, что у нихъ однѣ только крышки отдѣланы и выкрашены для того единственно, чтобъ издали привлекать зрѣніе, въ противность пословицы: не красна изба углами, красна пирогами.

На бывшемъ послѣ сего ночлегѣ въ деревнѣ Рерингенъ нѣсколько насъ перепугали, говоря, что изъ разсѣяной Французской арміи многіе бродяги скрываются въ лѣсахъ, которыми намъ проѣзжать должно. Встрѣтившійся съ нами нашъ Руской солдатъ сказывалъ, что назадъ тому три дни напала на нихъ, шедшихъ въ маломъ числѣ, такая выбѣжавшая изъ лѣсу шайка бродягъ, и нѣкоторыхъ убила, а его ранила. Слухи сіи хотя и навели намъ не малое безпокойство, однако жъ мы, благодаря Бога, пріѣхали въ Ашафенбургъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Городокъ сей набитъ былъ всякаго рода людьми: Рускіе, Австрійцы, Прусаки, Баварцы, плѣнные Французы, словомъ смѣсь всѣхъ Государствъ. Долго не могли мнѣ отыскать пристанища, но напослѣдокъ отвели комнаты во дворцѣ, гдѣ для меня и моихъ чиновниковъ приготовленъ былъ богатый ужинъ, на серебрѣ, съ десертомъ, винами, и нарядною услу-

гою. Самъ пристольникъ, или кто онъ такой, толстобрюхой, въ шитомъ кафтанѣ, подносилъ намъ Шампанское вино. Это называется по неволѣ угощать гостей безъ хозяина; ибо хозяинъ, владѣтельный Герцогъ, преданный Наполеону, при вступленіи нашихъ войскъ, принужденъ былъ бѣжать изъ малаго своего царства.

На другой день (31 Октября), оконча длинное и многотрудное путешествіе свое, пріѣхалъ я въ Франкфуртъ. Явился къ Государю; онъ принялъ меня милостиво, и не смотря на безпрестанныя хлопоты и суетливость, обѣщалъ назначить мнѣ день для выслушанія докладовъ, которыхъ у меня много накопилось. Городъ здѣшній наполненъ былъ всякаго званія и достоинствъ людьми: Императорами, Королями, Владѣтельными Князьями, Принцами, Герцогами; у всякаго дворъ, Министры, Генералы; а у этихъ Секретари, Адъютанты; всѣ скачутъ, ѣздятъ, бѣгаютъ, верьхами, въ каретахъ, въ колясках, пѣшкомъ, въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, въ звѣздахъ, въ шишакахъ съ высокими перьями, и проч. и проч. Сверхъ того пропасть разнодержавныхъ войскъ: по утрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! по вечерамъ театры, балы, маскерады, клобы. Какъ весело! да только не мнѣ, у котораго почти ежедневно то грудь болитъ, то голова. Однако жъ и я не оставлялъ посѣщать иногда сихъ собраній. Чрезъ нѣсколько

*

дней Государь позвалъ меня къ Себѣ и приказалъ написать бумагу о послѣднемъ при Лейпцигѣ сраженіи. Я написалъ при титулѣ обыкновенный Манифестъ. Государь былъ имъ доволенъ, но оставилъ у себя для прочтенія еще разъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ возвратилъ мнѣ мою бумагу, сказавъ, чтобъ издать ее не въ видѣ Манифеста, но въ видѣ частнаго описанія безъ его подписи. (Вѣроятно потому, что много ужè прошло времени безъ всякаго о томъ извѣщенія). Я перемѣнилъ въ ней заглавіе и конецъ. Онъ еще разъ прочиталъ ее и приказалъ отослать въ Петербургъ для напечатанія. Она была слѣдующаго содержанія:

„ИЗВѢСТІЕ

„о сраженіи, происходившемъ подъ Лейпцигомъ „Октября 4 и 5 числъ 1813 *года. Съ береговъ „Рейна.*

»Приводя на память себѣ едва ли слыханныя происшествія, въ одинъ годъ и пять мѣсяцевъ совершившіяся, не возможно ни единому изъ Россіянъ не почувствовать въ умиленномъ сердцѣ своемъ живѣйшей благодарности къ тому, кто маніемъ своимъ управляетъ небо и землю. Онъ располагаетъ судьбами царствъ, возноситъ славу народа, умудряетъ главу его, ополчаетъ десницу, укрѣпляетъ мышцы, уско-

»рлетъ къ побѣдамъ стопы. Во всѣмъ ономъ удивилъ Богъ милость свою надъ нами.

»Въ прошедшемъ году видѣли мы Рускіе »обширную страну нашу безчисленными непріятельскими силами наводненную. Казалось свирѣпое море сіе горами волнъ своихъ покроетъ »и поглотитъ насъ. Кто могъ поставить имъ »оплотъ? сомнительна была надежда и трудно »спасеніе. Мы стояли на краю гибели и съ нами »гибла вся Европа. Но крѣпокъ и силенъ человѣкъ »упованіемъ на Бога. Не проходитъ четырехъ »мѣсяцевъ, какъ грозныя волны сіи, сокрушась »о камень твердости народной, и попираемыя »сильною грудью войскъ нашихъ, съ такимъ »ужасомъ текутъ назадъ, съ какою лютостію къ »намъ стремились; текутъ, одна другую давитъ, »и всѣ погибаютъ. Кто могъ сотворить сіе чудное и почти мгновенное превращеніе величайшей силы въ величайшую немощь? Не тотъ ли »единый, о комъ Божественный Пророкъ сказалъ: *дхнетъ духъ его и потекутъ воды, коснется горамъ и воздымятся?*

»Исчезли силы врага, растаяли какъ воскъ »отъ лица гнѣва Божія; по праведнымъ судьбамъ »угодно было, чтобъ неукротимый, непримиримый повелитель ихъ спасся. Извѣстны зложеланіе и ненавистъ его къ Россійской Державѣ, или »паче ко всему роду человѣческому. Ненасытимая жадность къ бранямъ принесла уже без-

»численное множество жертвъ безпредѣльному »его властолюбію. Земля дымится пролитою »имъ миліоновъ людей кровію. И такъ, не взи»рая на истребленіе войскъ его, не было ника»кой возможности достигнуть съ нимъ до же»лаемаго спокойствія и тишины. Увѣренность »набрать въ землѣ своей новое ужѐ заблаговре»менно приготовленное имъ воинство; надежда »на повиновеніе чужихъ порабощенныхъ имъ зе»мель, неволею и противъ пользъ своихъ съ »нимъ соединенныхъ, не давали погаснуть кипя»щему въ сердцѣ его духу брани. Надлежало »для достиженія сего двигнуть побѣдоносное Рос»сійское воинство за предѣлы сей Великой Им»періи. Приближеніе наше къ Прусіи возбудило »въ семъ храбромъ народѣ мужество, радость, и »соревнованіе: онъ, свергнувъ съ себя иго наси»лія, присоединился къ намъ, и составилъ съ »нами единую душу. Воспослѣдовавшія потòмъ »сраженія при Люцинѣ и при Бауцинѣ, хотя на»несли тяжкіе непріятелю удары, однакожъ силы »его оставались еще такъ велики, что для на»дежнѣйшаго преодолѣнія оныхъ нужно было »показать видъ нѣкотораго уступленія, дабы »чрезъ то приблизиться къ Богеміи. Перемиріе »доставило намъ способъ пріумножить наши »силы, и дало время колеблющейся въ рѣшитель»ности своей Австрійской Имперіи приготовить»ся и ополчиться противъ общаго врага, отвер-

»гавшаго всякое предложеніе о мирѣ, въ кото-»ромъ ничего не требовалось, кромѣ спокойствія »Европы и отреченія его отъ неправаго преобла-»данія надъ царствами и народами ему непод-»властными. Такимъ образомъ Богъ благословилъ »союзу сему распространиться и утвердиться. »Побѣдоносная Россія, вмѣстѣ съ ободренною »примѣромъ ея Прусіею, шествовала освободить »Европу. Австрія возстала. Гишпанія и Англія »отъ долговременнаго на нихъ однихъ устремле-»нія великихъ силъ непріятельскихъ отдохнули. »Швеція, столь же какъ и прочія Державы угнѣ-»тенная, присоединяетъ подъ предводительствомъ »Наслѣднаго Принца своего силы свои къ на-»шимъ силамъ. Одна Саксонія и Рейнскій Союзъ »воздыхали еще подъ насильственною властію.

»Въ семъ состояніи дѣлъ Россійское воин-»ство вступаетъ въ Австрійскіе предѣлы и при-»ближается къ Саксоніи. Угрожаемый, но ни »мало не уменьшающій киченія своего непрія-»тель, видя приближеніе къ себѣ наше, кидает-»ся съ яростію на три разные корпуса союз-»ныхъ нашихъ войскъ, и вездѣ претерпѣваетъ »пораженіе. Съ одной стороны Гвардія наша »подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Графа »Остермана, и потомъ подоспѣвшіе къ ней армей-»скіе полки подъ начальствомъ Главнокомандую-»щаго всѣми войсками Генерала Барклая-де-Тол-»ли, истребляютъ сорокатысячный непріятельскій

»корпусъ, посланный подъ предводительствомъ »извѣстнаго лютостію своею *Вандама* ворваться »ся въ Богемію и овладѣть столичнымъ горо»домъ ея Прагою; но судьба Всевышняго пре»даетъ его со всѣми другими подъ нимъ началь»никами, войсками и орудіями въ наши руки. »Съ другой стороны Наслѣдный Принцъ Швед»скій (нынѣшній Король), повелѣвающій ча»стію Россійскихъ и Пруских войскъ, одержи»ваетъ знаменитую побѣду, отъемлетъ у непрія»теля знатное число орудій, беретъ въ плѣнъ »многихъ Генераловъ, Офицеровъ и рядовыхъ. »Съ третьей стороны Пруской Генералъ (послѣ »Фельдмаршалъ) Блюхеръ со своими и нашими »войсками наноситъ страшные сопротивнику »удары, и также лишаетъ его знатной части »войскъ и великаго числа орудій.

»Раздраженный сими потерями непріятель »собираетъ всѣ свои силы подъ стѣнами Лейп»цига и еще дышетъ мщеніемъ и надеждою воз»стать и возвеличиться. Между тѣмъ стремящіе»ся по разнымъ направленіямъ корпусы наши »со всѣхъ сторонъ его окружаютъ. Страшное »число войскъ стѣсняется на малой окру́гѣ зем»ли̊, и жаркая, лютѣйшая брань, долженствую»щая рѣшить судьбу царствъ, возгарается и на»чинаетъ пылать. Непріятель сильно упорствуетъ. »Огнь и смерть разстилаются по всему простран»ству полей, и густой градъ ядеръ и пуль сы-

»плется во всѣ страны. Долго въ стонѣ воздуха »и затмѣніи свѣта побѣда стоитъ сомнительною. »Слухъ не слышитъ ничего, кромѣ грома и тре»ска; око не видитъ ничего, кромѣ мрака и дыма. »Напослѣдокъ праведное оружіе блистаетъ во »всей своей славѣ, и утѣснитель народовъ съ ос»татками разбитыхъ и разсѣянныхъ войскъ сво»ихъ, оставя поле сраженія, бѣжитъ укрыться »въ городѣ; но не укрывается: побѣдоносное »наше воинство течетъ за нимъ и поражаетъ его »въ самыхъ стѣнахъ града. Но что еще? О про»мыслъ Божій! О праведное воздаяніе хищности »и насилію! войски угнѣтенныхъ народовъ, по»неволѣ присоединенныя къ войскамъ поработи»теля своего, свергаютъ съ себя, во время сама»го сраженія, поносное иго рабства, исторгают»ся изъ среды оскорбителей своихъ, и обратя »на нихъ оружіе, съ удивительною храбростію »смываютъ съ себя стыдъ притѣсненія кровію »притѣснителей. Наконецъ вездѣ предстоитъ вра»гу погибель. Въ единой быстротѣ бѣгства ос»тается ему искать спасенія. Знамена его, ору»дія, снаряды, полководцы, начальники, воины, »въ невѣроятномъ множествѣ падаютъ и пре»клоняются предъ побѣдителями.

»Тако рѣшилась важная, воцаряющая прав»ду, всѣ племена и народы воскрешающая бит»ва! плоды ея неисчетны, слѣдствія спаситель»ны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего

»человѣчества. Очарованіе разрушено, гордость »низринута, слѣпота умовъ и страхъ сердецъ »развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непрія»тель съ малыми остатками изнуренныхъ силъ »своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы »на берегу Рейна и Европа освобождена.« *)

По пріѣздѣ моемъ въ Франкфуртъ, изъ разныхъ со многими разговоровъ, и даже изъ словъ

---

*) Остальной конецъ сей бумаги, по превращеніи оной въ частное извѣстіе, не могъ уже оставаться. Конецъ сей былъ слѣдующаго содержанія:

„Проходя мыслію всѣ сіи дивныя событія, предъ очами „Нашими происходившія, хотя съ совершенною призна„тельностію отдаемъ Мы всю должную справедливость „искуству вождей и храбрости Нашихъ и союзныхъ „войскъ; заслуги и дѣла ихъ не изгладятся никогда изъ па„мяти потомства; но вникая въ цѣпь различныхъ случаевъ, „часто не удобопредвидимымъ образомъ обращавшихся въ „нашу пользу, не можемъ Мы въ благоговѣйномъ чувство„ваніи души Нашей не признать явно и очевидно нисхо„дящаго свыше на насъ промысла и благодати Божіей: Его „неисповѣдимая премудрость водитъ насъ по стезямъ че„сти; Его всесильный перстъ указуетъ намъ путь спасе„нія; Его Святая воля, коснувшись душъ и тѣлесъ нашихъ „творитъ ихъ твердыми и крѣпкими. И такъ да умолк„нетъ предъ Нимъ всякая слава человѣческая, да принесет„ся она отъ каждаго изъ насъ, яко жертва смиренія, тому, „отъ кого имѣетъ свое начало, и безъ котораго всѣ наши „способности и дѣянія суть ничтожны. Не забудемъ Бога, „да не забудетъ Онъ насъ. Мы увѣрены, что всякъ изъ „вѣрноподданныхъ Нашихъ всегда, наипаче же послѣ то„ликихъ излiянныхъ на насъ милостей Господнихъ почув„ствуетъ сіе во глубинѣ души своей и чувствовать не пре„станетъ. Сего ради Повелѣваемъ: да отворятся во „всемъ пространствѣ области Нашей всѣ Божественные

Государя самаго, довольно я наслышался, что Наполеонъ, послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, худо былъ преслѣдованъ. Какимъ образомъ съ разбитымъ войскомъ, котораго оставалось у него не болѣе семидесяти тысячь человѣкъ, могъ онъ спастись и придти во Францію, имѣя въ переди себя до ста тысячь Австрійцевъ, да за собою всю идущую по стопамъ его побѣдоносную армію? какимъ образомъ отъ бывшихъ передъ нимъ и за нимъ войскъ могъ онъ пройти безпрепятственно, такъ что Баварскій Генералъ *Вреде*, ожидавшій его съ сорокатысячнымъ корпусомъ своимъ въ *Ганау*, долженъ былъ сражаться съ нимъ одинъ, безъ всякой подоспѣвшей къ нему помощи? Не ужъ ли Наполеоновы войски имѣли у себя крылья, которыхъ у союзныхъ войскъ не доставало? — Я бы не упомянулъ о семъ, естьлибъ не слышалъ о томъ сужденій изъ собственныхъ устъ Государя Императора. Не мое дѣло входить о семъ въ подробности и разбирательства, но зная разстояніе отъ Лейпцига до предѣловъ Франціи, не могу

„храмы; да принесется во всѣхъ церьквахъ торжественное „молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ Всевышнему Творцу; „да пролiются отъ всего народа горячія слезы благодарности за неизрѣченное Его къ намъ милосердіе: Онъ высокою „мышцею своею извлекъ насъ изъ хлябей бездны и вознесъ „на высоту славы. Что воздадимъ Ему, кромѣ радостно-„благодарныхъ слезъ и рыданій?“

себѣ представить, чтобъ это сдѣлалось безъ всякихъ со стороны Главноначальствующаго надъ всѣми союзными войсками Фельдмаршала въ распоряженіяхъ упущеній. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ, вырвавшись изъ сихъ тѣсныхъ обстоятельствъ, является въ Парижѣ, господствуетъ, и собираетъ новыя силы для продолженія войны. Признаю́сь, что сей счастливой съ нимъ случай уменшалъ надежду мою на будущіе успѣхи. Политическія дѣла приводили меня также въ недоумѣніе. По моему, миръ съ Наполеономъ былъ не возможенъ; ибо Франція подъ его правительствомъ не могла долго оставаться спокойною; а потому надлежало заключить оный или съ нею, или съ тѣмъ, кто послѣ него будетъ ею управлять. Для того, казалось мнѣ, слѣдовало бы, вмѣстѣ съ намѣреніемъ идти во Францію, торжественно объявить ей, что въ нее идутъ не для завоеванія или раздробленія ея, но единственно для низверженія Наполеона, безъ чего въ Европѣ не можетъ водвориться прочная тишина и спокойствіе. Тогда пользы Французскаго народа съ обладателемъ его были бы раздѣлены, и вѣроятно Франція не захотѣла бы жертвовать собою для личныхъ его выгодъ. Но это не такъ дѣлалось. Союзныя державы ничего опредѣлительнаго и общаго не изъявляли. Не слышно было ни о какихъ рѣшительныхъ предположеніяхъ, съ какими идутъ во

Францію. Идутъ, но между тѣмъ входятъ въ переговоры съ Наполеономъ, изъ чего Франція должна была видѣть, что онъ и по заключеніи мира останется ея повелителемъ, которому слѣдственно необходимо надлежитъ ей повиноваться. Наполеонъ же съ своей стороны, пользуясь симъ, сохранялъ свой грозный видъ, представляя Франціи стремительность союзныхъ войскъ въ ея предѣлы пагубнымъ для нея намѣреніемъ, и себя единственнымъ ея защитникомъ, чрезъ что пользы свои связывалъ съ ея пользами. Такъ размышлялъ я, и мнѣ казался, не взирая на всѣ наши успѣхи и побѣды, конецъ войны не только отдаленнымъ, но и сомнительнымъ. Я воображалъ, что можетъ быть Франція, видя стремящагося внутрь ея непріятеля, съ такою же твердостію ополчится противъ насъ, съ какою Россія ополчалась противъ ней, и что есть ли паче чаянія удастся Французамъ выгнать насъ изъ своей земли, то уже конечно Наполеонъ, утвердясь на престолѣ, не перестанетъ помышлять о приведеніи себя въ то положеніе, въ какомъ прежде находился. Наполненный сими сомнѣніями разговаривалъ я съ нѣкоторыми изъ нашихъ Генераловъ, но и они не могли успокоить моихъ мыслей. Казалось каждой изъ нихъ полагалъ только то, что судьба это рѣшитъ. Въ это время я сдѣлался боленъ и нѣсколько дней не могъ выходить изъ горницы. Сидя одинъ

дома и устрашаемый размышленіями, чтобъ Россія, воюя уже не за свою, но за чужія земли, не лишилась той славы, до которой она столькими трудами и пролитіемъ крови своей достигла, написалъ я мысли свои о положеніи нашемъ, съ тѣмъ, чтобъ при письмѣ послать бумагу сію къ Государю Императору. Долго я колебался. Первое представлялось мнѣ, что я о подробности сихъ дѣлъ недовольно былъ извѣстенъ; второе, что не имѣю никакого права въ толь важныхъ обстоятельствахъ подавать Государю свои совѣты; третіе, что хотя бы разсужденія мои и были основательны, то уже по принятымъ мѣрамъ и расположеннымъ движеніямъ войскъ не могутъ онѣ быть приняты ни въ какое уваженіе. Мысли сіи меня останавливали; но съ другой стороны думалъ я: на что мнѣ скрывать то, къ чему подвигнутъ я усердіемъ и любовію къ моему Отечеству? знаю, что безполезно покушаюсь на невозможное, но по крайней мѣрѣ сниму съ души моей отягощающее меня бремя и буду правъ передъ собою. Мысль сія рѣшила меня, и я послалъ къ Государю слѣдующее письмо:

»ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

»Я виноватъ: вхожу не въ свое дѣло. Осмѣ»ливаюсь обременить Тебя прочтеніемъ безполез»ныхъ, но по моему понятію правдивыхъ строкъ.

»Усердіе мое тому причиною. Я въ сужденіяхъ »моихъ руководствовался простымъ разсудкомъ, »и не могъ скрыть отъ Тебя своихъ мыслей. »Прости великодушно, ежели ошибаюсь и пишу »не дѣло.

»В. И. В. вѣрноподданный. А. Ш.

При письмѣ семъ приложена была слѣдующаго содержанія бумага:

»РАЗСУЖДЕНІЕ

о нынѣшнемъ положеніи нашемъ. (Франкфуртъ на Майнѣ, Ноября 6 дня 1813 года).

»Освобожденіе Европы отъ ига властолюбиваго обладателя Франціи, спасеніе всѣхъ народовъ и возвращеніе имъ прежняго ихъ достоинства, спокойствія и свободы, есть конечно дѣло важное, великое, и благодѣтельное для »всего свѣта. Оно покрыло благословеніями и »вѣчною славою Россійскаго Императора, яко »единственнаго по Богѣ совершителя сей чрезвы»чайной перемѣны, сего сорванія покрова раб»ства съ лица всея земли. Но при всѣхъ нашихъ »дѣлахъ, худыхъ и добрыхъ, есть предѣлы на »которыхъ нужно останавливаться. При всякомъ »достиженіи цѣли своей надлежитъ помыслить, »должно ли цѣль сію отодвигать еще далѣе; ибо »сіе заманчивое всегда отодвиганіе оной далѣе и »далѣе въ передъ можетъ напослѣдокъ довесть

»насъ до того, что мы лишимся всѣхъ пріобрѣ-
»тенныхъ прежде многими трудами плодовъ. На-
»полеонъ изъ простолюдина дѣлается Консуломъ,
»потомъ Императоромъ, потомъ завоевателемъ
»многихъ земель, потомъ поработителемъ почти
»всей Европы; но отодвигая цѣль свою далѣе и
»далѣе наконецъ приходитъ завоевать Россію:
»лишается всѣхъ своихъ войскъ, бѣжитъ, соби-
»раетъ новыя силы, низлагается снова и теряетъ
»всю свою прежнюю власть, величество, и сла-
»ву. Происшествіе съ нимъ есть живой урокъ
»для обузданія стремленій своихъ во время успѣ-
»ховъ и счастія.

»Обратимся теперь къ Россіи. Наполеонъ
»приходитъ въ нее со множествомъ своихъ и
»чужихъ силъ, съ лютыми и злодѣйскими намѣ-
»реніями, наноситъ ей страшное разореніе и глу-
»бокія раны; но погубляетъ въ ней всѣ лучшія
»свои войска, и едва самъ съ горстью оставшихся
»людей уходитъ изъ ея предѣловъ: вотъ первая
»цѣль до которой Россія желала достигнуть. До-
»стигла и положила прочное основаніе своему
»спокойствію, независимости и славѣ; ибо вто-
»ричное покушеніе Наполеона придти въ нее,
»послѣ нанесеннаго ему сокрушительнаго удара,
»не можетъ быть предполагаемо, *) и естьли

*) Наполеонъ при вторичномъ выходѣ своемъ изъ Франціи дол-
женъ былъ, какъ увѣрлютъ, обѣщать новонабранному вои-
ству своему, что онъ не пойдетъ болѣе въ Россію.

»положить оное въ возможности вещей, то по»чему не полагать въ той же возможности вто»ричное сокрушеніе онаго? И такъ Россія истре»бленіемъ врага окончила и совершила свое »дѣло. Самая безопаснѣйшая и нужнѣйшая огра»да была для ней: изцѣленіе внутреннихъ ранъ, »и возстановленіе разстроенныхъ силъ своихъ. »Но оставался еще важный предметъ, достой»ный вниманія Великой Имперіи и великодуш»наго Ея Монарха: главная часть Европейскихъ »Державъ стонала еще подъ игомъ, повиновалась »жестокому притѣснителю своему, и умножала »по неволѣ силы его противъ себя самой и ко »вреду всего человѣчества. Не взирая на гром»кое паденіе его, она не смѣла еще поднять гла»вы своей. Освобожденіе сихъ Царствъ сопряга»ло тройкую для Россіи пользу: первое, неукро»тимый и дерзкій врагъ уменьшался въ силахъ »своихъ; второе, возстановлялся оплотъ между »имъ и нами; третіе, великодушно и достойно »всякой чести и славы исторгнуть невинную »жертву изъ когтей лютаго хищника. И такъ »праведно двигнулся самъ Россійскій Царь съ »побѣдоносвымъ воинствомъ за предѣлы царст»ва своего. Россія должна была радоваться толь »великому предпріятію, и не смотря на теку»щую кровь свою и раны отложить на время »уврачеваніе оныхъ и сдѣлать новыя усилія, при»несть новыя жертвы для пользы и славы сво-

»ей. Богъ благословилъ праведное начинаніе благодушнаго ся Царя. Се къ благой и праведной »сторонѣ, освобождаясь отъ узъ, пристаютъ, едино за другимъ, всѣ Царства и Княжества, и въ »теченіе десяти мѣсяцевъ, послѣ многихъ жестокихъ и кровопролитныхъ битвъ, побѣжденный и вновь потерявшій почти все свое воинство непріятель уходитъ и запирается въ предѣлахъ своей области.

»Теперь настоитъ вопросъ: достигла ли Россія до своей цѣли, окончала ли дѣло свое, и »что остается ей предпріять? Разсмотримъ для »сего нынѣшнее состояніе Царствъ, и потомъ »станемъ выводить изъ того свои заключенія.

„*Состояніе Франціи.*

»Она истощена въ силахъ своихъ, потеряла »одну послѣ другой двѣ сильныя арміи, составлявшія до осми сотъ тысячъ человѣкъ, лишилась всей конницы и артиллеріи. Рейнскій Союзъ разрушенъ, отторженъ отъ ней. Гишпанія »угрожаетъ ся предѣламъ. Мнѣніе о непреодолимомъ искуствѣ Наполеоновомъ уничтожено. »Обладавшій умами страхъ изчезъ. Уста злонамѣренныхъ заграждаются. Гласъ гордости и »лжи его становится посмѣшищемъ и умолкаетъ »предъ гласомъ правды. Коль великая перемѣна

»въ дѣйствительномъ могуществѣ его и волшеб-
»номъ очарованіи!

„Состояніе Нѣмецкой земли.

»Австрія, Прусія и всѣ Нѣмецкія области, »чрезъ уничтоженіе Рейнскаго Союза, вступаютъ »въ прежнее свое достоинство. Вмѣсто чтобъ »быть раздѣленнымъ и воевать противъ самихъ »себя за Францію, онѣ теперь соединены, и всѣ »совокупно могутъ противупоставить силы го»раздо превосходнѣйшія силъ истощенной Фран»ціи. Коль великій для нихъ перевѣсъ!

„Состояніе Россіи.

»Удаленная отъ Француского царства, миро»любивая, но купно и грозная Россія, показав»шая въ низложеніи силъ всея Европы ужасный »примѣръ великаго могущества своего, и еще »бо́льшій примѣръ великодушія; ибо забывъ на»несенныя ей оскорбленія и самыя незажившія »еще раны свои, приходитъ за зло воздавать »добромъ, избавить воевавшую противъ ней Ев»ропу—приходитъ, ободряетъ, подкрѣпляетъ и »избавляетъ! Чегожъ еще желать отъ нея?

»Скажутъ: но врагъ, ушедшій въ свои пре»дѣлы, не склоняется еще на миръ; онъ помы»шляетъ о новомъ ополченіи. Слѣдственно дѣло »еще не кончано.

*

»Отвѣчаю: какая нужда, хочетъ ли онъ »мира или нѣтъ? Дѣло кончано. На что дожи»даться отъ него согласія или подтвержденія »миромъ того, что̀ я исторгъ у него изъ рукъ »и чѣмъ безъ него располагать могу? Нѣмецкой »землѣ данъ великой противъ него перевѣсъ: »она можетъ составить и держать всегда прево»сходнѣйшія противъ него силы. Войски ея бу»дутъ жить у себя, дома, всегда готовы собрать»ся и двигнуться при малѣйшихъ покушеніяхъ »врага.

»Скажутъ: быть всегда въ осторожности и »ополченіи, содержать много войскъ и наблю»дать между всѣми тѣсный союзъ, требуетъ не»усыпнаго вниманія, трудовъ, и великихъ из»держекъ.

»Отвѣчаю: но не таже ли самая осторож»ность необходимо нужна для Нѣмецкой земли »и тогда, когда Наполеонъ заключитъ миръ? Что »для него миръ? Можно ли на оный полагаться? »Миръ возвратитъ ему болѣе ста тысячь плѣн»ныхъ, умножитъ собранныя имъ вновь силы, »и какъ скоро онъ будетъ готовъ, тотчасъ пой»детъ возвращать свои завоеванія. Можно ли по»лагать въ немъ дѣйствительное отрѣченіе отъ »властолюбія? скорѣе, какъ говоритъ Священное »писаніе, канатъ продѣнется сквозь игольныя »уши. И такъ, чтобъ быть безопасну, не долж-

»но ли имѣть отъ него равную осторожность »въ мирѣ, подобно какъ и въ войнѣ?

»Скажутъ: но съ миромъ освободятся многія крѣпости, занимаемыя нынѣ гарнизонами »его.

»Отвѣчаю: дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ, »видя взятыя противъ него сильныя мѣры, не »смѣлъ онъ выходить изъ предѣловъ своей зем»ли, или бы вышедшій прогнанъ былъ назадъ: »тогда крѣпости сами по себѣ освободятся. А есть»ли не будетъ достаточныхъ силъ воспротивить»ся движеніямъ его внутрь чужихъ земель, то »хотя бы крѣпости и очищены были, опять по »прежнему отдадутся.

»Скажутъ: пребываніе здѣсь Россійскаго »Императора и войскъ его необходимо нужно; »ибо онъ душа всего союза, и самая величай»шая всѣхъ надежда. Безъ него все можетъ рас»клеиться, и Наполеонъ не упуститъ тѣмъ вос»пользоваться.

»Отвѣчаю: все это несомнѣнная правда; но »естьли Наполеонъ заключитъ миръ, и Россій»скій Императоръ съ войсками своими возвра»тится въ Россію; Нѣмецкая земля не въ томъ »ли же самомъ останется положеніи, въ какомъ »и теперь? ибо мы ужè выше сказали, что съ »симъ человѣкомъ миръ и война есть одно и »тоже. Когда возвышенный алкалъ онъ всегда »болѣе возвышаться, то уничиженный преста-

»нетъ ли того желать? Естьли примѣтитъ онъ »противъ себя твердость и осторожность, то бу»детъ миренъ; а естьли увидитъ слабость и воз»можность побѣдить, то среди мира пойдетъ »войною.

»Скажутъ: но можно еще болѣе стѣснить »его, отобрать пограничныя крѣпости, и внутри »Франціи принудить къ миру. Тогда Нѣмецкая »земля совершенно будетъ безопасна.

»Отвѣчаю: въ такомъ случаѣ надобно бу»детъ отодвинуть цѣль свою еще далѣе, то есть »устремиться на покореніе Франціи, естьли она »не захочетъ отказаться отъ своего Наполеона. »За успѣхъ сего трудно отвѣчать, и тогда на»добно будетъ рѣшить вопросъ: полезно ли для »Россіи, претерпѣвшей при защищеніи себя тя»желыя раны, и не смотря на то напрягшейся »на освобожденіе Европы, истощать еще имуще»ство и напрягать силы свои для сомнительна»го покоренія Франціи, дабы обезопасить Нѣмец»кую землю, которая и теперь приведена ужѐ »въ безопасное состояніе, какъ скоро сама бу»детъ бдительна и осторожна?

»Франція великою утратою людей своихъ »конечно должна быть истощена; однакожъ не»пріятель не былъ въ ея предѣлахъ, не пожегъ »ея градовъ, не разорилъ селеній; и такъ, хотя »и должно думать, что отбита у ней охота по»мышлять о завоеваніяхъ и преобладаніи надъ

»другими; но можетъ быть не менше, какъ и »Россія, окажетъ она единодушія, силы и твер»дости въ защитѣ собственныхъ своихъ предѣ»ловъ. Наполеонъ думалъ найти миръ въ Москвѣ, »и обманулся. Почему же во Франціи не мо»жетъ случиться того же, что случилось въ Рос»сіи? Можетъ быть и мы не найдемъ мира даже »и въ самомъ Парижѣ. Сверхъ сего предпріятіе »идти во Францію противно торжественнымъ »возвѣщеніямъ, что предѣлы ея останутся не »прикосновенны, и слѣдственно сіе нарушеніе »долженствуетъ непремѣнно самыми тѣсными »узами связать Наполеона съ народомъ его. Нынѣ »пользы ихъ нѣкоторымъ образомъ раздѣлены: »властолюбивому Наполеону не хочется раз»статься съ господствомъ своимъ надъ Европою, »и потерять громкость имени своего; утомлен»ной войнами Франціи не хочется поддерживать »сіе господство его, тѣмъ паче, что надлежитъ »снова идти покорять народы и снова проли»вать кровь свою рѣками. Но тогда сіе раздѣле»ніе пользъ ихъ превратится въ самую крѣп»чайшую связь. Народъ станетъ стоять за себя, »и будетъ видѣть въ Наполеонѣ спасителя сво»его; и естьли (чего Боже сохрани) союзныя вой»ски потерпятъ во Франціи такое же или подоб»ное пораженіе, какое Французы претерпѣли въ »Россіи, тогда Европа упадетъ снова подъ иго »ихъ, опаснѣйшее и крѣпчайшее прежняго. Муд-

»рено усомниться въ возможности подобнаго »оборота счастія, имѣя предъ собою сильнѣйшій »и не давно случившійся тому примѣръ.

»По всѣмъ симъ обстоятельствамъ другаго »лучшаго и надежнѣйшаго средства кажется »нѣтъ, какъ всей Нѣмецкой земли, подъ кровомъ »главы своей, Австрійскаго Императора, соста»вить сильное ополченіе, къ которому Прусія »должна присовокупить всѣ свои силы; поелику »она имѣетъ нужду въ освобожденіи крѣпостей »своихъ изъ рукъ непріятельскихъ. Сіе ополче»ніе, могущее безъ всякаго изнуренія земель »простираться покрайней мѣрѣ до четырехъ »сотъ тысячь оруженосцевъ, долженствуетъ со»держать непріятеля въ предѣлахъ земли его, »доколѣ не пожелаетъ онъ примириться. Россія »съ своей стороны въ союзѣ семъ участвовать »будетъ оставленіемъ здѣсь (буде надобно) кор»пуса своего отъ пяти до шестидесяти тысячь »человѣкъ, и арміею своею, расположенною на »границахъ земли своей и частію въ Варшав»скомъ Герцогствѣ. Изъ сего положенія Франція »увидитъ: первое, что до предѣловъ ея отнюдь »не касаются, и второе, что для прегражденія »успѣховъ ея приготовлены препоны, могущія »продолжиться годъ, два и болѣе. Тогда конеч»но при всемъ рвеніи Наполеоновомъ отречется »она быть жертвою его властолюбія, и пожe»лаетъ дѣйствительнаго мира.

»Между тѣмъ Россія, первѣйшая виновница »освобожденія Европы, и слѣдовательно первая »въ семъ общемъ союзѣ держава, сохранитъ всег»да и силу и славу и права̀ свои въ постановле»ніи мирныхъ договоровъ. Въ противномъ же »случаѣ продолженія нести на раменахъ своихъ »всю тяжесть войны, и долговременнѣйшее еще »пребываніе всѣхъ войскъ ея въ толь отдален»номъ краю, можетъ сильно истощить всѣ ея »способы, и жребій ея останется еще не извѣ»стенъ.« *)

Бумагу сію написалъ я вскорѣ по пріѣздѣ моемъ и хотѣлъ самъ отдать Государю, но не имѣя долго случая быть у него въ кабинетѣ, напослѣдокъ занемогъ и долженъ былъ нѣсколько дней сидѣть дома. Въ это время не однократ-

*) Послѣдствія показали, что опасенія мои были напрасны, и что тамъ, гдѣ мечталась мнѣ подобная нашей твердость народа, вышло напротивъ, при всѣхъ Наполеоновыхъ побужденіяхъ, лжахъ и угрозахъ, одно только спокойное равнодушіе, доставившее намъ не погибель, но громкую славу. Народъ и самыя войски его, очнувшіяся отъ ослѣплявшаго ихъ очарованія, не имѣли ужѐ прежняго кичснія своего и гордости. Парижъ (по особой, какъ сказываютъ, рѣшительности Государя Императора идти на него, оставя позади себя Наполеона съ войсками) не только безъ сопротивленія, но можно сказать съ радостію отворилъ намъ врата свои По таковыхъ счастливыхъ происшествіяхъ не надлежало бы мнѣ упоминать о семъ письмѣ моемъ, но я охотно о немъ упоминаю, и благодарю Бога, что онъ опасеніе мое преобратилъ въ пустое мечтаніе.

но приходило мнѣ въ голову отослать мою бумагу; но останавливали меня два размышленія: первое, я зналъ, что она не можетъ сдѣлать ни какой перемѣны въ предпріятыхъ уже дѣйствіяхъ; и второе, хотя и надѣялся, что она, какъ не содержащая въ себѣ ничего, кромѣ чистаго усердія къ отечественнымъ пользамъ, не поставится мнѣ въ какое-либо дерзновеніе; однакожъ колебался въ моемъ намѣреніи, опасаясь несогласными съ общимъ расположеніемъ дѣлъ мыслями безъ всякихъ успѣховъ не понравиться и показаться страннымъ. Вотъ какъ трудно говорить съ Царями! Льстецы никогда безпокойствъ сихъ не чувствуютъ: они напередъ знаютъ, что сказанное ими принято будетъ съ благосклонностію; но когда человѣкъ даетъ волю чистосердечному чувствъ своихъ изліянію, то и опасается, чтобъ послѣ не сказать самому себѣ: кто тебя спрашивалъ не кстати говорить правду? При всѣхъ однакожъ сомнѣніяхъ моихъ насталъ такой часъ, въ которой рѣшился я и отправилъ мое посланіе. Это было подвечеръ. На другой день поутру пришелъ ко мнѣ Графъ Толстой отъ имени Государя провѣдать о моемъ здоровьѣ, и обвиняя доктора Вилліе за позднее о болѣзни моей увѣдомленіе сказалъ, что Его Величество желаетъ меня видѣть и сбирается Самъ ко мнѣ придти. Я удивился и не зналъ чему приписать сію неожидаемую мною честь, бу-

магѣ ли моей, или чему иному. Вскорѣ потомъ присланъ былъ отъ Государя Фельдъ-егерь узнать, гдѣ я живу, и потомъ также отнюдь не ожидаемо навѣстилъ меня Графъ Аракчеевъ. Я ожидалъ весь день сего Монаршаго посѣщенія, однакожъ не дождался. На другое утро пришелъ ко мнѣ докторъ Виллие и сказывалъ, что Государь распрашивалъ у него съ подробностію о моей болѣзни и заботился, чтобъ меня хорошо лѣчили. Милость сія съ одной стороны была мнѣ пріятна, но съ другой, чувствуя себя не въ силахъ таскаться за главною квартирою, я опасался, что, въ случаѣ прозбы моей отстать отъ ней, меня не отпустятъ. Два дни еще послѣ того ожидалъ я имѣть счастіе видѣть у себя Государя, а особливо въ послѣдній день, потому что въ этотъ вечеръ противъ самыхъ моихъ окошекъ былъ балъ, на которомъ всѣ Цари и Принцы находились, но ожиданіе мое было тщетно. Наконецъ, не вѣдая что̀ побудило Государя вознамѣриться придти ко мнѣ, написалъ я къ Графу Толстому, что хотя я не выхожу, однако, ежели Его Величеству угодно, то я во всякое время придти къ Нему смогу. Но какъ присылки за мною ни какой не было, то и оставался я сидѣть дома, удивляясь придворнымъ хитростямъ, отъ чего такъ вдругъ загорѣлось, и такъ скоро простыло. Получа нѣкоторое отъ болѣзни облегченіе одѣлся я и по-

шелъ безъ всякаго позыва къ Государю съ докладами. Онъ принялъ меня, и когда я, по прочтеніи нѣсколькихъ бумагъ, сталъ просить извиненія, что осмѣлился послать къ Нему размышленія мои о нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ, то Онъ сказалъ мнѣ: „напротивъ, Я очень доволенъ твоею бумагою, и прочиталъ ее не одинъ разъ; въ ней много правды, и хотя Я не то буду дѣлать, однакожъ во многомъ согласенъ съ тобою."

Въ бытность нашу здѣсь часто приглашаемъ я былъ къ столу Великихъ нашихъ Княгинь Екатерины Павловны и Маріи Павловны. Изрѣдка посѣщалъ театръ и клобъ, въ которыхъ часто забывался, думая, что я въ Петербургѣ; ибо куда ни оглядывался, вездѣ видѣлъ нашихъ Офицеровъ. Въ одинъ день опечаленъ я былъ извѣстіемъ о смерти Князя Кудашева. Онъ былъ раненъ, оставался въ Лейпцигѣ и тамъ умеръ. Всѣ единогласно говорятъ, что войско лишилось въ немъ отличнаго и храбраго Генерала, въ которомъ со временемъ могъ бы процвѣсти искуснѣйшій Полководецъ; да и въ общежитіи былъ онъ добрый и пріятный человѣкъ. Многія подобныя же вѣсти огорчали меня и о другихъ знакомыхъ мнѣ Офицерахъ. Изъ Дрездена (которой тогда очищенъ уже былъ отъ Французовъ, но не очищенъ отъ занесенныхъ ими болѣзней) писали, что тамъ въ одну недѣ-

ло умерло слишкомъ тысяча человѣкъ. Проклятая война! ты и послѣ убійствъ, творимыхъ на полѣ брани, продолжаешь еще быть убійственною!

Въ началѣ Декабря оставили мы Франкфуртъ и чрезъ нѣсколько дней пріѣхали въ Баденскую столицу Карлсруге. Болѣзнь моя стала опять увеличиваться: я не въ силахъ былъ показываться при Дворѣ, не могъ идти къ Государю, и потому не представлялся ни Маркграфинѣ (Матери Императрицы Нашей Елисаветы Алексѣевны), ни сыну Ея Владѣтельному Герцогу, ни дочери Ея Шведской Королевѣ, *) словомъ ни кому. Въ семъ состояніи моемъ, чувствуя себя отчасу болѣе слабѣющимъ, просилъ я Графа Аракчеева сказать обо мнѣ Государю, что я боленъ, не могу слѣдовать далѣе за главною квартирою, и прошу позволенія ѣхать въ Россію, или покрайней мѣрѣ въ Вѣну или Берлинъ, гдѣ бы я могъ жить на мѣстѣ и лѣчиться. Въ отвѣтъ сказано мнѣ было, что Государь желаетъ Самъ меня увидѣть и поговорить со мною. Между тѣмъ мнѣ стало нѣсколько получше. Я пошелъ къ нему не одѣтой, въ сертукѣ и безъ шпаги. Онъ принялъ

*) Королева сія, женщина лицемъ и обращеніемъ весьма пріятная, разставшись съ мужемъ своимъ, лишеннымъ престола, жила у матери своей съ сыномъ и дочерьми.

меня милостиво, распрашивалъ о моихъ припадкахъ, совѣтовалъ лѣчиться у Виллie, употреблять одинакую пищу и дѣлать больше движенія. Наконецъ сказалъ: „*мнѣ кажется ты не столько боленъ тѣломъ, сколько мыслями.*“ Я увѣрялъ Его въ противномъ, и присовокупилъ къ тому, что ежели бы болѣзнь моя была мысленная, то бы я не далъ ей во мнѣ усилиться, но отъ тѣлесной болѣзни избавить себя не могу. Разговоръ сей кончился нѣкоторыми докладами моими по дѣламъ, послѣ чего я вышелъ, не получа ни какого на прозбу мою рѣшенія. Это было поздо ввечеру. Въ самое то время, какъ я откланивался, Государь изволилъ мнѣ сказать: „*надобно написать Манифестъ о принесеніи Богу благодарности за достиженіе наше до сихъ мѣстъ, и также Манифестъ о заключеніи мира съ Персіею. Первый, естьли можно, пришлите ко мнѣ сегодня же.*“ — Я пошелъ домой, написалъ и отослалъ къ Нему оный (см. въ собран. Маниф. стран. 149); но втораго за скорымъ отъѣздомъ написать не успѣлъ.

На другой день поутру Его Величество и мы за Нимъ отправились въ Фрейбургъ. Я пріѣхалъ туда въ полдень (Декабря 12 дня), и очень усталъ отъ дороги. Велѣлъ подать себѣ супу, и поѣвъ немного, легъ отдохнуть въ постелю. Но въ самое это время принесли мнѣ

своеручную отъ Государя записку, въ которой написано: „*я желаю, буде возможно, Манифестъ о замиреніи съ Персіею получить сего же вечера.*“ Не имѣя времени въ дорогѣ приготовить оный, я при всей своей слабости принужденъ былъ встать, отыскать нужныя для заготовленія онаго бумаги, написать его, дать переписать на бѣло, и потомъ отнести къ подписанію. Государь изъявилъ мнѣ благоволеніе Свое за скорое исполненіе, подписалъ Манифестъ, *) и спросилъ меня о моемъ состояніи. Я отвѣчалъ, что оно не лучше прежняго. Между тѣмъ осмѣлился попросить, чтобъ Онъ меня въ другой разъ принялъ, сказывая, что у меня много дѣлъ, требующихъ разрѣшенія. На это отвѣчалъ Онъ мнѣ: „*какъ скоро удосужусь, то пришлю за тобою.*“ Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ позванъ я былъ къ Нему съ дѣлами. По разрѣшеніи бывшихъ со мною докладовъ Онъ опять спросилъ у меня, каковъ я? Отвѣтъ мой былъ, что я все таковъ же и ни малѣйшаго облегченія не чувствую.—*Какъ же ты думаешь быть?*“— Я самъ не знаю, Государь; знаю только, что ѣздя за главною квартирою легко могу слечь въ постелю, и тогда принужденъ буду остаться въ какомъ нибудь непріятельскомъ городкѣ или де-

*) Бумага сія по забвенію не помѣщена въ собраніи Манифестовъ.

ревнѣ безъ всякой помощи и призрѣнія.—„*Однако въ Вѣну или Берлинъ далеко; поѣзжай, коли хочешь, въ Минхенъ.*“ — Государь! тамъ никого нѣтъ нашихъ Рускихъ, и я, ежели не отъ болѣзни, такъ отъ скуки умру. А вотъ (продолжалъ я) сказываютъ Ея Высочество Екатерина Павловна будетъ въ это время жить въ Цирихѣ, такъ не позволите ли мнѣ ѣхать къ Ней?—*Къ сестрѣ?* (перервалъ Государь) *очень хорошо; это близко и всего лучше. Она теперь въ Шафгаузенѣ; я скоро туда поѣду и Самъ поговорю Ей о тебѣ.*“—Я поблагодарилъ Его за толь милостивое обѣщаніе, откланялся и пошелъ съ моими бумагами домой.

Послѣ того дни черезъ два Государь опять прислалъ за мною. Въ это время выѣзжалъ онъ на встрѣчу входящимъ въ городъ Виртембергскимъ войскамъ. Мы дожидались въ передней. Когда онъ возвратился и проходилъ черезъ нашу горницу, то увидя меня, стоящаго съ докторомъ Вилліе, спросилъ у него о моемъ состояніи. Вилліе отвѣчалъ Ему, что мнѣ лучше прежняго, но что по моей болѣзни нуженъ для меня покой. Тогда Государь сказалъ ему съ нѣкоторою досадою: „*Это обыкновенная ваша ухватка: когда вы кого вылѣчить не можете, то сживаете его съ рукъ своихъ долой.*“ — Изъ словъ сихъ могъ я видѣть, что Государю не хотѣлось меня отпустить. Желая

сдѣлать ему угодное, часто, когда становилось мнѣ хоть немного получше, вознамѣривался я пойти къ нему и сказать, что могу оставаться при немъ, но снова почувствовавъ себя хуже, отъ того удерживался.

Во время пребыванія моего здѣсь повстрѣчались со мною хотя не отлично достопамятные, однакожъ довольно необыкновенные случаи: первое, скоро по пріѣздѣ моемъ сюда принесли мнѣ здѣшнія вѣдомости, въ которыхъ прочиталъ я на новый годъ стихи, сочиненные живущимъ здѣсь въ престарѣлыхъ ужѐ лѣтахъ извѣстнымъ Нѣмецкимъ писателемъ *Якоби*. Онъ прославлялъ наши подвиги, и желая, что бъ мы потушили давно пылающій пожаръ кровопролитныхъ браней, между прочимъ сказалъ о себѣ, что онъ, какъ лебедь, при концѣ своей жизни воспѣваетъ насъ послѣднимъ гласомъ. Стихи сіи такъ мнѣ понравились, что я хотѣлъ тотчасъ идти къ нему, что бъ съ нимъ познакомиться; но вдругъ увидѣлъ несомый мимо оконъ моихъ гробъ. Я спросилъ: кого хоронятъ? мнѣ сказали: *Якобія*. Онъ умеръ на другой или на третій день по написаніи своихъ стиховъ. И такъ правду, бѣдный, напророчилъ о себѣ, что поетъ послѣднимъ гласомъ! — второе, не столь печальное: мнѣ отвели домъ, въ которомъ на другой половинѣ помѣщался самъ хозяинъ съ женою; а въ верху надъ нами жилъ

Французской Генералъ, во время революціи удалившійся изъ Франціи. Оба они часто меня посѣщали. Это мнѣ было пріятно и нужно; ибо безъ того большую часть времени приходилось бы мнѣ одному сидѣть дома. Французъ Генералъ полюбилъ меня. Онъ былъ старикъ, лѣтъ за девяносто, но еще довольно свѣжій и бодрый. Въ одинъ день позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Мы сѣли за столъ трое: онъ, сестра его, и я; да за столомъ служила намъ вмѣстѣ и кухарка и служанка. Во время обѣда сосчитали мы, сколько намъ отъ роду лѣтъ. Вышло: намъ съ Генераломъ за полтораста, да сестрѣ его и кухаркѣ, двумъ *дѣвушкамъ*, не съ большимъ сто восемдесятъ, а всѣмъ четверымъ только триста тритцать четыре года! рѣдкой обѣдъ, подумалъ я, и рѣдкая семейка!

Вскорѣ потомъ Государь прислалъ за мною. Онъ приказалъ мнѣ по случаю вступленія войскъ нашихъ въ предѣлы Франціи написать имъ приказъ: „*надобно* (примолвилъ онъ), *что бъ приказъ этотъ сегодня же былъ написанъ, и когда будетъ готовъ, то самъ не приходи, а пришли его ко мнѣ.*" Я тотъ же часъ написалъ и отослалъ оный къ нему. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

Приказъ Россійскимъ войскамъ.

»Воины! мужество и храбрость ваша при-»вели васъ отъ Оки на Рейнъ. Онѣ ведутъ насъ

»далѣе. Мы переходимъ за оный, вступаемъ въ »предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы ужѐ спасли, »прославили Отечество свое, возвратили Европѣ »свободу ея и независимость. Остается увѣнчать »великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и »тишина! да будетъ каждое Царство подъ единою собственнаго Правительства своего властію »и законами благополучно! да процвѣтаютъ въ »каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію »народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и »торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя »въ средину Царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную »казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ »быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ »дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, »но дружелюбіе и простертую для примиренія »руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго »врага и по исторженіи изъ рукъ его оружія, »благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ *Святопочитаемая* въ душахъ нашихъ православная вѣра; »она божественными устами вѣщаетъ намъ: *Любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро.* Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что

»вы кроткимъ поведенiемъ своимъ, въ землѣ не»прiятельской столькоже побѣдите ее велико»душiемъ своимъ, сколько оружiемъ, и соединяя »въ себѣ храбрость воина противъ вооружен»ныхъ съ благочестiемъ христiянина противъ »безоружныхъ, довершите многотрудные по»двиги свои сохраненiемъ прiобрѣтенной ужѐ вами »славы мужественнаго и добронравнаго народа. »Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца жела»нiй нашихъ, всеобщаго мира. Я увѣренъ так»же, что начальствующiе надъ вами не оста»вятъ взять нужныхъ для сего и строгихъ мѣръ, »дабы несогласные съ симъ поступки нѣкото»рыхъ изъ васъ не помрачили къ общему ва»шему прискорбiю того добраго имени, кото»рымъ вы доселѣ по справедливости славитесь.«

Государь возвратилъ мнѣ назадъ сiю бумагу безъ подписанiя, съ приказанiемъ вновь переписать и прислать къ нему поскорѣе. Причина сему была слѣдующая: въ приказѣ семъ стояла рѣчь: *сему научастъ насъ неизгладимая никогда въ душахъ нашихъ православная вѣра.* Государю по видимому выраженiе въ сей рѣчи *неизгладимая никогда* не поправилось; оно было вычернено, и вверху собственною Его рукою карандашемъ написано: *„горящая или пылающая или чтимая.“* Я тотчасъ отдалъ переписать бумагу, а между тѣмъ, послалъ къ нему слѣдующую записку: *„горящая*, или *пылающая*

кажется не множко стихотворно; *чтимая* немножко мало; не прикажете ли поставить *священночтимая* или *святопочитаемая?* „Онъ возвратилъ мнѣ сію записку съ слѣдующею отмѣткою: „*святопочитаемая* кажется всего приличнѣе:“

Въ исходѣ мѣсяца Государь собрался ѣхать отселѣ. Я Его пошелъ провожать. Онъ проходя мимо меня сказалъ мнѣ: „*я твоего дѣла не забуду*.“ На другой день въ слѣдъ за Нимъ поѣхалъ и я въ Шафгаузенъ. Любопытно было для меня проѣзжать такъ называемую *адскую долину* (Höllensthal): она состоитъ въ ущеліи, лежащей между двухъ хребтовъ превысокихъ горъ, составляющихъ по обѣимъ сторонамъ ея крутыя стѣны такъ, что вершины ихъ, на которыхъ растетъ лѣсъ, кажется нідѣ висятъ надъ головою: страшно ѣхать; боишся, чтобъ съ нихъ не упалъ на тебя камень или отломокъ дерева. Притомъ же и дорога такъ узка, что трудно разъѣхаться, когда съ кѣмъ повстрѣчаешься. Проѣхавъ мѣстечко, называемое *черный лѣсъ* (Schwarzen-wald), гдѣ много дѣлаютъ деревянныхъ часовъ, пріѣхалъ я къ обѣду въ Донау-Эшингенъ, и остался тутъ ночевать у находящагося здѣсь съ казною Генералъ-Маіора Иванова. Узнавъ отъ него, что здѣсь живетъ Графиня Барклай-де-Толли съ нѣкоторыми другими Рускими барынями, зашелъ

я къ нимъ. Потомъ осмотрѣлъ источникъ или ключъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Дунай. Ключъ сей обдѣланъ камнемъ; вода въ немъ очень чистая; рѣка начинаетъ течь изъ него по жолобу такой ширины, что можно черезъ него перешагнуть, и всякой это дѣлаетъ, дабы послѣ сказать, что онъ шагалъ черезъ Дунай. Здѣсь находится дворецъ Принцессы Фирстенбергской съ нѣсколькими вокругъ его каменными зданіями и садомъ, которой, сказываютъ, лѣтомъ прекрасенъ, но теперь покрытъ снѣгомъ. Возвратясь домой услышалъ я, что сегодня будетъ здѣсь на театрѣ дана Нѣмецкая опера *волшебная флейта* (Zauber-flöte). Я отнюдь не любопытствовалъ ее видѣть, воображая, что надобно будетъ одѣваться, идти туда, и что какому хорошему зрѣлищу можно быть въ такомъ глухомъ мѣстѣ; но Ивановъ сказалъ мнѣ, что я не выходя изъ горницы могу видѣть эту оперу. Какъ это? (спросилъ я съ удивленіемъ). Да она будетъ представляться здѣсь за этими дверьми; намъ стоитъ только отворить ихъ (отвѣчалъ онъ). Хорошо (сказалъ я); ну посмотримъ. Въ назначенный часъ дверь отворилась, мы переступили въ другую такуюже, какъ наша, комнату, и піеса началась. Зрителями были человѣкъ семь или восемь Рускихъ Офицеровъ, и больше ни кого. По окончаніи оперы, съигранной двумя актерами, я ушелъ, но слы-

шалъ продолженіе начавшихся еще при мнѣ рукоплесканій и вызовъ по именамъ актеровъ, которые, выходя изъ за кулисъ, откланивались публикѣ. Вотъ, подумалъ я, менше ли веселятся здѣсь театральными представленіями, чѣмъ въ Парижѣ или Петербургѣ? . . . .

По пріѣздѣ моемъ въ Шафгаузенъ пошелъ я тотчасъ къ Государю и велѣлъ о себѣ доложить. Онъ по обыкновенному принялъ меня милостиво, и сказалъ мнѣ: „*ну вотъ! обстоятельства перемѣнились: сестра не остается въ Швейцаріи, а ѣдетъ въ Ольденбургъ; тебѣ далеко туда ѣхать. Чтожъ ты будешь дѣлать?*" Когда такъ, отвѣчалъ я, то уже непремѣнно должно мнѣ хоть черезъ силу тащиться за главною квартирою. „*Поѣзжай*, сказалъ Онъ, *держись поближе къ намъ.* Тутъ я откланялся Ему, и вскорѣ потомъ Онъ отправился. Отъѣздъ Его возвѣщенъ былъ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Послѣ сего я зашелъ также откланяться Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и поѣхалъ взглянуть на славный Рейнскій водопадъ. Но при малой бывшей тогда водѣ, видъ его былъ не столь величавъ. Мнѣ очень понравилось смотрѣть на него въ темнишникѣ (камера обскура) нарочно для сего построенномъ на берегу, и хотя день не довольно для того былъ свѣтелъ, однакожъ всѣ части водопада, быстрота его паденія, каждая летящая

отъ него разноцвѣтная брызга, ясно изображающаяся, составляли живую, прекраснѣйшую картину. Остальную часть дня проводилъ я у Князя Гагарина (находившагося при Великой Княгинѣ), и на другой день поутру, заплатя за постой свой корыстолюбивому трактирщику чрезмѣрно дорого, отправился въ путь, переночевалъ въ Лауфенбургѣ, и въ самый новый (1814) годъ пріѣхалъ въ Базель. Въ прошедшемъ году въ этотъ день перейдя въ Меричахъ черезъ рѣку Неменъ выступили мы изъ предѣловъ Россіи, а теперь, ровно черезъ годъ, перейдя въ Базелѣ черезъ Рейнъ, вступаемъ въ предѣлы Франціи. Въ самый часъ пріѣзда моего сюда два Императора, и третій Король Прускій, смотрѣли проходящія мимо ихъ войски. Дорóгою я опять занемогъ, и хотя иногда становилось мнѣ получше, такъ, что я могъ бродить, но чрезвычайная слабость и круженіе головы, казалось, съ дня на день умножались. Я почти ни куда не выходилъ, и только въ одинъ день взманили меня посмотрѣть здѣшнее книгохранилище, гдѣ всего достойнѣе примѣчанія показалась мнѣ книга извѣстнаго писателя Эразма, хвалившаго глупость весьма остроумнымъ и забавнымъ слогомъ. На этой книгѣ тожъ извѣстный отличнымъ искуствомъ своимъ живописецъ Голбейнъ сдѣлалъ перомъ множество рисунковъ, соотвѣтствующихъ содержанію сего сочиненія. — Нако-

нецъ видя, что Государь не охотно меня отпускаетъ, хотя и взялъ было я твердое намѣренiе слѣдовать за Нимъ, но чувствуя, что поневолѣ долженъ буду отъ Него отстать, рѣшился я снова просить Его объ увольненiи меня. На канунѣ отъѣзда Его написалъ я къ Графу Толстому, чтобъ онъ предувѣдомилъ Его о томъ, но опасаясь не получить отвѣта и чрезъ то остаться въ недоумѣнiи, поутру, собравшись съ силами, пошелъ я самъ къ Его Величеству. Онъ идучи отъ обѣдни увидѣлъ меня на крыльцѣ, и оборотясь ко мнѣ сказалъ: „*мнѣ есть надобность поговорить съ тобою.*" Я пошелъ за Нимъ. Долго дожидался. Напослѣдокъ меня позвали. Онъ распрашивалъ меня о моей болѣзни, и по довольно долгомъ разговорѣ, видя, что я на силу передъ Нимъ могу стоять, спросилъ: „*чтожъ ты хочешь, здѣсь остаться, или куда ѣхать?* Я отвѣчалъ, что думаю ѣхать въ Карлсруге. „*Очень хорошо!* (примолвилъ Онъ) *Туда будетъ моя жена, и сверхъ того Я напишу о тебѣ къ Маркграфинѣ.*" Я кинулся обнимать Его со слезами, пожелалъ Ему благополучныхъ успѣховъ, и просилъ чтобъ Онъ, ежели случится со мною общая всѣмъ смертнымъ участь, не оставилъ оставшихся послѣ меня моихъ ближнихъ. Государь съ нѣкоторою чувствительностiю сказалъ мнѣ на это: „*Я на-*

дѣюсь, что тебѣ будетъ лучше; впрочемъ мое дѣло о тебѣ помнить." *) Такимъ образомъ

*) Могъ ли я въ тогдашнемъ состояніи моемъ представить себѣ, чтобъ тотъ, кого я прошу, и та, за которую прошу (жена моя), оба прежде меня жизнь свою скончали? Опечаленнаго кончиною супруги моей, Государю угодно было почтить меня слѣдующимъ письмомъ. „Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ Я о кончинѣ „супруги вашей, и искренно раздѣляю съ вами горесть ва„шу, желая, чтобъ вы съ покорностію къ Святой волѣ „Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ упо„ваніи на благость Его. Пребываю впрочемъ всегда къ „вамъ благосклоннымъ." (На подлинномъ подписано: Александръ. Въ Таганрогѣ Сентября 25 дня 1825 года). Не долго послѣ сего и Самъ пребывалъ Онъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Сопровождая гробъ Его не могъ я, при всемъ холодѣ старости моей, воздержаться, чтобъ не воздохнуть о Немъ слѣдующими стихами:

Тебя, Монархъ, не столь еще въ годинѣ давной,
Воююща въ войнѣ преславной,
Повсюду я сопровождалъ,
И гласъ Твоихъ велѣній сильныхъ,
И громъ побѣдъ Твоихъ предивныхъ,
Народамъ возвѣщалъ;
А днесь.....о что сказать дерзаю!
Остатки тлѣнные Твои
(Теките слезъ ручьи!)
Въ могилу темную сопровождаю!
Создатель неба и земли,
Молепью нашему внемли:

мы разстались, и я скоро после Него отправился въ Карлсруге.

Ѣзда моя была самая тихая: я не могъ больше двухъ или трехъ миль ѣхать въ сутки. Дорóга умножала внутреннія мои страданія и производила безпрестанное круженіе головы. Мы встрѣтились съ ѣдущимъ въ главную квартиру Англинскимъ Статсъ-Секретаремъ Кастельре. Также вскорѣ после того имѣлъ я щастіе повстрѣчаться и видѣть, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ армію, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Доѣхавъ до Фрейбурга остановился я у старыхъ моихъ хозяевъ дни на два отдохнуть. Они мнѣ были очень рады; старикъ Французскій Генералъ накормилъ меня и подарилъ мнѣ двѣ бутылки старой малаги, совѣтуя всякой день пить по рюмкѣ. Въ полдень слышна была здѣсь пальба, но гдѣ, и какое было сраженіе, неизвѣстно. Можетъ быть думалъ я союзныя войски приступаютъ къ крѣпости Гюнингенъ, подлѣ Базеля, мимо которой я проѣзжалъ подъ самыми пушками, и признаюсь поглядывалъ, не вздумается ли Французамъ, увидя Рускихъ кучеровъ, попугать насъ нѣсколькими выстрѣлами; однакожъ

Разставшись съ жизнію земною

Да будешъ Онъ съ Тобою!

нѣтъ; а сказываютъ, что предъ симъ проходили тутъ наши солдаты и запѣли пѣсню; Французы не вытерпѣли, и выпаля нѣсколько разъ, одного изъ нихъ убили. Хозяинъ мой раскazывалъ мнѣ между прочимъ, что многіе Нѣмцы для того только ѣздятъ за Рейнъ, чтобъ составить счастіе свое женитьбою, потому что богатыя Француженки по недостатку жениховъ, которые всѣ или служатъ, или перебиты, часто выходятъ за бѣдныхъ Нѣмцевъ. Я этому очень вѣрю. Вотъ до чего Наполеонъ довелъ Францію!

Выѣхавъ изъ Фрейбурга, переночевалъ я въ Гербольсгеймѣ, а потомъ въ Офенбургѣ, гдѣ остановился у Епископа, у котораго Бонапарте отнялъ всѣ его владѣнія. Отселѣ, хотя и не по дорогѣ, заѣхалъ я въ Баденъ, чтобъ поговорить съ докторами, не присовѣтуютъ ли они мнѣ употреблять Баденскія вόды. Мнѣ сказали, что можно и зимою садиться въ ванны, но надобно остаться жить здѣсь по крайней мѣрѣ недѣли на три. Не рѣшась на это, я хотѣлъ проѣхать прямо въ Карлеруге, но почувствовавъ себя хуже обыкновеннаго, остановился въ Раштадѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдохновенія мнѣ стало не много получше. Узнавъ, что здѣсь живетъ Графиня Витгенштейнъ, я послалъ сказать ей о моемъ пріѣздѣ. Она прислала за мной карету, и я поѣхалъ къ ней обѣдать, или лучше сказать посидѣть за столомъ, потому что

я ничего не могъ ѣсть, кромѣ нѣсколькихъ ложекъ супу и печенаго яблока. Ввечеру я простился съ нею, собираясь на другой день рано уѣхать въ Карлсруге, но такъ ночью занемогъ, что принужденъ былъ послать за докторомъ, которой распрося у меня о моей болѣзни и прописывая мнѣ лѣкарство, сказалъ: „я буду васъ лѣчить тѣми самыми средствами, какими недавно помогъ одному больному, страдавшему точно такимиже припадками, какъ вы. Правда, онъ былъ помоложе васъ; но можетъ быть и вамъ тѣжъ самыя средства помогутъ. Только надлежитъ ужѐ остаться здѣсь. Скорой пользы ожидать не можно. По крайней мѣрѣ надобно мнѣ будетъ увидѣть, какое дѣйствіе произведетъ надъ вами мое лѣкарство.“ Я былъ доволенъ его чистосердечіемъ, рѣшился остаться, и отдался ему на руки. Графиня Витгенштейнъ жила въ примыкающихъ ко дворцу покояхъ; она по добротѣ сердца своего безпокоясь, что я стою въ трактирѣ, прислала мнѣ сказать, что велитъ у себя опростать для меня двѣ комнаты; однако жъ я, опасаясь ее стѣснить, и притомъ зная, что въ самомъ дворцѣ жилъ проѣздомъ Прускій Принцъ, собиравшійся скоро уѣхать, остался въ моемъ жилищѣ. Дни черезъ три Принцъ уѣхалъ, и я перешелъ на его мѣсто. Дворецъ сей пустой, довольно огромной, достопамятенъ бывшимъ въ немъ въ 1805 году Конгрессомъ, на

которомъ Французскіе Члены онаго были убиты. Докторъ мой ежедневно меня посѣщалъ. Видъ его и простое обращеніе со мною рождали во мнѣ довѣренность. Дней черезъ десять дѣйствительно почувствовалъ я въ себѣ нѣкоторую перемѣну, сонъ и позывъ на пищу сдѣлались лучше, а особливо обрадовался я, что голова моя стала менше кружиться, и хотя время отъ времени возвращались тѣже припадки, однако рѣже и не такъ сильны. Въ бытность мою въ Раштадѣ я много обязанъ какъ бы родственному обо мнѣ попеченію Графини Виттенштейнъ. Я почти всякой день съ утра до вечера провождалъ у ней, любуясь на милыхъ играющихъ вокругъ ней дѣтей ея. Она была такъ добра, что, не смотря на тягость близкаго разрѣшенія своего отъ беременности, никогда не скучала моими посѣщеніями, безъ чего долженъ бы я былъ цѣлые дни проводить въ грустномъ и по моей болѣзни весьма вредномъ для меня уединеніи.

Почувствовавъ себя нѣсколько здоровѣе и веселѣе, сталъ я болѣе заниматься и любопытствовать о происходившихъ во Франціи дѣйствіяхъ. Разносившіеся безпрестанно слухи часто оказывались невѣрными, но получаемыя Графинею отъ мужа своего письма снабжали насъ иногда нѣкоторыми свѣдѣніями. Съ начала думалъ я, что гордая Франція, кичащаяся побѣдами и преобладаніемъ своимъ надъ столькими держа-

вами, но наконецъ побѣжденная и уничиженная Россіею, увидя вступленіе войскъ нашихъ въ ея предѣлы, воскипитъ гнѣвомъ и мщеніемъ, ополчится, подобно нашему народу, поголовно, и будетъ всѣми силами, защищаться; но услыша противное тому, что войски наши безпрепятственно идутъ внутрь Франціи, что жители спокойны, никуда не разбѣгаются, нигдѣ не противятся, и даже изъ вновонабранныхъ Наполеономъ войскъ многіе перебѣгаютъ къ намъ и отъ насъ по домамъ распускаются, почерпнулъ я радостную надежду, что мы скоро достигнемъ до конца войны. Въ сей надеждѣ, и что можетъ быть по вступленіи въ Парижъ понадобится Манифестъ, занялся я написаніемъ онаго предварительно, дабы при первомъ полученіи извѣстія о покореніи сей столицы, тотчасъ послать оный къ Государю. *)

Между тѣмъ Наполеонъ до вступленія войскъ нашихъ во Францію распускалъ, сказываютъ, не только безстыдныя и нелѣпыя, но даже глупыя и смѣшныя лжи, прежде досаждавшія, а нынѣ забавлявшія меня. Онъ увѣрялъ, что хотя армія его, отступая отъ Лейпцига, имѣла видъ побѣжденной, но въ самомъ дѣлѣ побѣда была на его сторонѣ. Объ насъ, Рускихъ, раз-

*) Мы послѣ будемъ имѣть случай говорить о семъ Манифестѣ.

глашалъ онъ, что мы варвары, дышущіе злобою и мщеніемъ; что между нами есть дикіе народы, которые жарятъ и ѣдятъ малыхъ ребятъ; что мы не имѣемъ ни малѣйшаго уваженія къ женскому полу, и что ежели придемъ въ ихъ землю, то смѣшаемъ нечистую кровь свою съ ихъ чистою кровію, и произведемъ въ отечествѣ ихъ варварскую породу людей. Не знаю, вѣрили ль Французы побѣдѣ его подъ Лейпцигомъ, но выходцы изъ Франціи увѣряютъ, что Француженки не очень баснями его напуганы, и что напротивъ многія изъ нихъ любопытствуютъ увидѣть сихъ варваровъ, и почитаютъ не великою бѣдою, есть ли чрезъ нѣсколько времени будутъ вокругъ ихъ прыгать маленькіе казаки и Башкирцы. Впрочемъ кажется не трудно согласиться, что наша оставленная у нихъ порода причинитъ имъ менше зла, нежели ихъ привитая къ намъ безнравственность.

Подобныя Наполеоновы басни не долго однакожъ раждали во мнѣ смѣхъ. Съ одной стороны рѣшительность союзниковъ идти во Францію, а съ другой провозглашенія ихъ, отнюдь не изъявляющія торжественнаго и положительнаго намѣренія, съ какимъ идутъ въ нее, казались мнѣ темною и непонятною загадкою. Я всегда имѣлъ такое мнѣніе, что всеобщая война сія была не о земляхъ или границахъ; глав-

ное дѣло состояло въ томъ, чтобъ привесть всѣ Царства въ прежнее ихъ состоянiе, низринуть беззаконiе, воцарить истину и благоправiе, низложить примѣръ соблазна, возстановить правà народныя, снять съ нихъ руку насильственнаго преобладанiя, и потушить пожаръ лжи и пороковъ, угрожавшихъ во всемъ свѣтѣ пожрать правду, любовь къ Отечеству, и добродѣтель. Въ семъ единомъ видѣ движенiе Россiйскаго Царя за предѣлы Россiи было достославно и велико; но событiя сего въ царствованiе Наполеона ни коимъ образомъ полагать было не возможно. Состязанiе Европы съ Францiею, или лучше сказать благомыслiя съ зломыслiемъ, не иначе называлось, какъ *доброю* и *худою* стороною (la bonne et mauvaise cause). И такъ защищая *добрую сторону* оружiемъ, надлежало бы защищать ее купно и языкомъ, то есть безъ всякихъ мягкостей и угожденiй говорить прямо, громко и чистосердечно. Примѣръ правоты долженствовалъ предшествовать силѣ оружiя. Благодушiе для сокрушенiя могущества злобы, хотя не свирѣпствуетъ, однакожъ и не потакаетъ. Языкъ его не цвѣтами украшенная лесть, но строгая правда. Судъ его не жестокость и не милость, но истина. Правило его прощать даже и самую злобу, но не иначе, какъ по отнятiи у ней возможности вредить. Въ противномъ случаѣ пощада хуже непощады, по-

слику оставляетъ въ рукахъ закоренѣлаго преступника мечь на пораженія невинности. Я никакъ не могъ себѣ представить, что бъ по вступленіи во Францію можно было съ Наполеономъ помириться. Всякой съ нимъ миръ, какой бы онъ ни былъ, казалось мнѣ, былъ бы для союзныхъ державъ крайнее безславіе и потеря столькими трудами и пролитіемъ крови достигнутыхъ успѣховъ, а для него великая слава и надежда: слава, что доведенный до крайности удержалъ санъ свой и владычество; надежда, что со временемъ дѣла свои поправитъ, и надежда не пустая; ибо Франція оставалась еще таже; онъ глава ея и предводитель, всему свѣту извѣстный и страшный; она къ тщеславію и гордости, войски ея къ войнамъ и грабительствамъ привыкшія; онъ и она уничиженіемъ раздраженные и мщеніемъ дышущіе; оба основывающіе самовластіе свое на торжествѣ пороковъ, на устрашеніи добродѣтели, на развращеніи нравовъ и соблазненіи легковѣрныхъ, къ чему писатели и книги ихъ, потрясавшія вѣру, всегда способствовали. *) Все сіе осталось бы

*) Одинъ изъ бывшихъ въ Россіи писателей ихъ (Дидеротъ), увидя Преосвященнаго Платона, сказалъ ему: „вы человѣкъ просвѣщенной, безсомнѣнія не вѣрите, что бъ было Всевышнее Существо.“ Платонъ отвѣчалъ ему на это стихомъ изъ Псалтири: *рече безумень въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ.*

непотушеннымъ, горящимъ, и примѣръ, что вся соединенная Европа, сломя и преодолѣвъ всѣ силы, ограждавшія гнѣздо зла, приближилась къ нему и какъ бы нѣкіимъ волшебствомъ очарованная, не посмѣла или не восхотѣла разорить его, ужасный примѣръ сей къ ободренію *разврата* и къ отчаянію *благонравія* показалъ бы что *зло* непобѣдимо, и сіе пагубное мнѣніе въ краткое время, усиля *худую*, и ослабя *добрую* сторону, могло бы обратно отдать Наполеону въ прежнее порабощеніе всѣ крѣпости и Царства. И такъ вступленіе союзныхъ войскъ во Францію сопряжено было нераздѣльнымъ образомъ или съ славою низверженія его, или съ безславіемъ безполезнаго входа въ нее и постыднаго выхода. Естьли надлежало помириться съ Наполеономъ, то лучше было сдѣлать сіе не входя во Францію; покрайшей мѣрѣ тогда существовали еще благовидныя причины, что союзныя державы, довольствуясь освобожденіемъ Европы, не хотятъ съ пролитіемъ крови вступать въ землю, которую онѣ, какъ всегда увѣряли, ни разорять, ни раздѣлять не помышляютъ. Но естьли сіе не возможно было, и надлежало непремѣнно рѣшиться нести пламенникъ войны внутрь Французской области, то ужѐ въ ту минуту должно было отдѣлить Наполеона отъ Франціи и торжественно, по согласію всѣхъ державъ, объявить его простымъ

Бонапартіемъ, оказавшимъ себя во время самозванства своего врагомъ человѣчества, съ которымъ, ни едино изъ Европейскихъ Царствъ не можетъ входить ни въ какое сношеніе. Словомъ, по принятіи рѣшительнаго намѣренія *идти во Францію* не оставалось ужè для союзниковъ ни какой средины: надлежало или восторжествовать надъ зломъ, или дать ему восторжествовать надъ собою. Примиреніе съ Наполеономъ, оставля его по прежнему Императоромъ, было бы для него побѣда, превышающая всѣ одержанныя надъ нимъ побѣды.

Наполненному сими размышленіями, всѣ издаваемыя полководцемъ союзныхъ войскъ провозглашенія казались мнѣ больше слабыми, боязливыми загадками, нежели приличными обстоятельствамъ, твердыми и рѣшительными вѣщаніями. *) Я не могъ, судя по здравому раз-

*) Шварценбергово при вступленіи въ предѣлы Франціи возваніе къ Французамъ подъ надписью: *союзныя силы Французской державѣ,* заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Народъ Французской! побѣда привела союзныя войски на вашу границу: они ее переходятъ. Мы не воюемъ съ Франціею, но отвергаемъ отъ себя иго, какое правительство „ваше хотѣло наложить на наши земли, имѣющія право „быть столь же независимыми, какъ и ваша. Должностные люди, хозяевы, оставайтесь въ домахъ своихъ. Соблюденіе общественнаго порядка, неприкосновенность къ „собственности частныхъ людей, подчиненность самая „строгая, ознаменовываютъ успѣхи и пребываніе союзныхъ „войскъ. Они не желаютъ отплатить Франціи, и возвер-

судку, видѣть и сообразить, для чего о намѣреніи союзныхъ державъ возвѣщается съ такою темнотою, тогда, когда бы, какъ мнѣ казалось, должно было возвѣстить о семъ торжественно и ясно для всѣхъ, а особливо для Французовъ, которымъ по сему предлежало располагать своими дѣйствіями и поступками. Шварценбергъ, полководецъ союзныхъ войскъ, при вступленіи во Францію говоритъ, что *мы не съ нею воюемъ*, и что *не найдя мира идемъ искать его въ ней.* Сказать это и не сказать какъ и съ кѣмъ искать мира, не есть ли это нѣкая загадка? Ежели бы напередъ положено и объявлено было, что союзныя державы не хотятъ болѣе признавать Наполеона Францускимъ обладателемъ и входить съ нимъ въ какія-либо сношенія, тогда сіе воззваніе имѣло бы свою силу;

„гнуть на нее безчисленныя бѣдствія, которыми двадцать „лѣтъ отягощала она сосѣдей своихъ, и даже страны самыя отдаленнѣйшія. Другія правила и другіе виды, различные отъ тѣхъ, какими войски ваши въ нашихъ земляхъ руководствовалися, предприняты въ Совѣтѣ союзныхъ Монарховъ: славу свою полагаютъ они въ скоромъ „окончаніи злополучія Европы. Единственная побѣда, въ „чемъ поставляютъ они свое честолюбіе, есть миръ; но „миръ такой, которой бы народамъ ихъ, Франціи и Европѣ, доставилъ истинное спокойствіе. Мы надѣялись „найти оный прежде вступленія во Францію. Мы идемъ „въ нее искать его.“ (На подлинномъ подписано: Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ, Главноначальствующій надъ „великою союзною арміею. Главная квартира Лоррахъ. $\frac{9}{21}$ „Декабря 1813 года).

но напротивъ, изъ него, равно какъ и изъ продолжавшихся съ Наполеономъ переговоровъ, явствовало, что о низверженіи его отнюдь не помышляютъ, то какимъ же образомъ воюя съ повелителемъ Франціи воевать не съ нею? Подобное противорѣчіе могло ли успокоивать народъ? Далѣе полководецъ союзныхъ войскъ говоритъ Французамъ: „*должностные люди*, *хозяевы*, *земледѣльцы*, *оставайтесь въ домахъ своихъ*.“ То есть, будьте спокойными и мирными зрителями военныхъ нашихъ противъ васъ дѣйствій. Но могло ли сіе увѣщаніе быть для нихъ убѣдительно и надежно? кого при такихъ обстоятельствахъ должны были Французскіе граждане и поселяне слушать: непріятельскаго ли на краткое время пришедшаго къ нимъ полководца, увѣщевающаго ихъ быть мирными и спокойными, или остающагося навсегда съ ними Императора своего, угрожающаго имъ тяжкими наказаніями, естьли они всѣми возможными средствами, оружіемъ, кинжалами, и даже ядомъ, не станутъ истреблять своихъ непріятелей? Таковы были повелѣнія Наполеоновы. Чтожъ противъ оныхъ значили холодныя и скромныя, какъ бы боязливыя, Шварценберговы провозглашенія? что значило несовмѣстное съ побѣдами и положеніемъ нашимъ, величавое для Французовъ, и уничижительное для Германіи, напоминаніе о дватцатилѣтнемъ ихъ преобладаніи надъ сосѣд-

ственными странами?—Всѣ сіи размышленія волновали кровь мою и наполняли духъ мой печалію и гнѣвомъ. Въ семъ состояніи чувствъ моихъ, и притомъ встревоженный еще разнесшимися о войскахъ нашихъ неблагопріятными слухами, едва не разорвалъ я написаннаго мною Манифеста о взятіи Парижа, полагая, что никогда сего не сбудется, и въ сильной досадѣ моей строя (какъ говорится пословица) зáмки на воздухѣ, возмечталъ себя повелителемъ, пошелъ не выходя изъ комнаты самъ съ мнимыми моими войсками за Рейнъ и вмѣсто Шварценберговой написалъ къ Французамъ мое собственное провозглашеніе слѣдующаго содержанія:

»Французы! ежели мнимые ваши мудрецы »ложными своими умствованіями, не совсѣмъ »васъ ослѣпили; ежели совѣсть и здравый раз»судокъ не навсегда въ васъ погасли; ежели »осталась въ душахъ вашихъ хотя малая искра »любви къ первѣйшему достоинству человѣка, »благонравію: то конечно сами вы сознáетесь, »что сколь языкъ сего къ вамъ провозглашенія »ни укоризненъ для васъ, но онъ есть языкъ »правды. Приведите себѣ на память дѣла свои »и да постыдится изъ васъ тотъ, кто можетъ »еще стыдиться. Отпадшіе отъ вѣры и богопо»читанія остроумные, но злочестивые писатели, »изгнавъ изъ сердецъ вашихъ страхъ Божій, под-

»няли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ »умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну по»роковъ и преступленій. Отселѣ всѣ безбожныя »дѣла: братоубійство, грабежъ, насиліе, сдѣлались »вашею пищею. Вы играя и веселясь проливали »кровь ближнихъ и согражданъ своихъ; вы упо»требляли огнь и воду, изобрѣтали новыя му»ченія, новыя орудія на пагубу достоинства, не»винности и заслугъ; вы не щадили ни пола, ни »возраста; старость трясущеюся своею главою, »и младенчество безбоязненною своею улыбкою, »не могли смягчать вашей лютости и свирѣп»ства; *) вы посреди текущей крови многихъ »ежедневно и безвинно казнимыхъ на площадяхъ »собратій вашихъ увеселялись зрѣлищами иг»рищъ, и хладнокровно дѣлили оставшееся по»слѣ нихъ имущество, пріобрѣтенное долговре»менными трудами; вы неистовымъ образомъ »заточили, мучили и предали поносной смерти »законнаго Короля своего почти со всѣмъ его »семействомъ; злонравнѣйшіе изъ васъ подобно »христоубійцамъ кричали: *возми, возми распни »его!* Низринувъ съ престола благословенный »домъ Святаго Людовика и Генриха IV вы из»брали надъ собою Царемъ, или справедливѣе

---

*) Кому покажется сіе преувеличеннымъ, пусть прочитаетъ тотъ разныя описанія о происшествіяхъ и ужасахъ Французской революціи.

»сказать, Атаманомъ, рожденнаго въ Корсикѣ про-
»столюдина, превосходящаго всѣхъ васъ безчело-
»вѣчіемъ, коварствомъ и злобою. Онъ довер-
»шилъ низвергнуть васъ въ бездну злодѣйствъ
»и беззаконій. Онъ самовластіемъ своимъ, мучи-
»тельствомъ, казнями, ужасами, заточеніями,
»привелъ васъ самихъ въ трепетъ, въ уничиже-
»ніе, въ рабство. Онъ раздачею раболѣпнѣйшимъ
»изъ васъ всякихъ почестей, и чужихъ награблен-
»ныхъ имъ имуществъ, содѣлалъ васъ алчными
»къ завоеваніямъ, и кровожадными. Вы при немъ
»имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсуд-
»ка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и
»раскаянія. Онъ увѣрилъ васъ, что ноги даны вамъ
»на то единственно, чтобъ изъ страны въ стра-
»ну ходить; руки, чтобъ вездѣ жечь и грабить;
»мечь, чтобъ всякаго убивать; разумъ, чтобъ об-
»манывать; языкъ, чтобъ лгать. Французы! из-
»мѣрьте пространство опустошенныхъ вами зе-
»мель; сочтите число областей, городовъ, селъ,
»деревень, домовъ, вами сожженныхъ, разорен-
»ныхъ, ограбленныхъ, истребленныхъ; приведи-
»те себѣ на память, съ какою гордостію вы
»всѣхъ уничижали, съ какимъ презрѣніемъ обо
»всѣхъ говорили, съ какою неправотою и наси-
»ліемъ дѣлили чужія земли, свергали законныхъ
»и поставляли беззаконныхъ Царей, вооружали
»народы противъ другихъ дружелюбныхъ и даже
»единоземныхъ съ ними народовъ, заточали и

»казнили чужихъ подданныхъ за вѣрность и любовь ихъ къ своему Отечеству; исчислите буде »возможно, сколько въ двадцать лѣтъ безпре»станно, иногда какъ звѣри свирѣпствуя, иногда »неправедно воюя, погубили вы своихъ и чужихъ »людей огнемъ, водою, чугуномъ, свинцомъ, же»лѣзомъ, голодомъ, холодомъ, трудами, болѣзнями, »печалію, отчаяніемъ! Какой небесной громъ мо»жетъ наказать васъ достойно за всю пролитую »вами кровь и нанесенныя бѣдствія? Истребле»ніе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ »достаточно правосудію. Тщетно во всѣхъ сихъ »лютостяхъ станете вы обвинять одного Напо»леона. Нѣтъ вы прежде его показали до какой »степени разврата и свирѣпства безвѣріе довело »нравы ваши; оно издавна между вами посѣян»ное расло, распространялось и созрѣвало, оно, »одержавъ надъ вами силу, изъ глубины ада из»рыгало къ вамъ воспитанниковъ, и любимцевъ »своихъ Маратовъ, Робеспьеровъ, и наконецъ по»слало Наполеона. Вы для того избирали ихъ »владыками надъ собою, что видѣли въ нихъ »умъ самый зловреднѣйшій, сердце самое жесто»кое. Наполеоновы злодѣйства въ Египтѣ, убій»ство Ангіенскаго Дюка, и другія подобныя дѣ»ла, были въ глазахъ вашихъ самыя блистатель»нѣйшія въ немъ достоинства. Такой человѣкъ »надобенъ вамъ былъ для заглушенія гласа люб»ви къ человѣчеству, для погашенія въ сердцахъ

»вашихъ послѣднихъ искръ благонравія, и для »соединенія всѣхъ васъ въ одно злотворное тѣло »и душу. Вамъ нужно это было; ибо съ какимъ »благочестивымъ и богобоязненнымъ владыкою »могли бы вы дѣлать то, что дѣлали съ нимъ? »кто безъ сатанинской гордости, угождая алчбѣ »вашей къ корыстолюбію, и опасаясь съ вами »быть миролюбивымъ и кроткимъ Государемъ, «повелъ бы васъ разорять и грабить всѣ обита»ющіе окрестъ васъ народы? И такъ, хотя въ цѣ»ломъ и многолюдномъ Царствѣ не можетъ конеч»но быть безъ добрыхъ и благомыслящихъ людей; »но Французы! не огорчайтесь сими упреками; »разберите сами себя безпристрастно: какимъ об»разомъ оправдать васъ? Какимъ образомъ при об»щихъ богопротивныхъ поступкахъ вашихъ раз»личить между вами добраго съ худымъ, праваго »съ виноватымъ? Все, что самая кроткая правда, »смотря на дѣла ваши, заключить и сказать мо»жетъ, есть, что народъ вашъ долженъ состоять »изъ главной части отпадшихъ отъ Бога и вѣры »развращенныхъ людей, рабовъ нечестивой вла»сти и собственныхъ своихъ страстей, и наконецъ »изъ части добрыхъ и несчастныхъ, оплакиваю»щихъ втайнѣ стыдъ и злополучіе своего Отеч»ства. Неразрывная связь ваша съ Наполеономъ »и ревностное ему служеніе дѣлаютъ имя ваше »нераздѣльнымъ съ его именемъ. Одно изъ двухъ: »или онъ съ вами честенъ, или вы съ нимъ без-

»честны. Онъ осквернился убійствами и кровію »миліоновъ людей; онъ нанесъ неисчетный вредъ, »и опустошеніе всей Европѣ; онъ попиралъ но»гами короны и олтари; онъ ругался надъ чело»вѣчествомъ, надъ Божествомъ: но кѣмъ онъ все »сіе дѣлалъ? вашими руками, вашими страстями, »вашимъ отпаденіемъ отъ Бога, отъ совѣсти, отъ »чести и рабскимъ повиновеніемъ злодѣйству. »Что былъ онъ безъ васъ? Простой Корсика»нецъ, никому не извѣстный. Но что сталъ онъ »съ вами? разоритель свѣта. Вы превозноситесь »просвѣщеніемъ, славою, храбростію: постыди»тесь! Развѣ просвѣщеніе состоитъ въ неистов»ствѣ? Развѣ слава пріобрѣтается преступленія»ми? Развѣ храбрость грабителей и разбойни»ковъ, наказуемая во всѣ времена и всѣми зако»нами висѣльницею и презрѣніемъ, развѣ храб»рость сія похвальна? Вы двадцать лѣтъ иного »не дѣлаете, какъ помрачаете честь своихъ пред»ковъ, посрамляете имя свое. Вы прежде были »народъ остроумный, пріятный, трудолюбивый, »мужественный; но нынѣ что иное вы, какъ не »презрѣнное, подлое орудіе въ рукахъ кровожад»наго властолюбца? Вы величаетесь служеніемъ »Отечеству; нѣтъ! вамъ говорятъ это тѣ, кото»рымъ для собственной ихъ корысти нужно »васъ ослѣплять и обманывать, прикрывая по»рочныя дѣла именами добродѣтелей; нѣтъ, »Французы! вы не Отечеству своему служите;

»вы служите чужеземцу, разбойнику, у котора»го нѣтъ Отечества, кромѣ самого себя: онъ съ »равнымъ хладнокровіемъ приноситъ въ жертву »себѣ ваше Отечество, какъ и всякое другое. »Чтожъ иное вѣрность и повиновеніе ваше ему, »какъ не жадное, безчеловѣчное корыстолюбіе, »или нѣкая омрачающая разсудокъ вашъ слѣ»пота? Пройдите въ умѣ своемъ времена рабства »и стыда вашего подъ желѣзнымъ его жезломъ, »посмотрите что вы подѣлали, и что сдѣлалось »съ вами: всѣ народы стонутъ, всѣ Царства ды»мятся кровію. Какая страна не разорена вами, »и въ какой землѣ нѣтъ труповъ вашихъ, пожи»раемыхъ вранами и псами? Лучшій цвѣтъ все»го вашего Царства лежитъ пожатъ на поляхъ »Гишпанскихъ и Россійскихъ. Естьли бы всѣ на »неизмѣримомъ пространствѣ земель содѣянныя »согражданами вашими злодѣянія и убійства вмѣ»стѣ съ страшнымъ образомъ бѣдствія и смер»ти ихъ самихъ, могли вы обозрѣть очами сво»ими, то самые окаменѣлые сердцемъ, и безбож»нѣйшіе изъ васъ содрогнулись бы и познали »мстителя Бога. Что пріобрѣли вы своими завое»ваніями, своимъ разбоемъ, своими лютостями и »грабежами? Навлекли на себя гнѣвъ Божій и »ненависть отъ всѣхъ народовъ. Силы ваши ис»тощены и разрушены. Всѣхъ оскорбленныхъ »вами Европейскихъ державъ воинства идутъ по»всюду въ предѣлы ваши. Вы малочисленны и

»слабы, они многочисленны и сильны. На вашей »сторонѣ стыдъ, преступленіе и ложь; на ихъ »сторонѣ честь, добродѣтель и правда. Вы умираете за Наполеона, они умираютъ за Отече»ство; васъ покрываетъ срамъ, ихъ озаряетъ »слава; съ вами духъ злобы, съ ними десница »Вышняго; се различіе состояній между ими и »вами! Но посмотримъ еще на величайшую раз»ность въ благородствѣ мыслей и чувствованій: »они со всѣми великими силами своими, со всѣ»ми преимуществами и правотою, при всѣхъ на»несенныхъ имъ отъ васъ оскорбленіяхъ, убій»ствахъ, грабежахъ, зажигательствахъ, вмѣсто »праведнаго мщенія, предлагаютъ вамъ миръ, »спокойствіе, безопасность, защиту. Вы въ изне»моженіи, въ помраченіи ума, утопая въ поро»кахъ, еще злобствуете, еще жаждете крови, еще »идола своего, Наполеона, хотите поддерживать »въ его неисчислимыхъ злодѣйствахъ, въ его »ругательствѣ и посмѣяніи надъ вами, надъ всѣмъ »родомъ человѣческимъ, надъ самимъ Богомъ. »Но Французы! доколѣ сіе несродное человѣку »неистовство и ослѣпленіе? Наконецъ вы непре»мѣнно желаете чтобъ Царство ваше, со всѣми »другими Царствами истощилось, превратилось »въ пустыню, которою бы Наполеонъ съ немно»гими подобными себѣ извергами могъ въ зло»бѣ и гордости попирать ногами? Ибо что »иное значитъ упорная заступа ваша за него?

»Вы думаете снова съ нимъ возстать и достиг»нуть до прежнихъ вашихъ побѣдъ и завоеваній; »но надежда ваша сколько злонравна, столько же »и безразсудна: ежели вы не хотите видѣть въ »ней зловреднаго для всѣхъ, и для самихъ васъ »желанія; то по крайней мѣрѣ взгляните на »очевидную невозможность. Когда съ величай»шимъ напряженіемъ всѣхъ лучшихъ силъ сво»ихъ, и силъ главной части Европы, обладатель »вашъ не могъ удержаться на высотѣ завоева»ній своихъ, и упалъ въ совершенное изнеможе»ніе, то не ужели думаете вы, что посрамлен»ный, изнеможенный, возстанетъ онъ и достиг»нетъ до прежней своей власти? такое мнѣніе »ваше показало бы, что вы ни собственныхъ по»терь своихъ не считаете, ни способовъ не взвѣ»шиваете, ни великаго содѣлавшагося противъ »васъ перевѣса въ числѣ людей не видите, ни »возникшаго духа раздраженныхъ вами народовъ »не соображаете, и тогда было бы, что вы, какъ »совершенно очарованные, больше лжамъ и »самохвальствамъ уничиженнаго идола своего вѣ»рите, нежели собственному своему разсудку и »глазамъ. Посмотрись въ зеркало правды, взгля»ни на себя великая нація, просвѣщенный на»родъ, ты увидишь, въ какомъ ты срамѣ полза»ешь и пресмыкаешься: простолюдинъ, чуже»земецъ, господствуя надъ тобою, говоритъ о »тебѣ съ надменностію и презрѣніемъ, что *онъ*

»*тебѣ больше нуженъ, нежели ты ему*. Какъ? »вся Францiя не стóитъ одного Корсиканца! *) и »ты гордишься, тщеславишься, стóишь на ко»лѣнахъ, лобызаешь руку того, кто изъ устъ »своихъ, изрыгнувшихъ столько лжей и мерзо»стей, удостоиваетъ тебя симъ уничижительнымъ »изрѣченiемъ! Лежащая у ногъ его и презирае»мая имъ, ты хочешь, чтобъ Цари и народы »тебя уважали!—Наконецъ время настало, Фран»цузы, рѣшиться вашему и всей Европы жре»бiю. Часъ ударилъ, въ которой надлежитъ вамъ, »отложа всякую слѣпоту и легкомыслiе, поду»мать о себѣ и о другихъ. Пора умолкнуть зло»честiю и крови престать течь; или, когда нѣтъ »другаго средства, то да прольется она еще еди»ножды, но ужè въ послѣднiй разъ. Собравшая»ся у предѣловъ вашихъ вся Европа требуетъ »отъ васъ торжественно и громко мира или вой»ны. Миръ не можетъ быть иной, какъ съ вами »когда вы возвратитесь подъ законное правленiе »Царей, отрѣкшись отъ обладающаго нынѣ надъ »вами самозванца, похитителя престола. Съ нимъ »нѣтъ и не можетъ быть мира. Сiе было бы »противно Богу, противно добродѣтели, против»но чести всѣхъ земныхъ владыкъ и народовъ.

*) Многiя подобныя изрѣченiя показываютъ надменность и презрѣнiе Бонапартiево ко всему роду человѣческому: онъ между прочимъ называлъ людей *пищею для пушекъ* (chaire aux canons).

»Какъ? Унизитель Австріи, разоритель Пру-»сіи, зложелатель Англіи, истребитель Голландіи, »притѣснитель Италіи, врагъ Гишпаніи и Пор-»тугаліи, мучитель Рима, зажигатель Москвы, »подрыватель Кремля и Смоленска, по паденіи »своемъ, по приведеніи Франціи въ совершенную »немощь, по привлеченіи къ предѣламъ ея силъ »всей соединенной Европы, останется торже-»ствующъ на похищенномъ имъ престолѣ, и не »взирая на проклинаемое всемъ свѣтомъ имя его, »будетъ владыкамъ сихъ державъ называться »*братомъ*, и посылать къ нимъ пословъ своихъ! »кто изъ васъ столько безразсуденъ, чтобъ могъ »почитать сіе возможнымъ? Французы! Вся Ев-»ропа сего отъ васъ требуетъ и требуетъ на-»стоятельно и непремѣнно: и такъ рѣшитесь. »Союзныя державы не хотятъ вамъ метить; ибо »законъ Христіянскій учитъ прощать враговъ. »Союзныя державы не хотятъ водворять между »вами вражды и неустройства; ибо желаютъ вамъ »доставить благоденствіе, и столько же вашу »кровь щадятъ, сколько и свою. Союзныя дер-»жавы не хотятъ трогать вашихъ имуществъ и »вашей собственности; ибо онѣ воюютъ не для »грабительства. Союзныя державы не хотятъ »терзать и раздроблять вашего Царства (какъ »вы то дѣлали съ другими) и оставляютъ преж-»ніе ваши предѣлы неприкосновенными. Союз-»ныя державы не хотятъ посажденіемъ въ крѣ-

»пости ваши войскъ своихъ (какъ вы то дѣла-»ли съ ними) держать васъ во всегдашнемъ по-»рабощеніи; не хотятъ, подобно вамъ, жечь и »подрывать городовъ и столицы вашей; ибо бе-»регутъ честь имени народовъ своихъ. Онѣ же-»лаютъ только спокойствія и тишины въ цѣ-»ломъ свѣтѣ; желаютъ за нанесенное имъ отъ »васъ тяжкое зло и вредъ снять съ васъ безсла-»віе, подъ которымъ вы дватцать лѣтъ чернѣе-»те; желаютъ возвратить вамъ прежнее ваше до-»стоинство, честь, добродѣтель и счастіе. Фран-»цузы! опять повторяю: естьли глаза ваши не »совсѣмъ еще ослѣплены, естьли обитаетъ еще »въ душахъ вашихъ искра совѣсти и правды, то не »можете вы ни минуты оставаться въ сомнѣніи. »Между тѣмъ время приспѣло; неминуемо долж-»но рѣшиться, и за рѣшеніемъ не возвратно по-»слѣдуетъ или общая радость, или такія слезы, »какихъ не осушатъ и самые долгіе вѣки. Соеди-»неніе противъ васъ всѣхъ Европейскихъ дер-»жавъ, и достиженіе ихъ до сего благополучна-»го положенія пролитіемъ толикой крови, тре-»буетъ и налагаетъ на нихъ священный долгъ »предложить вамъ въ послѣдній разъ о мирѣ, и »естьли оный отвергнутъ будетъ, то купить его »новою кровію; но тогда раздробить ужѐ главу »дракона, и сей драконъ, Французы, будетъ ужѐ »не одинъ презрѣнный Корсиканецъ, но всѣ тѣ, »которые, продолжая защищать его и быть

„единодушными съ нимъ, взяты будутъ съ ору-
„жіемъ въ рукахъ. На сей конецъ Союзныя дер-
„жавы положили предувѣдомить васъ и ожидать
„отвѣта, которой есть-ли въ назначенное время
„полученъ не будетъ, то всѣ Союзныя войски
„вступятъ во Францію съ слѣдующимъ всена-
„роднымъ возвѣщеніемъ: 1-е, Наполеонъ Бона-
„парте объявляется, отъ всѣхъ Европейскихъ
„державъ, простымъ Корсиканскимъ граждани-
„номъ. 2-е, Въ повинующихся ему войскахъ,
„которыя съ сего времени ужѐ не Отечество
„свое защищать будутъ (ибо Союзныя державы
„даютъ торжественное слово до него не касать-
„ся), но лично Наполеона, почитать всѣхъ безъ
„различія не царскими воинами, но служителя-
„ми атамана, и всѣхъ ихъ, по окончаніи войны,
„предать вмѣстѣ съ избранными отъ Союзныхъ
„державъ посредниками Королевскому суду. 3-е,
„Всѣхъ, кто изъ Французовъ, при занятіи Союз-
„ными войсками города, мѣстечка, или деревни,
„надѣнетъ знакъ Королевскій, почитать насто-
„ящими Французами и поступать съ ними дру-
„желюбно; тѣхъ же, которые сего знака, состоя-
„щаго въ повязаніи лѣвой руки красною лен-
„тою, имѣть не будутъ, называть не *Францу-*
„*зами*, а *Наполеонцами*, и поступать съ ними,
„какъ съ непріятелями и врагами всякаго благо-
„устройства. 4-е, Военныхъ людей, добровольно
„приходящихъ подъ Королевское знамя, распу-

„скать по домамъ; желающіе же продолжать „службу могутъ собираться въ занятомъ Союзными войсками городѣ, или мѣстечкѣ, и составлять *Королевское Отечественное войско* „подъ начальствомъ своего вождя или Градоначальника. Таковые по перемѣнѣ правительства „не останутся безъ награжденія за обращеніе „свое прежде всѣхъ къ законной власти. 5-е, „Естьли кто уличенъ будетъ, что, по возложеніи на себя Королевскаго знака, послѣ снялъ „оный и возвратился опять подъ прежнюю беззаконную власть, таковый, какъ измѣнникъ, „наказанъ будетъ безъ пощады. 6-е, Градоначальники, признавшіе Королевскую власть, отвѣчаютъ за городъ и окрестныя селенія, чтобъ „вездѣ наблюдалось единомысліе. Сами жители „для собственной безопасности своей должны „смотрѣть и дерзкихъ или легкомысленныхъ „между ими строго воздерживать, дабы невиннымъ не пострадать за нихъ; ибо при малѣйшемъ буйствѣ въ какомъ нибудь краю или селеніи Союзныя войски получатъ тотчасъ повелѣніе обратиться съ огнемъ и мечемъ на противуборствующихъ общей тишинѣ и спокойствію. Словомъ, Франція спасена и благополучна быть можетъ однимъ токмо единодушнымъ „отверженіемъ власти хищника престола и строжайшимъ обузданіемъ всѣхъ тѣхъ, которые „столько слѣпы разсудкомъ и мрачны душою,

„что еще зло сіе ко вреду Отечества своего и
„всего свѣта поддерживать и защищать не чув-
„ствуютъ стыда.

„Французы! союзныя державы повторяютъ
„вамъ, и повторяютъ въ послѣдній разъ, а па-
„че всего повторяютъ войскамъ: рѣшитесь свер-
„гнуть съ себя иго беззаконной власти; пре-
„станьте, повинуясь чуждому вамъ кровожадно-
„му простолюдину, носить на себѣ постыдное
„имя сообщниковъ и служителей его. Упор-
„ствуя въ томъ и сражаясь за него вы можете
„пролить еще нѣсколько крови нашей; но знай-
„те, что отнынѣ, послѣ сего объявленія, за каж-
„дую пролитую вами каплю сей крови запла-
„тите вы ручьями своей, и нанесете Отечеству
„своему неисцѣльныя раны. Не льститесь, чтобъ
„союзныя державы когда нибудь отстали отъ
„своихъ требованій; не льститесь, чтобъ непра-
„вое дѣло ваше могло когда нибудь одержать
„верхъ. Не пѣняйте на насъ, естли вы простер-
„тую къ вамъ въ послѣдній разъ руку прими-
„ренія еще отрините, и превратите чрезъ то
„кротость нашу въ неукротимый гнѣвъ и мще-
„ніе. Самъ Богъ долготерпѣливъ, но не вѣчнотер-
„пѣливъ. Есть и терпѣнію и злодѣйству конецъ:
„за терпѣніемъ слѣдуетъ гнѣвъ, истребляющій
„злодѣйство. Безконечное терпѣніе противъ оже-
„сточеннаго злодѣйства есть такое же злодѣйст-
„во, и миръ съ порокомъ есть война противъ

„добродѣтели. Естьли вы не хотите быть съ „нами, мы съ вами быть не можемъ. Избирай-„те любое: честь или срамъ, Наполеона или „свѣтъ."

Читатель да проститъ мнѣ помѣщеніе въ моихъ запискахъ сего мечтательнаго и пустаго провозглашенія моего: оно отзывается тѣмъ отвращеніемъ, какое чувствовалъ я всегда ко многимъ издаваемымъ Французскими писателями злочестивымъ сочиненіямъ, распространившимъ между ими безвѣріе и безнравственность, за которыми послѣдовали неистовыя дѣлà ихъ, когда они, отрѣкшись отъ Бога и вѣры, поправъ всякое человѣколюбіе и разсудокъ, пустились, свирѣпѣе дикихъ звѣрей, сперва на растерзаніе новоизобрѣтаемыми мученіями, убійствами и казнями самихъ себя; а потомъ избравъ или лучше сказать допустя владычествовать надъ собою ненасытнаго проливаемою за него кровію чужеземца, устремились съ нимъ на разореніе и покореніе подъ желѣзное иго его всѣхъ Царствъ и Земель. Къ симъ въ болѣзни и уединеніи питаемымъ чувствамъ моимъ, не охладѣвшимъ еще отъ горькаго воспоминанія о сожженной Москвѣ и Смоленскѣ, присовокупились разнесшіеся слухи объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, о переговорахъ съ нимъ, о принятіи всею Франціею сильныхъ мѣръ къ оборонѣ своей, и тому подобномъ. По всѣмъ

симъ причинамъ можетъ быть съ нѣкоторою излишностію далъ я полную мыслямъ моимъ пылкость и свободу говорить хотя не ложь и клевету, но досадную правду; однакожъ и нынѣ, по прошествіи пятнатцати лѣтъ, когда тогдашнее кипѣніе и жаръ мой довольно ужѐ простыли, остаюсь я при томъ мнѣніи, что естьли бы въ самомъ дѣлѣ сдѣлано было при вступленіи во Францію подобное провозглашеніе, то весьма вѣроятно, чтобъ оно не токмо надъ народомъ, и безъ того, не взирая на грозныя повелѣнія Наполеоновы, не оборонявшимся; но и надъ самыми войсками его произвело больше дѣйствія, и можетъ быть съ мѐньшею опасностію и съ мѐньшимъ пролитіемъ крови достигнуто было до Парижа. Когда безъ всякаго предваренія и яснаго сказанія о твердомъ намѣреніи своемъ, о которомъ и сами союзныя державы не имѣли ничего предположительнаго, оно само собою исполнилось, то ужѐ конечно рѣшительное объявленіе о томъ уменшило бы сопротивленіе. Бумага въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ иногда сильнѣе пушекъ, отвращая силою и правдою своею громъ оныхъ. Правда груба, но при здравомъ разсудкѣ убѣдительнѣе мягкой лести. Снисхожденіе въ борьбѣ съ неукротимою злобою рѣдко бываетъ полезно. Поступокъ съ Наполеономъ, при первомъ его низверженіи, человѣколюбивъ, но человѣколюбивъ

для него, а не для тѣхъ, которые по возвращеніи его съ Эльбы должны были, для вторичнаго низверженія его, пролить свою кровь, которая безъ того не была бы пролита. — Думаю, что читатели, ежели не всѣ, то покрайней мѣрѣ многіе, хотя бы и нашли разсужденія мои справедливыми, но судя по благополучному и славному окончанію дѣлъ, обвинятъ меня, для чего, по событіи случившагося, не исключилъ я сихъ мечтательныхъ умствованій моихъ изъ моихъ записокъ. Виноватъ, не оправдываюсь, и тѣмъ болѣе, что въ началѣ обѣщалъ не говорить ничего о политическихъ дѣлахъ, и не сдержалъ слова. Каюсь, винюсь, и съ повинною головою возвращаюсь къ повѣствованію о приключеніяхъ, собственно ко мнѣ относящихся.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Раштадѣ, и почувствовавъ себя нѣсколько лучше, отправился я въ Карлеруге. Врачъ мой предписалъ мнѣ употреблять тѣжъ самыя средства, и совѣтовалъ продолжать долѣе, хотя бы мнѣ и гораздо лучше стало. Передъ отъѣздомъ моимъ получилъ я изъ Франціи отъ одного изъ моихъ пріятелей письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что при Шалонѣ (верстахъ во стѣ отъ Парижа) было сраженіе, и Французы порядочно побиты. Это, также и другіе благопріятные для насъ слухи, весьма меня порадовали и обнадежили; но въ тоже время прочиталъ я во Французскихъ

вѣдомостяхъ слѣдующую небылицу: „что Импе-„раторъ (Наполеонъ) никогда не имѣлъ такой, „какъ теперь, большой надежды освободить Нѣ-„мецкія земли и всю Европу отъ нашествія Ру-„скихъ и Англичанъ! что онъ собралъ великія си-„лы, и во всемъ его Царствѣ всѣ идутъ съ радо-„стію на службу, приводятъ лошадей, даютъ „сколько хочешь денегъ, вездѣ сами вооружи-„лись, обороняются и прогоняютъ непріятелей! „что жители повсюду ласкаютъ солдатъ своихъ, „кормятъ и снабжаютъ всемъ, чтобъ только „они защищали ихъ! что Императоръ Наполеонъ „помирился съ Гишпанскимъ Королемъ, и что „изъ Гишпаніи везутъ по почтѣ двѣсти тысячъ „войскъ! что Руские вездѣ грабятъ и жгутъ! что „одинъ казакъ ударилъ по щекѣ знатную госпо-„жу, которая поднесла ему *Французской* водки, а „не такой, какой ему хотѣлось! что въ каждой „домъ ставятъ по сороку и по пятидесяти каза-„ковъ и Башкирцовъ, которымъ всякой день „надобно давать по цѣлой бочкѣ водки и вина!"— Нелѣпая ложь сія разсмѣшила меня: я заключилъ изъ ней, что Наполеонъ потерялъ голову, и удивлялся, какъ могутъ Французы, видя себя доведенными до крайности, читать безъ отвращенія такое безстыдное хвастовство, и еще раболѣпствовать, повиноваться, умирать за того, кто ихъ, какъ бы совсѣмъ лишенныхъ разсудка, такимъ пустословіемъ обманывать хочетъ! но

подумалъ опять: о! ежели бы не твердая Руская грудь, и не Прусаки, то бы онъ скоро ложь сію превратилъ въ правду, и легковѣріе Французовъ отнюдь не было бы такъ странно.

По пріѣздѣ моемъ въ Карлсруге скоро явился ко мнѣ находившійся здѣсь при Гросъ-Герцогѣ Графъ нашъ Пушкинъ, и часто меня посѣщалъ. Ослабѣвъ нѣсколько отъ дороги я долженъ былъ дни на два остаться дома. Императрица наша пріѣхала въ Брукзаль (загородной Маркъ-Графининъ домъ отстоящій отселѣ верстахъ въ тритцати). Мать ея Маркъ-Графиня уѣхала къ ней, и тамъ расположились онѣ пробыть нѣсколько дней. Я хотѣлъ туда ѣхать, но первое погода была такъ худа, что я боялся простудиться, и второе подумалъ, что можетъ быть онѣ хотятъ нѣсколько времени пробыть въ уединеніи. Для того рѣшился дождаться и встрѣтить ихъ здѣсь. Графиня Витгенштейнъ также пріѣхала сюда для свиданія съ Императрицею. На третій день Гросъ-Герцогъ прислалъ поздравить меня съ пріѣздомъ и просить къ себѣ обѣдать. Какъ ни тяжело мнѣ было, не одѣвавшись два мѣсяца, одѣться, и быть на такомъ чинномъ обѣдѣ, однакожъ отказать ему счелъ за неучтивость. Онъ и супруга его Стефанида, женщина очень пріятная, племянница Наполеонова, приняли меня благосклонно. Въ тотъ же день (то есть 28 Генваря) часу въ шестомъ по по-

лудни съ великимъ стеченіемъ народа пріѣхала сюда Императрица. Я встрѣтилъ ее на улицѣ и пошелъ за нею. Она представила меня Маркъ-Графинѣ, которая между прочими ласками и привѣтствіями сказала мнѣ, что хотя прежде не имѣла она удовольствія видѣть меня, однакожъ много обо мнѣ наслышалась. *) Потóмъ подошла ко мнѣ опять и пригласила на ужинъ. Это хотя въ первый день выхода моего и было для меня трудновато, но за то вознагражденъ я былъ пріятнымъ зрѣлищемъ видѣть почтенную мать сію съ тремя дочерьми, изъ которыхъ двѣ, сидѣвшія рядомъ, Наша Императрица и Шведская Королева, сколько были равны любезностію, столько различны участію. Съ Императрицею пріѣхали Александръ Львовичъ Нарышкинъ, Князь Голицынъ, Секретарь ея Лонгиновъ, и докторъ Штофрегенъ; да изъ женщинъ Княгиня Прозоровская, простая Руская, но предобрая и препочтенная барыня; фрейлины Валуева и Стурдза. Всѣ мы Рускіе съѣхавшись вмѣстѣ обрадованы были свиданіемъ другъ съ другомъ. Въ чужой землѣ встрѣчающіеся единоземцы обыкновенно скорѣе познакомливаются и дружнѣе бываютъ, чѣмъ въ своей. Я показалъ Што-

---

*) Я выше сего сказалъ ужè, что въ прежнюю бытность мою здѣсь съ Государемъ по причинѣ болѣзни моей я никуда не выходилъ.

регену рецепты Раштадскаго доктора, онъ одобрилъ ихъ и совѣтовалъ продолжать по нимъ употребленіе лѣкарствъ.

Въ началѣ Февраля погода сдѣлалась хорошая, такъ что я могъ ходить прогуливаться. На дняхъ были мы съ Нарышкинымъ, и Голицынымъ въ прекрасномъ Маркъ-Графинномъ саду, гдѣ между прочимъ увидѣли презрядную бесѣдку или домикъ, убранный эстампами, изображающими многіе виды зданій и частей Петербурга. Въ пребываніе мое здѣсь почти всякой день, когда припадки мои, время отъ времени возобновляющіеся, не удерживали меня дома, обѣдалъ и вечерніе часы провождалъ я у Маркъ-Графини со всѣми пріѣхавшими съ Императрицею и здѣшними господами и госпожами. Часто бывалъ я у Графини Витгенштейнъ, покуда она здѣсь жила, и тутъ познакомился съ Баронессою Криднеръ, извѣстною своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами. Также подобный ей нѣкто господинъ Штилингъ, человѣкъ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, посѣтилъ меня, и хотя мнѣ сказывали, что Государь въ проѣздъ свой не однократно принималъ его и охотно съ нимъ бесѣдовалъ, однакожъ видъ его и нѣкоторая открывающаяся иногда странность въ мысляхъ не понравились мнѣ, такъ что сухимъ моимъ пріемомъ отнялъ я у него охоту впредь посѣщать меня. Между тѣмъ од-

накожъ, при всемъ отвращеніи моемъ отъ всякаго рода ханжествъ, любопытствовалъ я подробнѣе освѣдомиться о Криднершѣ и для того пошелъ къ ней. Въ разговорахъ ея со мною сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною, но скоро примѣтилъ я, что она возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ, и вмѣсто смиренномудрія тщеславилась показать себя вдохновенною. Это, чтобъ узнать ее короче, возбудило во мнѣ желаніе черезъ нѣсколько дней вторично къ ней придти. По нѣкоторомъ довольно долгомъ бесѣдованіи нашемъ пришла къ ней дочь ея, и пошептала ей нѣчто на ухо. Я наслышась ужѐ, что къ ней на поученіе, или на молитву, собираются люди, догадался, о чемъ было сіе шептаніе, но притворяясь, будто ничего не знаю, продолжалъ сидѣть на мѣстѣ. Она помялась нѣсколько и напослѣдокъ принуждена была мнѣ это объявить. Для чегожъ, сказалъ я, и мнѣ съ вами не помолиться? Я также христіянинъ. — Пожалуйте, отвѣчала она, ежели это вамъ угодно. — Тутъ сошли мы съ нею въ низъ, и я увидѣлъ въ довольно просторной комнатѣ сидящихъ вокругъ оной немалое число разнаго званія мущинъ и женщинъ. Въ концѣ сей комнаты сидѣлъ человѣкъ съ лежащими подлѣ него на столикѣ бумагами. Онъ началъ чтеніемъ Давидова Псалма, и по окончаніи

каждаго стиха останавливался. Все собраніе тихимъ пѣніемъ повторяло то, что онъ прочитаетъ. Оконча такимъ образомъ Псаломъ, сталъ онъ читать довольно длинную, но весьма нравоучительную проповѣдь, которую собраніе слушало съ великимъ вниманіемъ и тишиною. Послѣ чего, также, какъ и прежде и съ такимъ же пѣніемъ, прочиталъ онъ другой Псаломъ. Симъ молитва кончилась, и всѣ разошлись по домамъ. Прощаясь съ Криднершею я поблагодарилъ ее за доставленное мнѣ удовольствіе, и подумалъ: естьли одно только это въ собраніи ея происходитъ, то хотя и хочется ей прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею, и хотя такое суетное въ ней тщеславіе предосудительно, однакожъ дѣйствіе, мною видѣнное, ничего въ себѣ худаго не заключаетъ.

Хотя мнѣ и лучше было, однакожъ припадки мои не совсѣмъ меня оставляли. Иногда дни по два и по три не могъ я выходить изъ моего жилища. Въ это время нерѣдко навѣщалъ меня нѣкто живущій здѣсь Грекъ (не упомню имени его) и господинъ Полье, Швейцарецъ, человѣкъ хорошій и умный. Онъ оставилъ домъ свой и посвятилъ себя быть наставникомъ и воспитателемъ юнаго девяти или десяти-лѣтняго Шведскаго Королевича, въ надеждѣ, что можетъ быть когда нибудь взойдетъ онъ на престолъ

отца своего. Остальные дни, когда здоровье мое позволяло мнѣ, обыкновенно провождалъ я у Маркъ-Графини. Упражненія наши были весьма единообразны: въ три часа обѣдъ, а потомъ по-крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговоровъ, стоя на ногахъ; въ семь часовъ чай, и послѣ того игра по двѣнатцати крейцеровъ (грошей) въ бостонъ, до самаго ужина. Партію нашу составляли: Дармштадской Принцъ, супругъ младшей Императрициной сестры; Александръ Львовичъ Нарышкинъ, или въ отсутствіе его Княгиня Прозоровская; Гофмаршалъ здѣшній, и я. Цѣна не дорогая, но за то презабавная партія, по причинѣ чрезвычайно торопливой учтивости Принца и великой скупости Гофмаршала. За обѣдомъ были мы всѣ вмѣстѣ, но по вечерамъ вся царская фамилія ужинала особо отъ насъ, во внутреннихъ своихъ покояхъ. О Маркъ-Графининомъ образѣ жизни хотя и не льзя сказать того, что Екатерина Великая говаривала о Нѣмецкихъ владѣтельныхъ Князьяхъ: *чѣмъ богатѣе мундиръ и ливрея, тѣмъ меньше дворъ*, однакожъ это совершенно справедливо: въ Баденскомъ Герцогствѣ считаютъ семнатцать дворцовъ, а вся земля менше одной нашей Губерніи. Сюда пріѣзжалъ на время Баварской Король съ супругою своею, сестрою нашей Императрицы. Онъ веселъ и шутливъ, а она, хотя и не очень хороша лицемъ, но ловкая и престатная собою

женщина. Также на короткое время были здѣсь Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга Константина Павловича (оставленная имъ). Въ одно время Императрица съ матерью поѣхали прогуливаться и взяли меня съ собою. Маркъ-Графиня предувѣдомила меня, что она, не сказывая Императрицѣ, везетъ ее въ то мѣстечко и рощицу, гдѣ она въ первый разъ объявила ей о присланномъ за нее отъ Россійскаго Двора сватовствѣ. По пріѣздѣ туда я съ любопытствомъ смотрѣлъ на Императрицу; но не примѣтилъ въ лицѣ Ея ни какой перемѣны; она ни слова о томъ не говорила, и казалось съ равнодушіемъ вошла и гуляла по сей рощицѣ. Въ исходѣ мѣсяца Маркъ-Графиня со всѣми своими дочерьми отправилась въ Брюксаль. Мы послѣдовали за ними. Жизнь и упражненія наши въ семъ загородномъ ея домѣ были такія же, какъ и въ Карлсрутѣ, съ прибавленіемъ, что тутъ въ примыкающемъ къ нему саду можно было прогуливаться. Въ одинъ день зазвалъ я къ себѣ на чашку шоколада Шведскаго Королевича съ его наставникомъ, Нарышкина, и всѣхъ нашихъ и двухъ здѣшнихъ Фрейлинъ, изъ которыхъ одна была очень хороша собою. Я прозвалъ ее *прелесть*, и всѣ стали ее такъ называть. Онѣ увидѣли у меня книжку, не помню какой-то Французской романъ, и стали надо мною смѣяться, что я читаю романы. Это пересказано было

Императрицѣ, и она, увидя меня, сказала шутя Нарышкину: „онъ совсѣмъ здѣсь избалуется, дастъ прозвища красавицамъ, угощаетъ ихъ и читаетъ романы: надобно отправить его въ главную квартиру.“ Послѣ сего случилось мнѣ въ день моего рожденія сидѣть за обѣдомъ между дѣвицами Стурдза и Боде; я смѣючись сказалъ имъ: знаете ли, что я, двадцать лѣтъ тому назадъ, сегодня родился? Онѣ стали меня поздравлять, пересказали это своимъ сосѣдямъ, дошло до Императрицы и Маркъ-Графини. Столъ былъ многолюдной. Онѣ и всѣ другіе, шутя надъ моею молодостью, стали пить за мое здоровье, такъ что я со стыдомъ откланивался столькимъ Царицамъ, Царевнамъ и Принцамъ, винилъ себя за свою нескромность. — Общество наше на нѣсколько дней поуменшилось: Голицынъ и Лонгиновъ уѣхали навѣстить въ печали Графа Строгонова, у котораго убили сына. Нарышкинъ отправился въ Франкфуртъ, куда изъ Россіи пріѣхала супруга его Марья Алексѣевна. Я хотѣлъ ѣхать съ нимъ, но почувствовавъ себя не очень здоровымъ, остался дома. Онъ черезъ два дня возвратился безъ ней, оставшейся въ Франкфуртѣ, и мы поѣхали съ нимъ прокатиться въ Раштадъ къ Графинѣ Витгенштейнъ. Путешествіе наше было весьма пріятно, по причинѣ гладкой дороги и прекраснѣйшей погоды. — Въ исходѣ великаго поста хотѣлось намъ, Рускимъ, говѣть;

но не было Священника. Мы очень тужили, что и въ Свѣтлое Воскресеніе не будетъ у насъ заутрени; однакожъ одинъ Священникъ обрадовалъ насъ нечаяннымъ своимъ пріѣздомъ, и хотя не имѣлъ онъ съ собою ничего для служенія обѣдни нужнаго, но по крайней мѣрѣ прочиталъ намъ нѣсколько молитвъ и провозгласилъ: *Христосъ Воскресе!*—Пронесшіеся изъ Франціи худые слухи опечалили насъ, но не надолго. Скоро услышали мы радостную вѣсть о взятіи Парижа. Войски наши вступили въ него 19 Марта (1814 года). Дней черезъ шесть получили уже мы слѣдующія о томъ увѣдомленія: Импе„ратогъ нашъ въѣхалъ въ Парижъ верхомъ съ „многочисленною свитою, и принятъ былъ съ „чрезвычайною радостію: народъ бѣжитъ за „нимъ толпами, цѣлуетъ у него ноги, называетъ „избавителемъ своимъ, ни съ кѣмъ несравнен„нымъ. Женщины выпрашиваютъ у нашихъ „Офицеровъ лошадей, чтобъ ѣхать за нимъ и „только на него взглянуть. Сто тысячь рукъ „изъ оконъ машутъ бѣлыми платками, подтвер„ждая раздающіеся повсюду крики: *миръ! миръ!* „*какой хотите.* Всѣ надѣваютъ бѣлые банты „восклицая: *Vive le Roi Louis XVIII! à bas* „*le tyran!* и при сихъ словахъ, накидывая нет„ли на воздвигнутый на площади Наполеоновъ „истуканъ, свергаютъ его съ подножія долой на „землю.“ Вотъ какая разность между вшествія-

ми въ Москву Наполеона и Александра въ Парижъ! Можно себѣ представить здѣшнюю нашу, по полученіи сего извѣстія, радость! но что я говорю здѣшнюю? Она вездѣ была одинакова. Вотъ до какой степени одинъ человѣкъ могъ возмутить спокойствіе всѣхъ державъ! между тѣмъ не явно ли видна здѣсь рука Божія? Ни кто не помышлялъ о взятіи Парижа, о низверженіи Наполеона, и еще менше о возведеніи Людовика XVIII на прародительскій престолъ, и все это само собою сдѣлалось! Сказываютъ, что положеніе войскъ нашихъ, находившихся между Парижемъ и осмьюдесятью тысячами войскъ Наполеоновыхъ, имъ самимъ предводительствуемыхъ и шедшихъ зайти въ тылъ Шварценбергу, наводило сомнѣніе куда обратиться, назадъ ли отступить, или продолжать свой путь въ передъ; но Государь нашъ, не смотря на опасность сего положенія, рѣшился идти на Парижъ. Рѣшительность сія произвела, что вся Франція и войски Наполеоновы, отрекшись отъ своего повелителя, предали его въ наши руки. Такимъ образомъ простолюдинъ сей, вознесшійся изъ ничего выше всѣхъ и надувавшійся какъ пузырь, вдругъ лопнулъ, и всѣ отъ него отказались. Дѣльно! люблю видѣть гордость въ уничиженіи, невѣжество въ презрѣніи, и злодѣя въ поруганіи. Все кажется, что другіе, смотря на то, исправятся; но тщетная надежда! Много было и будетъ такихъ,

*

для которыхъ подобные уроки при всей ихъ важности и великости безполезны.—Признаюсь, что какъ Наполеонъ, когда входилъ въ Россію, такъ и я, когда писалъ мое письмо въ Франкфуртѣ къ Государю, и мнимое воззваніе мое въ Раштадѣ къ Французамъ, оба мы обманулись: онъ, надѣясь Рускихъ найти слабыми, а я, думая Французовъ найти твердыми. Мнѣ казалось, что когда мы вступимъ во Францію, то держава сія, тщеславившаяся быть *великою*, покажетъ себя въ самомъ дѣлѣ таковою; но нѣтъ! сего не случилось. Какая разность между ихъ вступленіемъ въ нашу, и нашимъ въ ихъ землю! у насъ всякъ безоружный поселянинъ, не могшій противустоять непріятелю, оставлялъ свое жилище, уходилъ и кроясь въ лѣсахъ, тамъ противъ него ополчался; а здѣсь встрѣчали насъ какъ избавителей или гостей, и не слышно было, чтобъ, кромѣ войскъ, кто нибудь оборонялся. Видно, что Француському народу наскучило жертвовать собою для личной славы Наполеона. Одни только пріученные имъ къ грабительству полководцы и солдаты не хотѣли разстаться съ такимъ повелителемъ, который, указывая на Москву, говорилъ имъ: „*ступайте, вотъ вамъ награда; возмите себѣ, я вась сю дарю!*“ Какое сравненіе между взятіемъ ими Москвы, и взятіемъ нами Парижа! они жгутъ, неистовствуютъ, грабятъ, истребляютъ, не уважаютъ ни человѣ-

чества, ни святыни; а мы, вмѣсто мщенія, входимъ къ нимъ съ миромъ, съ тишиною, не прикасаясь ни къ чему имъ принадлежащему, и наблюдая спокойствіе ихъ не менѣе своего собственнаго! неоспоримо, что послѣ ознаменованнаго всѣми лютостями вшествія Наполеона въ Москву, великодушное вшествіе Александра въ Парижъ приноситъ ему безсмертную честь и славу. Одно только было не по моимъ мыслямъ: я бы не дѣйствіями, но словами поступилъ строже съ симъ народомъ и его начальниками; я бы при благодѣяніяхъ моихъ и пощадѣ сказалъ имъ: „Французы! ваши во время „революціи въ самомъ адѣ неслыханныя дѣла, „ваши съ Наполеономъ богоотступныя души и „оскверненныя кровію и ненасытными грабительствами руки, возбуждаютъ во всѣхъ благомыслящихъ сердцахъ справедливую къ вамъ „ненависть и гнѣвъ; мы однакожъ входимъ въ „столицу вашу съ такимъ же, какъ и въ прочіе „города ваши, миролюбіемъ и кротостію: будьте „въ домахъ вашихъ и на торжищахъ спокойны „и безопасны; ни кто не прикоснется ни къ „лицу вашему, ни къ имуществу; но знайте, „что кротость сія не есть должное къ вамъ „уваженіе, потушенное въ насъ дѣлами вашими; „не есть соотвѣтственность вашимъ съ нами по„ступкамъ, которые могли бы руку нашу под„нять на отмщеніе, когда бы мы, подобно вамъ

„забывъ вѣру и Бога, не исполняли заповѣдей „Его, повелѣвающихъ за зло воздавать добромъ.“ — Можетъ быть многіе нынѣшняго образа мыслей люди при сихъ словахъ моихъ разсмѣются и скажутъ: „къ чему такая проповѣдь?“ — Къ тому, чтобъ любя правду говорить чистосердечно, не льстить пороку, и не давать ему, прикрывая внутреннюю безобразность дѣлъ своихъ благовидною или еще блестящею наружностію, превозноситься и торжествовать. Потворство сіе и уваженіе къ народу, явнымъ и гласнымъ образомъ отрекшемуся отъ Бога и отъ вѣры, способствуетъ злу сему, какъ нѣкоему яду, распространяться и къ погибели человѣчества заражать чистоту нравовъ. — Но оставимъ печальную мысль сію и обратимся къ нашему повѣствованію.

Услыша о взятіи Парижа, я тотчасъ послалъ къ Государю приготовленный мною заблаговременно Манифестъ. Между тѣмъ приходившія оттуда къ намъ разныя вѣсти и слухи часто радовали, но иногда и огорчали меня. Самое пріятнѣйшее для меня извѣстіе было услышать, что тамъ, гдѣ во время революціи звѣрское буйство, ругаясь надъ вѣрою и святынею, проливало кровь невинныхъ, тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, священнослужители наши въ торжественномъ облаченіи совершали благодарственное молебствіе, при которомъ, такъ сказать, вся

присутствовавшая Европа, и сами Французы, убійцы законныхъ царей своихъ и рабы Наполеоновы, должны были съ колѣнопреклоненіемъ благодарить Бога за низверженіе всеобщаго зла. Какое восхитительное зрѣлище для Рускаго благочестиваго сердца! — Другіе слухи носились, что Наполеонъ, за нѣсколько времени передъ взятіемъ Парижа, видя невозможность ему уцѣлѣть, прислалъ туда повелѣніе привесть къ нему, хотя бы насильно, жену свою, и городу подорваніемъ пороховыхъ хранилищъ нанесть всевозможный вредъ. Человѣколюбивое повелѣніе! Пожалуй, найдутся люди, которые и это поставятъ ему въ достоинство и великость духа! Послѣ сего не могъ я безъ удивленія услышать, что ему въ обладаніе данъ островъ Эльба съ содержаніемъ по шести миліоновъ рублей годоваго дохода: есть за что! Великодушіе хорошо, но не тамъ, гдѣ отъ него можетъ произойти злополучіе другихъ. Разбойникъ, убившій для своего корыстолюбія двухъ или трехъ человѣкъ, осуждается на смертную казнь. Чѣмъ же лучше и невиннѣе его рожденный въ Корсикѣ простолюдинъ, погубившій для властолюбія своего миліоны людей? Милостивый съ нимъ поступокъ союзныхъ державъ далъ ему способъ еще нѣсколько дней повеличаться, и потомъ, по пролитіи снова за него многой крови, надлежало поступить съ нимъ съ тою строгостію, съ ка-

кою ежели бъ тотчасъ было съ нимъ поступлено, то многіе люди, при послѣдовавшихъ изъ того сраженіяхъ, не лишились бы жизни, или къ горести своихъ семействъ не были бъ изуродованы.

Я собирался самъ ѣхать въ Парижъ, но еще не чувствовалъ себя столько здоровымъ, чтобъ могъ предпринять сіе путешествіе; а притомъ по неизвѣстности, долго ли Государь тамъ пробудетъ, опасался или не найти Его, или найти на короткое время. Чрезъ нѣсколько дней дошелъ до насъ изданный Государемъ о взятіи Парижа Манифестъ; но онъ былъ не тотъ, которой я къ нему послалъ. *) Причиною сему полагалъ я, что можетъ быть написанный мною Манифестъ показался Государю слишкомъ строгимъ и укорительнымъ для Французовъ, и потому онъ не хотѣлъ его издать; но не та была тому причина, какъ мы послѣ о томъ услышимъ.

Императрица съ Маркъ-Графинію поѣхали изъ Брюкселя въ Карлсруге, и мы за ними. Любо теперь Рускимъ разъѣзжать: во всякой деревнѣ и мѣстечкѣ нѣтъ человѣка, которой бы съ веселымъ лицемъ не снялъ шляпы и не кланялся; женщины въ окнахъ присѣдаютъ; ребя-

*) См. въ собраніи Манифестовъ стран. 153 Въ семъ собраніи одна только сія бумага не мною, но сказываютъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ написана.

тишки, лишь только увидятъ Рускую повозку, откуду возмутся, бѣгутъ кучами и кричатъ; *ура казакъ*! Это слово у всѣхъ у нихъ затвержено. Правда и до взятія Парижа было тоже, но теперь восторгъ сей гораздо больше усилился. Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасной, городъ весь освѣщенъ, народу пропасть, и было бы очень весело ходить по улицамъ, есть ли бы тишина и порядокъ лучше наблюдались; но странный обычай препятствовалъ прогуливаться съ удовольствіемъ: здѣсь всякой, кто хочетъ, можетъ палить, иной изъ окна, иной въ воротахъ изъ маленькой пушечки, иной въ тѣснотѣ подлѣ самаго твоего уха выстрѣлитъ изъ пистолета, иной подъ ноги къ тебѣ броситъ пороховую хлопушку, и это вездѣ, по всѣмъ улицамъ, такъ что не привыкшему покажется будто непріятель ворвался и происходитъ сраженіе. Я думаю, есть ли бы у насъ вдругъ это сдѣлать, то вѣрно не прошло бы безъ несчастныхъ приключеній, или покрайней мѣрѣ на другой день многія женщины отъ испуга лежали бы въ постелѣ. Впрочемъ не было никакихъ увеселительныхъ огней, или ракетъ, но только одна пальба и хлопанье. Праздникъ этотъ данъ былъ по случаю пріѣзда Императрицы, но сказываютъ, что это и передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду здѣсь продолжалось. По сю пору не могутъ опом-

иться отъ радости: такъ имъ Наполеонъ былъ солонъ!

На другой день Императрица и Маркъ-Графиня отправились въ Раштадъ къ Графинѣ Витгенштейнъ: она разрѣшилась отъ бремени и просила Императрицу окрестить новорожденнаго младенца. Нарышкинъ и я тудаже пріѣхали. Послѣ обѣда начались крестины. Воспріемниками были Императрица съ матерью своею, да мы съ Нарышкинымъ, онъ за Короля, а я за наслѣдника Прускаго. Нарышкинъ показывалъ мнѣ сдѣланный Графинѣ подарокъ: ожерелье цѣною въ десять тысячъ рублей. Въ это время нашелъ я случай сказать Императрицѣ о здѣшнемъ докторѣ, который меня лѣчилъ: она пожаловала ему золотую табакерку, и онъ былъ безъ ума отъ радости. Послѣ крестинъ поѣхалъ я съ Графинею Остерманъ въ Баденъ, и пробывъ тамъ два дня возвратился назадъ. Подъѣзжая къ Карлсруге встрѣтился я съ Марьею Алексѣевною Нарышкиною; мы очень обрадовались увидясь другъ съ другомъ; я зашелъ къ нимъ, просидѣлъ у нихъ до ночи и на другой день отправился на прежнее жилище мое въ Бруксаль.

Въ половинѣ Апрѣля Императрица и всѣ наши съ нею, также и весь здѣшній дворъ, то есть Маркъ-Графиня съ прочими дочерьми своими и внучатами, собрались на двѣ недѣли ѣхать въ Рорбахъ. Это маленькая Маркъ-Графи-

нина деревенька съ небольшимъ домомъ, лежащая не подалеку отъ городка Гейдельберга, верстахъ въ сорока отъ Бруксаля. Зная, что тамъ по малости строенія негдѣ будетъ жить, я хотѣлъ на это время ѣхать въ Баденъ; но Маркъ-Графиня пригласила меня пріѣхать къ нимъ. И такъ я остался, чтобъ на другой день слѣдовать за ними, но вдругъ захворалъ и дня съ четыре не выходилъ изъ горницы. Наконецъ, получа нѣкоторое облегченіе, отправился въ путь. Въ Рорбахѣ такъ было тѣсно, что я нигдѣ не могъ найти пристанища, и долженъ былъ помѣститься въ такой избушкѣ, или лучше сказать клети, въ которой едва кровать моя могла уставиться; но какъ мнѣ нужно было только ночевать тутъ, и притомъ ни какой другой хижины не было, то по неволѣ надлежало мнѣ тѣмъ удовольствоваться. На другой день послѣ обѣда пошли мы съ Императрицею и всѣмъ здѣшнимъ дворомъ въ отстоящую съ полверсты деревеньку пить кофій, по сказкамъ, что въ ней хорошо умѣютъ его варить. Тамъ въ крестьянскомъ огородѣ поставлены были два стола накрытые скатертями. За одинъ сѣла вся Маркъ-Графинина семья, а за другой мы, составлявшіе ихъ свиту. Вся деревня отъ стараго до малаго собралась вокругъ насъ. Хозяйка дома, деревенская простая баба, подвела къ Императрицѣ маленькую дѣвочку дочь свою, худо одѣтую и

запачканую. Императрица стала ее ласкать, а она испугалась и заревѣла во все горло. Государыня, чтобъ не взять на руки такую грязную, и чтобъ утѣшить ее, не перестающую кричать и плакать, присѣла передъ нею на колѣна и стала ее цѣловать. Рѣдкость зрѣлища сего такъ меня поразила, что я въ восторгѣ, обращаясь къ сидѣвшимъ со мною, не утерпѣлъ громко воскликнуть: „посмотрите, посмотрите на рѣдкій примѣръ снисхожденія и кротости: тогда какъ передъ супругомъ ея Парижъ и вся Франція преклоняютъ свое колѣно, она стоя здѣсь на колѣнахъ цѣлуетъ крестьянскую дѣвочку!"—Возвратясь изъ деревни мы нашли пріѣхавшаго сюда изъ Парижа Графа Витгенштейна. Онъ сказалъ мнѣ, что дорога изъ Франціи въ Россію устанавливается опять чрезъ здѣшнія мѣста, и чрезъ то возбудилъ во мнѣ снова желаніе отправиться въ Парижъ, но не получая отъ Государя повелѣнія пріѣхать туда, и не надѣясь еще на свое здоровье, я опять раздумалъ.

Спустя два дни Императрица съ одною изъ сестеръ своихъ, Шведскою Королевою, и съ нами, то есть съ Нарышкинымъ и со мною, поѣхала для прогулки въ Мангеймъ, городъ довольно большой и многолюдной, отстоящій отсель верстахъ въ семнатцати. Онъ построенъ слишкомъ правильно, то есть состоитъ изъ однѣхъ прямыхъ, широкихъ улицъ, пересѣкаю-

щихся поперегъ такими же другими, и чрезъ то не показался мнѣ пріятнымъ. Единообразность сія больше досаждала или наскучивала, нежели нравилась глазамъ. Мы пріѣхали туда часа въ четыре по полудни, и пошли гулять въ садъ, лежащій на берегу Рейна; но гулянье наше не было похоже на гулянье, потому что Императрица должна была идти между двухъ непрерывныхъ стѣнъ сбѣжавшагося народа, и только на крики и восклицанія ихъ на обѣ стороны безпрестанно откланиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась Она для принятія поздравленій и цвѣтовъ отъ разряженныхъ дѣвушекъ. Послѣ того поѣхали мы въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для Ней рѣчь. Странно было для Рускаго уха слышать, что въ сей рѣчи громогласно и съ восторгомъ произносили одно только Отечественное имя Ея: *Алексѣевна.* Не льзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ: *ура Алексѣевна! виватъ Алексѣевна!* они думали поддѣлаться этимъ подъ Руской языкъ, потому что у насъ Отечественное имя въ употребленіи; но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико, и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится. — По окончаніи зрѣлища мы отъужинали, потóмъ проѣхали не много по городу, очень хорошо освѣщенному, и во второмъ часу по полуночи возвратились домой.

На третій день въ десять часовъ утра поѣхали мы (то есть весь дворъ, кромѣ Принцессы Амаліи) въ такъ называемую *Некерскую долину*. Она простирается отъ Гейдельберга по обѣимъ берегамъ рѣки Некера между хребтами высокихъ горъ. День былъ прекраснѣйшій. Повсюду зелень и цвѣты. Мы ѣхали верстъ около десяти въ открытыхъ колясках отъ Гейдельберга въ верхъ по берегу рѣки до мѣстечка *Некердеминдъ*. Это была не просто ѣзда, а можно сказать загляденье. По обѣимъ сторонамъ такіе прелестные виды, что казалось мы движемся въ картинѣ, начертанной не кистію художника, но рукою неподражаемой природы, и видимъ, не черезъ длинные переѣзды, но почти на каждомъ шагу, новое зрѣлище, одно другаго лучше: тамъ превысокая гора какъ бы съ надѣтою на нее индѣ изъ крупнаго лѣса, индѣ изъ густаго кустарника, круглозеленою шапкою; тамъ или простирающаяся между горъ испещренная цвѣтущими деревьями долина, или глубокая и мрачная пещера; тамъ голая, утесистая скала съ зеленою вершиною и развалинами древняго замка; тамъ иное что нибудь подобное, поражающее взоръ величіемъ и красотою. Въ Некердеминдѣ встрѣтила насъ толпа народа. У пристани приготовлены были восемь большихъ лодокъ, изъ которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленымъ по срединѣ ея ша-

громъ. Мы всѣ помѣстились на ней. На прочихъ сѣли, на иныхъ музыканты, на иныхъ люди наши и всякой, кто хотѣлъ. На семъ флотѣ отправились мы далѣе вверхъ по Некеру. По обоимъ берегамъ противъ нашей лодки ѣхали верьхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую сторону, стояло множество людей, не вмѣстѣ и не кучами, но протянувшись нитью и составляя въ ней разныя перемѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки, держащіяся рука за руку, гдѣ взрослыя дѣвицы и женщины. Все это разными голосами, тонкими, толстыми, женскими, мускими, кричало: *виватъ Руская Императрица Алексѣевна!* Нить эта и крикъ, начинаясь отъ сего селенія, продолжались безпрестанно почти во всю дорогу; потому что людей было множество, по видимому стекшихся изъ другихъ близкихъ селеній, и сверхъ того по проѣздѣ нашей лодки, задніе изъ сей нити люди безпрестанно забѣгали впередъ и примыкая къ другимъ становились по прежнему рядомъ. Передъ нами на лодкѣ ѣхали музыканты, играя на скрыпкахъ и волторнахъ; а передъ ними плыли двѣ лодки, съ которыхъ палили изъ небольшихъ пушекъ. Сія пальба сопровождалась еще другою съ высокихъ горъ изъ развалинъ зáмковъ, крѣпостей и каменныхъ ломокъ, гдѣ вмѣсто пушекъ служили просверленныя въ камняхъ жер-

ла. Къ сему звуку присовокуплялся иногда въ селахъ, мимо коихъ мы проѣзжали, колокольный звонъ. Мы пристали къ нѣкоторому селенію, подлѣ котораго находились четыре развалины древнихъ за́мковъ, извѣстныя подъ именемъ *Ландшаденъ* (т. е. земное повреждение.) За́мки сіи лежатъ на горѣ. Мы полюбопытствовали осмотрѣть одинъ изъ нихъ болѣе прочихъ сохранившійся. Доро́га, по которой мы шли, уставлена была березками и усыпана цвѣтами; по обѣимъ сторонамъ стояли люди съ ружьями, чиновники съ знаменами и народъ. Пушечная пальба, колокольный звонъ, и радостныя восклицанія, наполнявшія воздухъ именемъ *Алексѣевны*, повторялись повсюду. Въ за́мкѣ накрытъ былъ столъ, уставленный разными пирожными и сластями. Видъ съ верьху безподобный, такъ что не сошелъ бы оттуда. Тутъ опять пошли подарки отъ нарядныхъ дѣвочекъ: иная принесла пучокъ цвѣтовъ, другая корзинку съ цвѣтами, иная барашка сдѣланнаго изъ масла, иная привела настоящую живую овечку на лентѣ и украшенную лентами, иная поднесла на блюдѣ парочку живыхъ горлинокъ, и тому подобное. Пріятно было смотрѣть на сіе простое, но искреннее изъявленіе любви и усердія. Осмотрѣвъ чудесное положеніе сего мѣста, мы тѣмъ же порядкомъ и съ тѣми же проводами и шумомъ поѣхали назадъ. Флотилія наша еще болѣе умножилась отъ

скопившихся на рѣкѣ маленькихъ съ зрителями лодокъ. На семъ возвратномъ пути не хочу я въ молчаніи оставить двухъ случившихся съ нами приключеній. Первое: мы стоимъ вмѣстѣ на кормѣ судна, Шведская Королева, Нарышкинъ, и я; а сынъ ея въ это время былъ на носу лодки и сидѣлъ на якорѣ. Мы тотчасъ это замѣтили и сказали ей: „посмотрите на чемъ сынъ вашъ сидитъ!“ Она усмѣхнулась и отвѣчала: „только ему и осталось, что сидѣть на якорѣ.“ *) При этомъ разговорѣ хотя всѣ мы имѣли смѣющіяся лица, однакожъ внутренно, поглядывая на сего невиннаго и любезнаго юношу, равно съ нею погружены были въ нѣкоторое уныніе. Сіи печальныя мысли прерваны были вторымъ слѣдующимъ приключеніемъ: къ судну нашему пристаетъ лодка. Что такое? Рыбаки сію минуту поймали три большія рыбы. Добыча по здѣшнему рѣдкая. Приносятъ ихъ въ большой лахани къ Императрицѣ; онѣ скачутъ, прыгаютъ, выбрасываются изъ лахани; ихъ ловятъ и опять туда сажаютъ. Кончилось тѣмъ, что Государыня приказала мнѣ дать рыбакамъ по червонцу, а рыбы бросить назадъ въ рѣку. Я раздаю червонцы, рыбаки берутъ ихъ съ радостію; но услыша повелѣніе, останавливаются,

*) Извѣстно, что якорь въ иносказательномъ смыслѣ означаетъ надежду или ожиданіе чего нибудь.

колеблются: какъ такихъ прекрасныхъ рыбъ пустить обратно въ воду! однако жъ я, наблюдая строго, чтобъ они не оставили которую нибудь у себя, кричу имъ грозно: *schmeissen sie alle ins Wasser* (бросьте всѣхъ въ воду). Они, хотя и не охотно, однако жъ напослѣдокъ кидаютъ ихъ, и бѣдныя рыбы, вырвавшись изъ рукъ смерти, летятъ стрѣлою въ прежнее свое жилище. Въ три часа по полудни возвратились мы въ то мѣстечко, откуда началось наше путеплаваніе, то есть въ Нeкерджминдъ. Тутъ приготовленъ былъ обѣдъ. Послѣ обѣда отпустили мы коляски свои въ Гейдельбергъ, а сами поплыли туда въ низъ по рѣкѣ на тѣхъ же лодкахъ, со всѣми тѣми же почестями и проводами. Однимъ словомъ народу и шуму во всю дорогу не только не уменшалось, но отчасу болѣе умножалось. Подъѣзжая къ Гейдельбергу увидѣли мы, что каменной мостъ, подъ который надлежало намъ плыть, весь усыпанъ людьми. Лишь только мы приближились къ нему, всѣ, окружающіе насъ, въ тысячи голосовъ закричали: ура! тутъ пристали мы къ берегу, сѣли въ свои коляски и въ восемь часовъ вечера пріѣхали домой, можно сказать утомленные удовольствіемъ.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Рорбахѣ отправились мы обратно въ Бруксаль. Всѣ уѣхали прежде меня. Когда я собрался ѣхать, хозяйка убогой моей хижинки приходитъ просить у

меня за постой. Я, чтобъ показать себя щедрымъ, даю ей двадцать пять рублей. Она не беретъ и проситъ полтораста.—„Съ ума ты сошла, голубушка! да этова не потребовали бы съ меня и въ самой лучшей гостинницѣ.“—„Можетъ быть, отвѣчаетъ она, но туда часто прiѣзжаютъ, а мнѣ отроду въ первой разъ случилось имѣть у себя постояльца.“—Что дѣлать? Поворчавши не много заплатилъ. Прiѣзжаю въ Брухсаль и расказываю это Нарышкину. Онъ говоритъ мнѣ: какъ? да она это число поставила за тебя въ щетѣ, которой подала Императрицѣ, и получила за то деньги. Удивясь наглости этой бабы, я хотѣлъ поступокъ ея довести до свѣдѣнiя Маркъ-Графини, но опасаясь, чтобъ это не принято было за жалобу мою и отыскиванiе моихъ денегъ, разсудилъ лучше промолчать. — Въ Брухсалѣ провождали мы время по прежнему, хотя не пышную, но довольно прiятную жизнь. Всѣ Парижскiя новости знали мы только изъ вѣдомостей, да изрѣдка отъ проѣзжающихъ. Признаюсь, многiя изъ нихъ казались мнѣ странными. Я къ языку нынѣшнихъ бумагъ не могу привыкнуть. Какъ? въ однѣхъ и тѣхъ же вѣдомостяхъ въ одномъ мѣстѣ читаешь о неслыханныхъ злодѣйствахъ Наполеона, а въ другомъ, какимъ образомъ на островѣ Эльбѣ встрѣчаютъ его съ пушечною пальбою, и кто же? люди ему не подвластные! Между тѣмъ, какъ во Францiи

описывают, сколько онъ подѣлалъ зла *), и что въ самыя послѣднія господства своего минуты далъ (какъ увѣряютъ) повелѣніе подорвать и сжечь Парижъ; **) между тѣмъ, говорю, какъ все это описываютъ и даютъ ему гнуснѣйшія имена, онъ въ провозглашеніяхъ своихъ пишетъ: *j'ai sacrifié mes droits aux intérêts de la patrie* (я правами своими пожертвовалъ пользамъ Отечества), и Генералъ его вмѣсто, чтобъ стыдиться носить на себѣ сіе названіе, съ раболѣпствомъ даетъ ему имена: *l'Empereur Napoleon, auguste Monarque!* Какъ же можно къ такимъ вещамъ привыкнуть? Сравнимъ жизнь и участь Людовика XVI, Короля можетъ быть слабаго, но впрочемъ добродушнаго и человѣколюбиваго, съ жизнію и участію сего губителя народовъ: одинъ не хотѣлъ возставшихъ противъ него подданныхъ своихъ усмирять пролитіемъ крови ихъ, и за то былъ мучимъ и казненъ, а другой для утвержденія беззаконной власти своей искалъ всѣхъ жечь, губить, истреблять, и теперь, по низверженіи своемъ, гордится еще и наслаждается почестями! ***) Видно слова Свя-

*) Смотри прокламацію Генеральнаго Францускаго совѣта, изданную въ Парижѣ Апрѣля 1 дня 1814 года.

**) Сказываютъ начальнику, не исполнившему сего звѣрскаго повелѣнія, пожалованъ отъ Нашего Императора орденъ св. Анны.

***) Я думалъ такъ, когда не зналъ еще о судьбѣ, ожидавшей Наполеона, и которую онъ самъ себѣ, вторичнымъ поку-

щешнаго писанія: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*, сказаны не для здѣшняго, но для будущаго свѣта. — Добро! перестанемъ объ этомъ разсуждать и скажемъ что нибудь другое.

Сюда пріѣхалъ нѣкто Англичанинъ, путешествовавшій въ Камчатку и Китай, откуда вывезъ двухъ тамошнихъ урожепцевъ, изъ которыхъ одинъ игралъ передъ нами нѣчто изъ ихъ театральныхъ произведеній. Зрителями были весь дворъ и множество людей, смотрѣвшихъ сквозь окна и двери. Китайская трагедія его, или комедія, или драма (не знаю что такое) состояла, сколько изъ тѣлодвиженій и перемѣнъ голоса понять было можно, въ представленіи звѣриной ловли. Нѣкоторыя мѣста выражалъ онъ такъ живо, что не зная словъ можно было разумѣть изъявляемыя имъ чувства и страсти. — Другая

неніемъ возвыситься, устроилъ. Многіе и нынѣ, благоговѣя къ нему, полагаютъ въ немъ необычайныя способности, и называютъ его великимъ человѣкомъ. Не спорю; но тотъ, кто по любви къ одному себѣ употребляетъ умъ свой и способности не къ благоденствію, но ко вреду человѣчества, тотъ, чѣмъ больше симъ умомъ своимъ и способностями сдѣлалъ зла, тѣмъ въ глазахъ моихъ меньше и презрѣннѣе. Гораздо бы лучше было для него и для другихъ, когда бы онъ, не имѣя сихъ буйныхъ способностей, имѣлъ простой умъ и доброе сердце. Божественное писаніе велитъ намъ быть *мудрыми яко змія*, но и *смиренными яко голуби*. Кто сего послѣдняго правила не держится, весь умъ того, по моему, никуда негодится.

рѣдкость: здѣсь въ лѣсу нашли молодаго мертваго оленя съ осмью ногами, и приносили его показывать.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Бруксалѣ и узнавъ, что Государь Императоръ изъ Парижа поѣхалъ въ Лондонъ, Императрица съ Маркъ-Графинею и мы всѣ за ними отправились въ Баденъ, гдѣ пользовался я тамошними ваннами и прогулками по горамъ и долинамъ. Изъ Страсбурга пріѣхали туда многіе съ разными играми и товарами, чрезъ что сдѣлался родъ ярмонки, привлекавшей къ себѣ людей, а особливо при играхъ собиралось много игроковъ и зрителей. Въ денежномъ обращеніи находилось не мало нашихъ Рускихъ большею частію сторублевыхъ ассигнацій, которыя ходили почти въ настоящей ихъ цѣнѣ. Проводя нѣсколько недѣль съ довольною пріятностію отправились мы обратно въ Бруксаль, и тамъ услышали о скоромъ прибытіи къ намъ Государя Императора. Императрица, узнавъ о приближеніи Его, поѣхала въ худую весьма погоду на встрѣчу къ Нему въ Рорбахъ, гдѣ ночевала, и на другой день, дождавшись Его, вмѣстѣ съ Нимъ пріѣхала. Государь принялъ меня милостиво, распрашивалъ о моей болѣзни, и когда услышалъ, что мнѣ стало нѣсколько лучше, то изъявилъ удовольствіе свое и сожалѣніе, что я не могъ съ Нимъ быть при взятіи Парижа. На

это отвѣчалъ я Ему: „Государь! судьба лишила меня счастія сопровождать Васъ и быть свидѣтелемъ сего великаго происшествія, но и въ отсутствіи моемъ старался я исполнить мою должность: послалъ къ Вашему Величеству заготовленный мною на сей случай Манифестъ; но какъ вмѣсто онаго изданъ другой, *) то и полагаю я, что по какимъ нибудь обстоятельствамъ, о которыхъ заочно не могъ я знать, написанъ онъ не такъ, какъ бы вамъ угодно было.“ — Когда ты послалъ его ко мнѣ? спросилъ меня Государь. — Въ самый тотъ день, отвѣчалъ я, когда дошелъ до насъ слухъ о взятіи Парижа. Я написалъ письмо къ Вашему Величеству и вложилъ въ него оный. — Можетъ быть Я и получилъ твое письмо, сказалъ мнѣ Государь, но какъ множество приходило ко Мнѣ писемъ, а Я очень былъ занятъ, то легко станется, что Я не прочиталъ его и оставилъ не распечатаннымъ. Я бы очень желалъ услышать этотъ Манифестъ. — Естьли угодно, Государь, я вамъ его прочитаю; онъ остался у меня вчернѣ. — Прочитай пожалуй. — Я началъ читать, и когда окончилъ, то Его Величество изволилъ мнѣ сказать: жаль, что я не

---

*) О семъ Манифестѣ выше сего, во время пребыванія моего въ Раштадѣ, было уже упомянуто.

зналъ о немъ прежде; однакожъ ты сохрани его; я найду случай и время обнародовать оный. Манифестъ сей съ нѣкоторымъ принаровленіемъ къ обстоятельствамъ настоящаго времени изданъ былъ послѣ въ слѣдующихъ словахъ:

Божіею милостію мы АЛЕКСАНДРЪ I-й и проч. Возвѣщаемъ всенародно.

»Событія на лицѣ земли въ началѣ вѣка »сего въ немногіе годы совершившіяся суть толь »важны и велики, что не могутъ никогда изъ »бытописаній рода человѣческаго изгладиться. »Сохраненіе ихъ въ памяти народовъ нужно и »полезно для нынѣшнихъ и будущихъ племенъ. »Рука Господня, Ему единому извѣстными, но »явными очамъ смертнаго путями, вела ихъ, со»располагала, сцѣпляла, устрояла, да исправитъ »людскія неустройства, да утишитъ колеблющія»ся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ »смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. »Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый »разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благо»сти не допустилъ людямъ во мракѣ страстей »своихъ погибнуть. И такъ пройдемъ кратко »теченіе всѣхъ сихъ происшествій. Возвѣстимъ »ихъ народу Нашему, не для тщеславія, но для »пользы его и наставленія. Да прочтетъ дѣла и »судъ Божій; да воспалится къ Нему любовію, »и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ во глубинѣ сердца

»и души своей воскликнетъ: *Не намъ, не намъ,* »*Господи, но имени Твоему.* Тако да сохранит»ся память о семъ въ роды родовъ.

»Лютая, кровавая, разорительная, нынѣ Про»мысломъ Всевышняго благополучно оконченная »война, ни причинами своими, ни огромностію »ополченій, ни превратностію обстоятельствъ, »не подобна ни какимъ извѣстнымъ доселѣ въ »бытописаніяхъ войнамъ. Она есть особенное, »небывалое на земномъ шарѣ приключеніе, и »какъ бы нѣкое во внутренностяхъ ада предуго»тованное зло, на потрясеніе и пагубу всего свѣ»та возникшее и усилившееся до такой степе»ни, до какой праведнымъ судьбамъ Всевышняго »угодно было допустить оное. Начало и причи»на сей войны, безпрестанно тлѣвшей, много»кратно вновь и вновь возгаравшейся, потухав»шей иногда, но для того токмо, дабы съ но»вою силою и лютостію воспылать, возвеличить»ся, усилиться и скоро потомъ изъ величайшей »силы упасть, сокрушиться, опять возстать и »опять низринуться, являютъ нѣчто непостижи»мое и чудесное. Она съ самаго начала своего, »какъ нѣкое багровое, огнями и тлѣтворными »дыханіями чреватое облако, возстала не изъ »случайнаго состязанія одного Царства съ дру»гимъ, возстала не съ тѣмъ, чтобъ погаснуть; »но чтобъ, по истребленіи въ сердцахъ человѣ»ческихъ всѣхъ Богомъ насажденныхъ добродѣ-

»телей, всѣми послѣдующими изъ того бѣдствія»ми насытиться и не прежде, какъ въ пролитой крови всего рода смертныхъ утонуть. Она »есть порожденное злочестіемъ нравственное чу»довище, въ отпадшихъ отъ Бога сердцахъ люд»скихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости во»спитанное, таинствомъ злоухищренія и лжи »облеченное, долго подъ личиною ума и просвѣ»щенія изъ страны въ страну скитавшееся и »медоточивыми устами въ неопытныя сердца и »нравы сѣмена разврата и пагубы сѣявшее. Чу»довище сіе въ юности своей злобное, но лука»вое; въ возрастѣ же лютое и наглое, изливаетъ »первую ярость свою на гнѣздо, въ которомъ »родилось. Народъ, возлелѣявшій оное и зловред»нымъ дыханіемъ его зараженный, поправъ вѣру, »престолъ, законы и человѣчество, впадаетъ въ »раздоръ, въ безначаліе, въ неистовство, грабитъ, »казнитъ, терзаетъ самаго себя, и кидаясь изъ »бѣшенства въ бѣшенство, изъ злодѣянія въ зло»дѣяніе, оскверненный убійствомъ верховныхъ »властей своихъ и всего, что было въ немъ луч»шаго и почтеннѣйшаго, избираетъ себѣ въ на»чальника, потомъ въ Царя, простолюдина, чу»жеземца. Сей тако посреди пылкости страстей »Богоотступнаго народа воцарившійся чужезе»мецъ, съ начала лицемѣрствуетъ, выдаетъ себя »за возстановителя благонравія и порядка, за »истребителя того изрыгнутаго злочестіемъ и

»безвѣріемъ чудовища, которое тѣми же когтями »угрожало растерзать цѣлый свѣтъ, которыми »растерзало утробу матери своей, Франціи; но »вскорѣ потомъ, вмѣсто истребителя онаго, яв»ляется первѣйшимъ его воиномъ и поборни»комъ. Сопрягшись съ нимъ душою и мыслями, »надежный на успѣхи распространеннаго имъ »безправія, проложившаго ему путь къ возвы»шенію, напыщенный любовію къ одному себѣ »и презрительнымъ хладнокровіемъ ко всему »роду человѣческому, мощный многолюдствомъ, »слѣпотою и дерзостію своего народа, собираетъ »онъ великое воинство, и устремляется съ неимо»вѣрною яростію на разрушеніе сосѣдственныхъ »и отдаленныхъ Царствъ. Успѣхи сопровождаютъ »всѣ его шаги. Державы едина за другою предъ »нимъ преклоняются. Рѣки пролитой крови до»ставляютъ ему господство. Онъ низвергаетъ съ »престоловъ законныхъ Государей, дѣлитъ, сла»гаетъ новыя области, и поставляетъ надъ ними »изъ семейства своего подъ именемъ Королей »начальниковъ подъ собою. Начинаетъ войну, »дабы расхищеніемъ имуществъ, обобраніемъ »людей, занятіемъ крѣпостей и налогами страш»ныхъ даней, не токмо разорить городъ или об»ласть, но и въ мирѣ съ нею быть ея полнымъ »повелителемъ. Мирится, вступаетъ въ союзъ, »дабы, наруша договоры, безконечными требо»ваніями и насильственными средствами осла-

»бить, истощить союзника, и новою потомъ вой»ною наложить на него узы совершеннаго пора»бощенія.—Неслыханное дѣло: воюетъ съ однимъ »Царствомъ, и въ тоже время людьми того Цар»ства воюетъ съ другимъ! Даже часто вообру»жаетъ ихъ противъ собственнаго ихъ Отече»ства, и вѣрность ихъ къ оному называетъ »измѣною! Сими неистовыми, безчеловѣчными »способами, присовокупляя къ нимъ ужасъ »казней, расточеніе награбленныхъ корыстей, »языкъ лжи и обмана, гласъ надменности »и повелительства, достигаетъ до того, что дѣ»лается толико же силенъ оружіемъ, колико »страшенъ наглостію и свирѣпствомъ. При вся»комъ, кровопролитіемъ, или хитростію, или »угрозами одержанномъ успѣхѣ, гордость его »выше и выше возрастаетъ. Онъ предпріемлетъ »присвоить себѣ, Богу токмо единому свойствен»ное право *единовластнаго надъ всѣми влады»чества.* Предпріятіе безумное, безразсудное; но »не меньше того кровавое, пагубное, ужасное: »Богопочитаніе и вѣроисповѣданіе угрожаемы »были паденіемъ; поставленные отъ Бога Цари »долженствовали отрещись отъ власти управлять »своими подданными; народы осуждались не »имѣть ни отечества своего, ни законовъ, ни »языка, ни свободы, ни собственности, ни тор»говли, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни добродѣте»лей; просвѣщеніе, науки, художества, искуства,

»промышленность, словомъ всѣ трудолюбивыя »дѣянія человѣческія, низвергались въ первобытный мракъ и невѣжество, изъ коихъ чрезъ толикіе вѣки, труды и опыты главу свою подъяли. Всеобщее рабство долженствовало произвесть всеобщую бѣдность и взаимное другъ »друга истребленіе. Въ сихъ Богопротивныхъ по»мыслахъ, не щадящій ни какихъ потоковъ кро»ви, не признающій ни какой законной власти, »не уважающій ни какихъ правъ народныхъ, »возмечталъ онъ на бѣдствіяхъ всего Свѣта осно»вать славу свою, стать въ видѣ Божества на »гробѣ Вселенной.

Съ сей высоты великихъ надеждъ и мечта»ній своихъ обращаетъ онъ завистные взоры »свои на Россію. Напыщенный побѣдами и по»кореніемъ многихъ земель, полагаетъ онъ ее »удобопреодолимою, но еще для него страшною »и могущею воспрепятствовать, или по крайней »мѣрѣ воспротивиться, устремленнымъ на завла»дѣніе всего свѣта пагубнымъ его намѣреніямъ. »И такъ, дабы сломить и расторгнуть сію еди»ственную преграду, напрягаетъ, совокупляетъ »онъ всѣ свои силы, приневоливаетъ всѣ под»властныя и зависящія отъ него державы и на»роды соединиться съ нимъ, и съ симъ ужа»снымъ, изъ дватцати Царствъ составленнымъ »ополченіемъ, не переставая къ силѣ прилагать »обманы и съ приготовленіемъ брани твердить

»о продолженіи мира, приближается къ предѣ-
»ламъ Россійской Имперіи, и въ тоже самое
»время, безъ всякаго объявленія войны, втор-
»гается стремительно въ ея области. Тако, на
»подобіе быстрой съ горъ водотечи, завоеватель
»сей, мощный силою, неукротимый злобою, те-
»четъ, несется въ самую грудь ея. На пути, по-
»купая каждый шагъ кровію, движется, грабитъ,
»истребляетъ села, пожигаетъ грады, разоряетъ
»Смоленскъ, и достигнувъ до Москвы, предаетъ
»ее хищенію и пламени. Торжествуетъ, злодѣй-
»ствуетъ, ругается надъ человѣчествомъ, надъ
»Святынею.

»Какая оставалась надежда къ спасенію?
»Когда великому злу сему, въ началѣ еще воз-
»никающему, вся Европа не могла воспротивить-
»ся, то возможно ли было ожидать, чтобъ семужъ
»самому злу, толь высоко возросшему и сила-
»ми всей Европы утучненному, единая, и та уже
»глубоко уязвленная Россія могла поставить
»оплотъ? Но что воспослѣдовало? О Провидѣніе!
»Мечъ, сѣкира, гладъ и мразъ соединяются на
»пагубу пришедшихъ съ яростію и бѣгущихъ
»со страхомъ изъ Москвы враговъ. Не спасаетъ
»ихъ ни многочисліе, ни оборона, ни бѣгство.
»Месть Божія совершается надъ ними. Не помо-
»гаетъ имъ оставленіе всѣхъ орудій, всѣхъ коле-
»сницъ съ порохомъ, съ золотомъ, съ корыстя-
»ми; кони ихъ падаютъ подъ ними; сколь вели-

»ко было число войскъ ихъ при входѣ, столь »велико число труповъ ихъ при выходѣ. Образъ »истребленія и казни ихъ ужасаетъ природу: »мертвыя снѣдаемыя вранами тѣла на окостенѣлыхъ лицахъ своихъ являли отчаяніе, и рука смерти не могла изгладить застывшихъ на »нихъ при послѣднемъ издыханіи мучительныхъ »чусвтвъ святотатства и злодѣянія. Тако всѣ »умирали! Единый повелитель ихъ избѣгшій отъ »погибели и плѣна, съ немногими полководцами »своими уходитъ въ свою землю. Россійскіе воины, спасшіе Отечество свое, идутъ спасти Европу. Народы по неволѣ противъ нихъ ополченные, видя ихъ дружественно къ нимъ приближающихся, возникаютъ, возстаютъ духомъ »мужества, соединяются съ ними и единъ по »единому, разрывая узы порабощенія, оружіе »свое съ радостію на истиннаго врага своего »обращаютъ. Онъ, какъ разбитая вѣтрами, но »еще угрюмая и мрачная туча, скопляется, »усиливается, исходитъ на брань. Новыя рѣки »крови текутъ и никакія бѣдствія человѣческія »не могутъ подвигнуть свирѣпой души его къ »миролюбію. Гордость обладать всемъ свѣтомъ, »и алчность къ истребленію всего, не погасаютъ »въ сердцѣ его даже и тогда, когда послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ пораженъ, расторженъ и разсѣянъ, утекаетъ онъ въ свою »беззащитную столицу. Тамъ еще ополчается,

»еще собираетъ воинство, еще отвергаетъ миръ,
»и новыми усиліями и бранями доводитъ себя
»и народъ свой до совершеннаго изнеможенія,
»доводитъ, и низвергается съ похищеннаго имъ
»Престола въ прежнее свое ничтожество.

»Тако пріуготовляемая цѣлымъ вѣкомъ, »возросшая семнатцатилѣтними успѣхами и по»бѣдами, сооруженная на кострахъ костей чело»вѣческихъ, на пожарахъ и разореніяхъ градовъ »и Царствъ, исполинская власть, угрожавшая »поглотить весь свѣтъ, падаетъ безъ возстанія »во едино лѣто, и Россійскіе, какъ бы крылатые »воины, изъ подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Про»видѣнія на груди *) и со Крестомъ въ сердцѣ, »являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа. »Сія гордая столица, гнѣздо мятежа, разврата »и пагубы народной, усмиренная страхомъ, от»верзаетъ имъ врата, пріемлетъ ихъ, какъ изба»вителей своихъ, съ распростертыми руками и »радостнымъ восторгомъ; имя чужеземнаго хищ»ника изглаживается, воздвигнутые въ честь ему »памятники низвергаются долу, и законный Ко»роль издревлѣ владѣтельнаго дома Бурбоновъ, »Лудовикъ XVIII, въ залогъ мира и тишины, »по желанію народа возводится на прародитель»скій Престолъ. Тамъ — о чудное зрѣлище! — »Тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое »адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось

---

*) Серебреная медаль, учрежденная въ 1813 году, Февраля 5 дня. См. подъ заглавіемъ: *войскамъ нашимъ* стран. 78.

»надъ вѣрою, надъ властію Царей, надъ духовен»ствомъ, надъ добродѣтелію и человѣчествомъ; »гдѣ оно воздвигало жертвенникъ и курило ов»міамъ злодѣйству; гдѣ несчастный Король Лю»довикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія; »гдѣ въ страхъ доброправію и въ ободреніе не»истовству, повсюду лилася кровь невинности: »тамъ, на той самой площади, посреди покры»вавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ »Державъ войскъ, и при стеченіи безчисленнаго »множества народа, Россійскими священнослужи»телями, на Россійскомъ языкѣ, по обрядамъ »православной нашей вѣры, приносится торже»ственное пѣснопѣніе Богу, и тѣ самые, кото»рые оказали себя явными отъ Него отступни»ками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами церкви, »преклоняютъ предъ Нимъ свои колѣна во изъ»явленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и »низверженіе ихъ власти! Тако водворяется на землю »миръ, кровавыя рѣки престаютъ течь, вражда »всего Царства превращается въ любовь и благо»дарность, злоба обезоруживается великодушіемъ »и пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

»Кто человѣкъ, или кто люди могли совер»шить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не »явенъ ли здѣсь Промыслъ Божій? Ему, Ему еди»ному слава. Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры »воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, »утучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отрастив-

»нее черныя крылья свои, дабы летая по свѣ»ту, стрясать съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на »землю. Вѣчная правда Божія допустила возра»сти оному, да накажется родъ человѣческій за »преступленіе свое, да пострадаетъ и научится »изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ »страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и »безопасность людей. Но положивый тако въ »праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣваю»щійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ »превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ »на него взоръ прещенія; тогда власть его мгно»венно преходитъ, сила разрушается, очарованіе »исчезаетъ, и оно повсюду гонимое, растерзан»ное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ »самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло, и отколѣ толь »высоко вознесло ядовитую свою главу.

»Таковъ былъ конецъ лютой, долговремен»ной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія; »престала литься кровь; потухли пожары гра»довъ и Царствъ. Солнце мира и тишины взо»шло и благотворными лучами освѣтило вселен»ную. Глава и предводитель сей ужасной войны, »Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищен»наго имъ престола, предается въ руки своихъ »противуборниковъ. Судъ человѣческій не могъ »толикому преступнику изречь достойное осуж»деніе: не наказанный рукою смертнаго, да пред»станетъ онъ на страшномъ Судѣ, всемірною

»кровію облiянный, предъ лице безсмертнаго »Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ »воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ Дер»жавъ предложили онѣ безъ всякой мести дру»желюбную руку Француском у народу, дали въ »удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдащняго »пребыванія его, островъ Эльбу, и приступили »къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и »къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ то»ликими войнами и насильствами Европейскихъ »дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ какъ съ »одной стороны благонамѣреніе пеклось о возста»новленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой »злонамѣреніе не преставало помышлять о раз»рушеніи оныхъ.—Духъ злочестія и гордости не »знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ »умысловъ: лишенный власти, онъ таится въ серд»цахъ развратныхъ людей; обезоруженный воору»жается ухищреніями; низверженный силится »возстать; пощада раждаетъ въ немъ новую злобу »и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и »сношеніямъ съ своими единомышленниками, »уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ »немногими своими приверженцами къ Францу»скимъ берегамъ. — При каждомъ шагѣ нахо»дитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя »противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и »грабительствамъ, Королевскія войски, поощря»емыя толико же развращенными предводителя-

»ми къ измѣнѣ законному Королю своему, пре»даются снова беззаконному хищнику. Народъ »отчасти буйственный и мятежный, отчасти »устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и »снова провозглашаетъ Императоромъ своимъ »низверженнаго и отрекшагося навсегда отъ обла»данія Франціею чужеземца. Король удаляется »и столица Франціи отворяетъ врата свои бѣг»лецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возни»каетъ злочестіе, вновь возносится черная зло»дышущая туча, вновь возгарается толикою »кровію и бѣдствіями потушенная война. Но »Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость »свою: зломысліе, мнившее возстановить преж»нюю власть и величіе свое на разногласіи Со»юзныхъ Державъ, находитъ ихъ противъ чаянія »своего единодушными. Всѣ силы ихъ неукосни»тельно обращаются на потушеніе сего внезапу »вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособран»ныя силы бѣглеца подъ собственнымъ его пред»водительствомъ поражаются кровопролитнымъ, »но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и »гордости вторично низлагается и умолкаетъ, »послѣднія искры его погасаютъ, народное вол»неніе утихаетъ, Король Людовикъ XVIII воз»вращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте »отвозится въ заточеніе на окруженный про»странствомъ Океана островъ Святыя Елены, и »миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоден-

»ствію всѣхъ народовъ процвѣтаетъ на моряхъ и »на земли.

»Что изречемъ Россіяне, любезные Наши »вѣрноподданные? Какими преисполнимся чув»ствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ собы»тій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ »предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы »претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села »наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; »но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; »Онъ праведный гнѣвъ свой на насъ превратилъ »въ неизреченную милость. Мы спасли Отечест»во, освободили Европу, низвергли чудовище, »истребили ядъ его, водворили на землю миръ »и тишину, отдали законному Королю отъятый »у него престолъ, возвратили нравственному и »естественному свѣту прежнее его блаженство и »бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показы»ваетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совер»шенія сего нашими руками далъ слабости на»шей свою силу, простотѣ нашей свою мудрость, »слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что избе»ремъ: гордость или смиреніе? Гордость наша »будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна »предъ Тѣмъ, Кто излiялъ на насъ толикія щед»роты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ »мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши »нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, при»несетъ намъ честь, славу, и покажетъ свѣту,

»что мы ни кому нестрашны, но и никого не »страшимся.

»Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, Россійское Христолюбивое воинство и народъ, ознаме»новались милостію къ тебѣ Божескою. По »краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, »какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ »намъ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечер»нимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его являет»ся купно и спасительное для насъ поученіе. Да »пребываетъ всегда въ памяти и предъ очами »нашими претерпѣнное нами наказаніе и приво»дящая природу въ содроганіе, ужасная казнь, по»стигшая враговъ нашихъ. Она громче небесной »трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и без»вѣрія! Сія страшная мысль, проницая во глуби»ну душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣ»шительное и радостное воспоминаніе о неизре»ченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, »которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проли»ваетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя »сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность »къ Богу и любовь къ добродѣтели.

»Мы, послѣ толикихъ происшествій и под»виговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія »вѣрноподданнаго Намъ народа, недоумѣваемъ въ »изъявленіи ему Нашей благодарности. Мы ви»дѣли твердость его въ вѣрѣ, видѣли вѣрность »къ престолу, усердіе къ отечеству, неутоми-

»мость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, муже»ство въ браняхъ. Наконецъ видимъ совершив»шуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и »съ Нами видитъ вся вселенная. Кто кромѣ Бо»га, кто изъ владыкъ земныхъ, и что можетъ »Ему воздать? Награда ему дѣла его, которымъ »свидѣтели небо и земля. Намъ же, преиспол»неннымъ любовію и радостію о толикомъ на»родѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу »моленіяхъ Нашихъ призывать на него вся бла»гая: да славится, да процвѣтаетъ, да благоден»ствуетъ онъ подъ всесильнымъ Его покровомъ »въ роды родовъ!

Данъ въ С. Петербургѣ Генваря 1-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1816, Царствованія же Нашего въ пятоенадесять.

(На подлинномъ подписано:) АЛЕКСАНДРЪ.

Между тѣмъ изъ Петербурга отъ лица Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта, и Правительствующаго Сената, прислано было къ Государю Императору съ тремя знаменитыми особами прошеніе о принятіи на себя подносимаго Ему отъ всѣхъ Сословій наименованія *Благословенный*, и позволенія воздвигнуть Ему памятникъ. Государь, получа сіе, призвалъ меня къ Себѣ и приказалъ мнѣ въ отвѣтъ на поднесенное Ему прошеніе написать къ вышепомянутымъ Сословіямъ указъ, въ которомъ бы

изъявлено было, что Его Величество, благодаря за ихъ къ Нему любовь и усердіе, отъ воздвигнутія Ему памятника, и принятія наименованія *Благословенный*, отрицается и не соизволяетъ. Выслушавъ приказаніе Его я нѣсколько позадумался, и когда Онъ спросилъ меня о причинѣ моего сомнѣнія, то я сказалъ Ему: „Государь! мнѣ кажется Вы, по скромности мыслей Вашихъ и чувствъ, можете отрещися отъ воздвигнутія Вамъ памятника, но отказаться отъ наименованія *Благословеннымъ* требуетъ нѣкотораго особливаго размышленія, потому что словомъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть Васъ *благимъ*, добрымъ Государемъ. Какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобъ народъ Вашъ не называлъ Васъ симъ именемъ? По истинѣ я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ, чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія Вашего.“ — Хорошо сказалъ Государь, напиши, какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности. — На другой день принесъ я къ Нему слѣдующаго содержанія бумагу:

»Указъ, и проч. — Внимая посланному ко »Мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго »Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію »о воздвигнутіи Мнѣ въ Престольномъ Градѣ

»памятника и приштіи прoименованія *Благосло-»венный,* *) не могъ Я во глубинѣ души Моей не »почувствовать величайшаго удовольствія, видя »съ одной стороны дѣйствительно совершившее-»ся надъ нами благословеніе Божеское, а съ дру-»гой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ »Сословій, приносящихъ Мнѣ имя самое для Ме-»ня лестнѣйшее; ибо всѣ старанія и помышле-»нія души Моей стремятся къ тому, чтобъ теп-»лыми молитвами призывать на Себя и на ввѣ-»ренный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и »чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ »вѣрноподданныхъ Моихъ и вообще отъ всего »рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ Моихъ »желаній и Моего благополучія! Но при всемъ »тщаніи Моемъ достигнуть до сего, не позво-»ляю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, »что я ужѐ достигъ до того, и могу смѣло зва-»ніе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю »Я оное съ правилами и образомъ мыслей Мо-»ихъ не согласнымъ, что всегда и вездѣ пре-»клоняя вѣрноподданныхъ Моихъ къ чувствамъ »скромности и смиренія духа, Самъ первый по-»кажу не соотвѣтствующій тому примѣръ. Сего »ради, изъявляя совершенную Мою признатель-»ность, убѣждаю Государственныя Сословія оста-

*) Смотри въ собраніи Манифестовъ стран. 159, присланную о семъ съ нарочно отправленными къ Государю Сенаторами бумагу.

»вить оное безъ всякаго исполненія. Да соору»дится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ »оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! »Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ на»родъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благо»словляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и »да будетъ надо Мною и надъ нею благослове»ніе Божіе« (Бруксаль, Іюня 30 дня 1814 года). — Государь безъ всякой перемѣны утвердилъ бумагу сію своимъ подписаніемъ.

Наконецъ настало давно ожиданное мною время возвратиться въ Россію. Я просилъ Государя отпустить меня напередъ, для того, что по слабости здоровья моего не могъ съ такою же, какъ Онъ, скоростію за Нимъ ѣхать. Онъ позволилъ, и я, собравшись въ дорогу, пошелъ откланяться Императрицѣ. Она была одна въ своемъ кабинетѣ, и показалась мнѣ очень скучною. Когда я увѣдомилъ Ее о причинѣ моего къ Ней прихода, то Она сказала мнѣ со слезами: „Я завидую вашей участи: вы ѣдете въ Россію, и Я желала бы тогоже, но Государь хочетъ, чтобъ Я оставалась еще здѣсь.“ Слова сіи удивили меня и растрогали: я также не могъ удержаться отъ слезъ, и сказалъ Ей съ чувствомъ усердія и состраданія: „Государыня! Какой Россіянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ во глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности?“

Она пожаловала мнѣ поцѣловать руку Свою и отпустила меня, пожелавъ мнѣ счастливаго пути. Послѣ сего зашелъ я къ Маркъ-Графинѣ, поблагодарилъ ее за всѣ оказанныя мнѣ милости и ласки, простился со всѣми здѣшними, и отправился въ путь.

Возвратное путешествіе мое въ Россію было безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Въ Веймарѣ, гдѣ ожидали скораго прибытія Государя, зашелъ я на короткое время къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, и видѣлъ тутъ между прочими знаменитаго Нѣмецкаго писателя Гете. Черезъ нѣсколько дней Государь Императоръ на дорогѣ обогналъ меня, остановился, и отдалъ мнѣ для храненія нѣкоторыя бумаги. Потомъ и я пріѣхалъ за нимъ благополучно въ Петербургъ, гдѣ, по довольно долговременномъ отсутствіи, насладился радостію свиданія съ моими ближними и пріятелями. Я не продолжаю описывать здѣсь дальнѣйшихъ со мною происшествій, предоставляя то другому случаю и времени, естьли оно до того меня допуститъ.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр.*	*напечатано.*	*читай.*
20.	16.	не служать	не служатъ
22.	8.	самаго	самого
75.	5.	расхишавшихъ	расхищавшихъ
120.	13.	Курфирстъ	Курфирстъ
130.	3.	ярманку	ярмонку
—	26.	сдучай	случай
141.	20.	самаго	самого
148.	25.	видять	видятъ
149.	1.	Нѣтъ они	нѣтъ. Они
240.	28.	chaire	chair
290.	29.	изречъ	изречь